

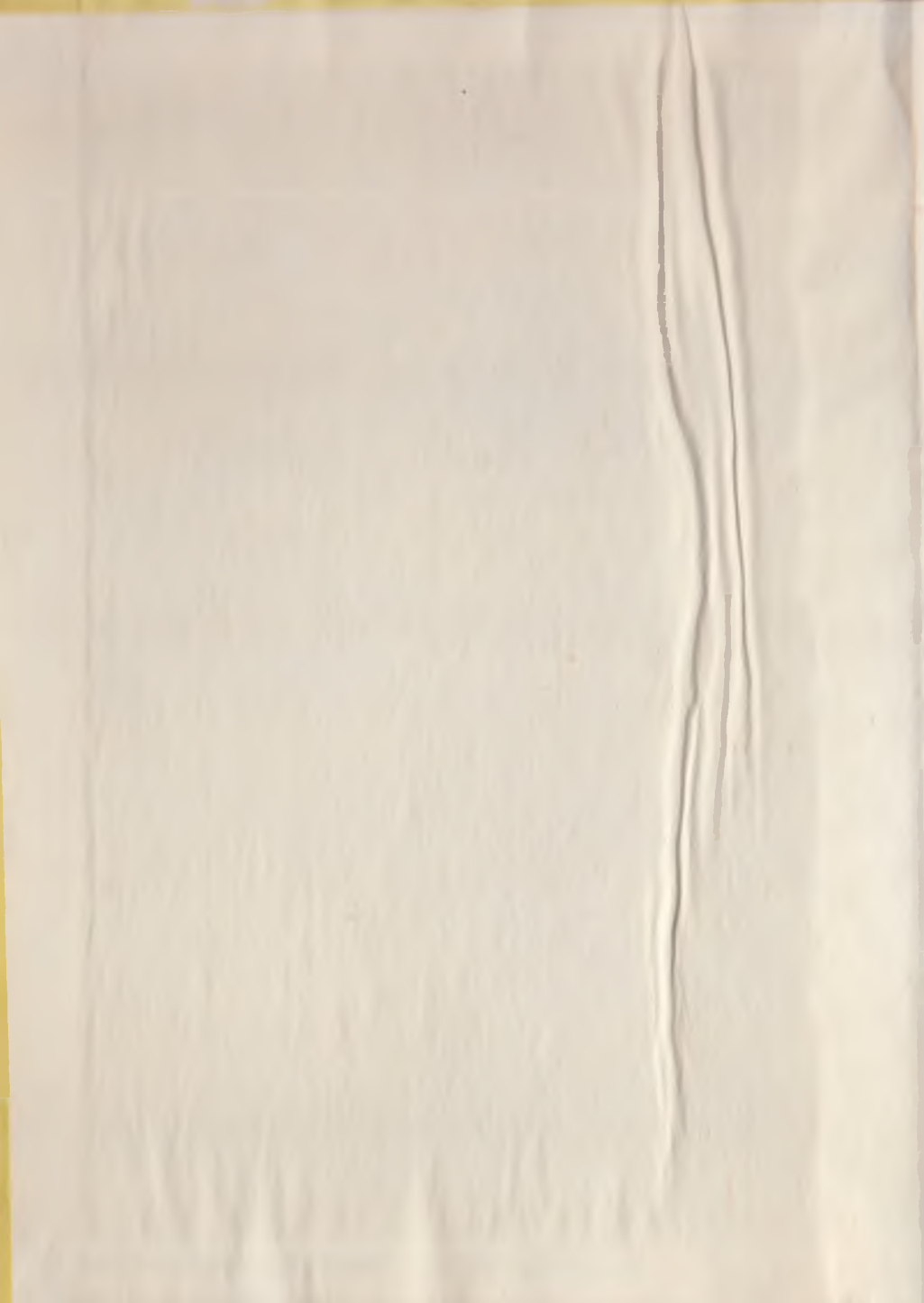
ДЖЕК
ЛОНДОН

БЮРО

УБИЙСТВ

РОМАН

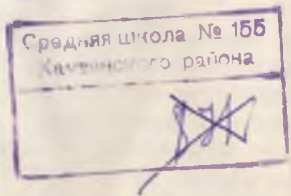
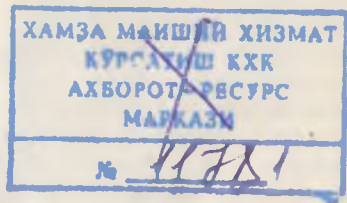
Б.О

ДЖЕК ЛОНДОН

БЮРО УБИЙСТВ

Роман

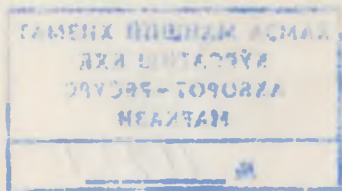
Перевод с английского

ТАШКЕНТ
«УЗБЕКИСТОН»
1991

Оформление художника **В. П. Слабунова**

Перевод с английского *В. Быкова*

ISBN 5-640-01118-1

О РОМАНЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА «БЮРО УБИЙСТВ»

История впервые публикуемого на русском языке романа Джека Лондона «Бюро убийств» довольно любопытна.

Лондон писал его на сюжет, купленный в 1910 году у Синклера Льюиса, в то время неизвестного журналиста, а впоследствии — крупнейшего американского романиста.

Лондоном было написано двенадцать с половиной глав, однако по неизвестным причинам работа над романом была отложена. Книга так и осталась незаконченной. После смерти писателя по заметкам Лондона роман намеревалась завершить его жена Чармейн Лондон. Ею были сделаны наброски для продолжения, однако замысел Чармейн не был осуществлен.

Рукопись «Бюро убийств» долгое время лежала в архивах. Только в 1963 году американский писатель Р. Фиш, воспользовавшись заметками Джека Лондона, дописал книгу.

«Бюро убийств» — детектив. Уже по некоторым рассказам Лондона (таким, например, как «Крылатый шантаж») можно было судить об интересе писателя к детективу, однако теперь впервые мы можем познакомиться с развернутым произведением Лондона этого жанра.

Как обычно в детективных романах, событийная сторона книги у Лондона на первом плане, но обращает на себя внимание также философское ее содержание.

Убийцы, пытающиеся оправдать свою деятельность благими намерениями, изображаются писателем как сообщество фанатиков. Этим людям не чуждо человеческое, но это люди свихнувшиеся, охваченные бредовой идеей. Это ясно всякому здравомыслящему человеку: такими показывает их читателю Лондон.

Джек Лондон издевается над убийцами-вегетарианцами, запутавшимися в формально-логических построениях своих идеи.

отских этических теорий. Он показывает бесперспективность пути «героев», действующих в отрыве от народа.

В романе явственно звучит разоблачение нищенства, пресловутой теории о «всаднике на коне», вершащем судьбы народов.

Лондон выступил против анархистской идеологии, методов индивидуального террора. Этот роман был обращен против американских анархистов, но также в известной мере и против ошибок русских народовольцев, недооценивших роль народа в революции.

Книга, таким образом, кое-что уточняет во взглядах Лондона (он сам в романе «Железная пята» 1908 года недооценивал значение масс в революции) и опровергает приписываемую ему иногда близость к анархистам.

Ни в каком другом произведении Джека Лондона не звучит с такой силой русская тема. Здесь упоминаются русские писатели, общественные деятели и революционеры. В романе слышны отзвуки русской революции 1905—1907 годов. Даже среди главных персонажей романа — выходцы из России.

Случилось так, что роман «Бюро убийств» вышел в Соединенных Штатах вскоре после сенсационных разоблачений гангстерских организаций, сделанных в американской тюрьме одним из членов гангстерского синдиката «Коза постра», и едва ли не на следующий день после убийства президента Джона Кеннеди.

Такова ирония судьбы: написанный полвека назад роман Джека Лондона оказался по-настоящему актуальным и в современной Америке.

Виль Быков

ГЛАВА I

Это был красивый мужчина с большими выразительными черными глазами, открытым, оливкового цвета лицом, чистой гладкой кожей превосходного мягкого оттенка и копной вьющихся темных волос, которые так и хотелось погладить, — короче говоря, это был тот тип мужчины, который привлекает женские взгляды, и вместе с тем тот тип мужчины, которому прекрасно известно об этой особенности его внешности.

Он был худощав, мускулист и широкоплеч и во всей его фигуре и пронизательном взгляде, которым он окинул комнату, было столько самоуверенности и важности, что это подействовало даже на поведение слуги, сопровождающего его. Слуга был глухонемым, о чем гость едва бы догадался, если бы уже не знал этого по описанию Лэнигана, посетившего ранее этот дом.

Как только за спиной слуги захлопнулась дверь, гость с трудом сдержал охватившую его дрожь. Сама по себе обстановка ничем не возбуждала тревожного чувства. Это была спокойная комната, уставленная полками с книгами, на стенах висели графины и карта. Большая этажерка была набита брошюрами расписаний поездов и пароходов. Между окон располагался широкий, как аэродром, письменный стол, на котором стоял телефон, а рядом на приставном столике — пишущая машинка.

Все было в образцовом порядке.

Внимание посетителя привлекли книги, и он прошелся вдоль полок глазом знатока, отметив прозаические драмы Ибсена, сборник пьес и повестей Шоу, роскошные издания Уайльда, Смолетта, Филдинга, Стерна, а также «Сказки тысячи и одной ночи», «Эволюцию собственности» Лафарга, «Очерки фабианцев», «Экономическое превосходство» Брукса, «Бисмарк и государство социализма» Доусона, «Происхождение семьи...» Энгельса, «Соединенные Штаты на Востоке», Конанта и «Организованный труд» Джона Митчела. Отдельно стояли изданные на

русском языке произведения Толстого, Горького, Тургенева, Андреева и Достоевского.

Гость увидел также и пачки толстых и тонких журналов. На одном углу стола лежало несколько недавно вышедших романов. Посетитель пододвинул ближайший стул, удобно вытянул ноги, зажег сигару и стал изучать книги. Его внимание привлек тоненький томик в красном переплете, с обложки которого вызывающе смотрела яркая девица. Он взял книжку и прочел название: «Четыре недели: шумная книга». Едва он открыл ее, как раздался взрыв. Гость увидев пламя и клубы дыма, резко отпрянул от стола и упал вместе со стулом на спину, неуклюже вскинув ноги. Книга отлетела в сторону. Красивое, оливкового цвета лицо посетителя стало мертвенно-зеленым, а выразительные черные глаза наполнились ужасом.

В этот момент открылась дверь во внутренние покои, и в комнату вошел человек с холодной улыбкой на губах. Он медленно нагнулся, поднял книгу, раскрыл ее и показал запрятанный внутрь механизм.

— Нет ничего удивительного, что такие, как вы, вынуждены обращаться ко мне,— сказал он надменно.— Вы, террористы, всегда были для меня загадкой. Просто понять не могу, почему вас сильнее всего тянет как раз то, чего вы больше всего сами боитесь?

Он продолжал, подчеркнуто выражая свою насмешку:

— Это же порох, вложенный в игрушечный стреляющий пакет. Если он разрядится даже у вас во рту, то самый большой урон, который он может причинить — это временные неудобства при разговоре, да за едой. Ну, так кого вы хотите убить?

Внешность хозяина резко отличалась от внешности гостя. Это был ярко выраженный блондин. Глаза его, окруженные тонкими, самыми нежными, какие только можно представить, совершенно как у альбиноса, ресницами, были бледно-бледно-голубыми. Его лысеющая голова была покрыта порослью нежных, шелковистых, выбеленных временем до белизны снега волос. Губы у него были пухлые и крупные, а очень высокий лоб красноречиво свидетельствовал о недюжинном уме.

Английская речь его была до приторности правильной, судя по только что прозвучавшей грубой простоватой шутке, он, пожалуй, не обладал чувством юмора. Держался он со строгим и суровым достоинством, говорившим о его образованности. Вместе с тем он весь светился от самодовольства и философского спокойствия, совсем не совместимого с игрушечными стреляющими пакетами.

Бесцветные волосы, почти лишенное морщини лицо, не позволяли точно определить его возраст. Ему могло быть тридцать, или пятьдесят, или шестьдесят лет.

— Вы Иван Драгомилов?— спросил посетитель.

— Да, меня знают под этим именем. Оно не хуже любого другого такого, например, как Вилл Хаусман, которое носите вы. Я вас знаю. Вы — секретарь группы Каролины Уорфилд. Насколько я помню, вас представлял Лэннинган.

Он помолчал, покрыл черной профессорской шапочкой свою жидковолосую голову и сел.

— Надеюсь, вы пришли не с жалобой?— добавил он холодно.

— О, нет, совсем нет,— торопливо заверил его Хаусман.— Этим, вторым делом, мы полностью удовлетворены. Но теперь нам нужен Мак-Даффи, шеф полиции...

— Да, я его знаю,— прервал собеседник.

— Он зверь, изверг,— торопливо заговорил Хаусман, закиная от негодования.— Он обезглавил нашу группу, лишил ее лучших бойцов. Выслал Тони, Сисерола и Глука. Несколько раз учинял разгром наших собраний. Его офицеры зверски избивают и истязают наших людей. Это из-за него четверо наших несчастных братьев и сестер томятся в тюремных застенках.

Пока он перечислял свои обиды, Драгомилов кивал головой, соглашаясь с ним.

— Вот, старик Санжер, чистейшая, благороднейшая душа из всех, которые когда-либо дышали грязными испарениями этой цивилизации, семидесятидвухлетний патриарх с разрушенным здоровьем, обречен постепенно умирать в тюрьме Синг-Синг в этой стране свободы. А за что?— воскликнул он взволнованно. Затем, несколько понизив голос, сам ответил на свой вопрос:— Ни за что. Этой своре ищеек нужно снова преподать урок. Не можем мы больше позволять им оставаться безнаказанными. Офицеры Мак-Даффи лжесвидетели. Они только избивали очевидцев. Вам это хорошо известно.

Сам Мак-Даффи был бы давным-давно мертв, если бы нам удалось раньше добыть нужную сумму. Мы оставили наших несчастных товарищей в застенке без защиты, потому что поняли, что убийство обойдется дешевле, чем затраты на адвокатов. Теперь нам удалось собрать необходимое количество денег.

— Вам известно наше правило: не отдавать приказа, не убеждать, что это социально оправдано,— заметил спокойно Драгомилов.

— Разумеется,— недовольно прервал Хаусман.

— Но в данном случае,— спокойно продолжал Драгомилов,— почти нет сомнений, что ваши доводы справедливы. Смерть Мак-Даффи социально оправдана. Могу заверить вас, мы устроим все так, что расследование подтвердит это.

— А если вы не сумеете устроить так, чтобы смерть Мак-Даффи была признана социально оправданной?

— Тогда деньги будут вам возвращены за вычетом десяти процентов, которые пойдут на покрытие расходов расследования. Таковы наши правила.

Хаусман вынул из кармана пухлый бумажник, но потом заколебался.

— А деньги обязательно платить сразу все?

— Конечно,— в голосе Драгомилова прозвучал упрек.

— Но я думал, я полагал... вы знаете, что мы, анархисты,— бедные люди.

— Именно поэтому я назначил такую низкую цену. Десять тысяч долларов — не так уж много за убийство шефа полиции крупного города. Поверьте мне, это едва покроет расходы. С частных лиц мы берем значительно дороже. Будь вы миллионерами, а не бедной группой борцов, я бы запросил с вас за Мак-Даффи не менее пятидесяти тысяч.

— Бог мой! Сколько же вы запросите за короля?— воскликнул собеседник.

— По-разному. Король, ну, скажем, Англии, будет стоить полмиллиона. Небольшой второ-или третьеразрядный король обойдется в семьдесят пять — сто тысяч долларов.

— Никогда не думал, что они стоят так дорого,— проворчал Хаусман.

— Поэтому мы их так мало убиваем. А кроме того, не забывайте о наших затратах. Одни дорожные расходы чего стоят! И не думайте, что моя многочисленная агентура задаром рискует жизнью и убивает. Если вы считаете, что десять тысяч за жизнь Мак-Даффи — слишком дорогая цена, то позвольте вас спросить, разве свою жизнь вы оцениваете дешевле? И еще: для вас, анархистов, очень уж привлекательны динамит или адская машина, а ведь это крайне опасно!

— Нужно, чтобы казнь вызвала сенсацию и была эффектным зрелищем,— вставил Хаусман.

Глава Бюро убийств кивнул головой:

— Да, я понимаю. Но я говорю не об этом. Это же необычайно глупый и грубый и, как я сказал, чрезвычайно опасный способ убийства. Вот, скажем, если ваша группа позволит нам

использоваться, ядом, я сброшу десять процентов, а если дуговой винтовкой, то двадцать пять.

— Исключено!— воскликнул анархист.— Так мы не достигнем цели. Наше убийство должно быть запоминающимся.

— В таком случае я не могу снизить цену. Вы же американец, не так ли, мистер Хаусман?

— Да, я родился в Америке — в Сан-Хосе, штат Мичиган.

— Так почему же вам самим не убить Мак-Даффи? И не сэкономить деньги группы?

Анархист побледнел:

— Нет, нет, мистер Драгомилов. Я... э... характер у меня не тот, чтобы убивать, проливать кровь. Нет, это не по мне. Я даже мухи не мог бы обидеть.

— Тем не менее вы входите в боевую группу.

— Да. Это потому, что я не могу согласиться с толстовской теорией непротивления злу, и не могу «подставить другую щеку, если ударили по одной». Если меня ударили, я должен нанести ответный удар.

— Даже через доверенное лицо,— сухо прервал Драгомилов.

Хаусман опустил голову:

— Да, даже через доверенное лицо, если нет другого выхода — Вот вам деньги.

Пока Драгомилов пересчитывал их, Хаусман решил попробовать выгадать на этой сделке:

— Вот десять тысяч долларов. Убедитесь, все верно. Возьмите их, но помните, что они — свидетельство самопожертвования со стороны десятков моих товарищей, которым большого труда стоил этот нелегкий взнос. Не могли бы вы... э... не могли бы вы включить в этот счет еще одного мерзавца — инспектора Моргана?

Драгомилов отрицательно покачал головой:

— Нет. Ваша группа уже получила самую большую скидку, которую мы можем допустить.

— Но ведь...— пытался настоять собеседник.

— Мы обязательно проведем расследование по делу Мак-Даффи,— перебил его Драгомилов.— Если мы найдем, что его смерть социально не оправдана...

— Что произойдет с десятью тысячами?— нетерпеливо перебил Хаусман.

— Я же сказал. Они будут вам возвращены за вычетом десяти процентов на текущие расходы.

Показывая, что беседа окончена, Драгомилов встал и нажал

гнопку звонка, вызывая слугу. Поднялся и Хаусман. Воспользовавшись задержкой слуги, он спросил:

— А если, предположим, с вами что-то случится: несчастный случай, болезнь? Ведь у меня нет расписки за деньги. Что же, они пропадут?

— Нет, не беспокойтесь. На этот случай все предусмотрено. Если со мной что-нибудь случится, то дело поведет начальник моего чикагского либо сан-францисского филиала. Кстати, вы помните Бургесса?

— Какого Бургесса?

— Железнодорожного короля. Он погиб во время железнодорожной катастрофы. Им занимался один из моих людей. Он получил все деньги вперед, но не успел довести дело до конца, т. к. умер от воспаления легких. И деньги были возвращены. Честные взаимоотношения с клиентами — залог нашего успеха. Теперь о Мак-Даффи...

В этот момент вошел слуга, и Хаусман сделал предостерегающий жест, означающий, что собеседнику лучше помолчать.

Драгомилов улыбнулся.

— Не слышит ни слова, — сказал он.

— Но вы же только что ему звонили. И, клянусь богом, он же открыл двери на мой звонок.

— Вспышка лампы заменяет ему звонок. Вместо звонка включается электрический свет. За всю свою жизнь он не услышал ни звука. Если он не видит губ, то не понимает, что ему говорят. Так вот о Мак-Даффи. Хорошо ли вы обдумали решение его убрать? Запомните, для нас отданный приказ все равно, что выполненный. Иначе наша организация уже перестала бы существовать. Отданный приказ отменить нельзя. Вас это устраивает?

— Полностью. — Хаусман остановился у двери. — Когда мы сможем услышать новости?

Драгомилов на минуту задумался:

— В конце недели. Расследование, как вы понимаете, будет чистой формальностью. Операция сама по себе очень несложная. Мои люди на месте. До свидания.

ГЛАВА II

Неделю спустя, после полудня, у подъезда конторы «С. Константин и К^о» остановилась машина. В три часа из конторы появился сам Сергиус Константин в сопровождении управляю-

щего, которому он на ходу давал какие-то указания. Если бы Хаусман или Лэнинган видели того, кто садился в машину, они бы сразу узнали его, но для них это был не Сергиус Константин, а Иван Драгомилов.

Драгомилов пересек людную Ист-сайд, остановившись только, чтобы купить газету у мальчишки, отчаянно кричавшего: «Экстренный выпуск!» Он не тронулся с места, пока не пробежал глазами короткую заметку, сообщавшую о новом беззаконии анархистов и смерти шефа полиции Мак-Даффи. Когда, он, положив газету на сиденье, тронулся с места, лицо его было спокойно и выражало гордую уверенность, и было от чего; созданная им организация работала с обычной четкостью. Расследование было проведено и Мак-Даффи мертв.

Улыбка скользнула по его губам при мысли, что наверняка доставил радость Кэролин Уорфилд и ее группе террористов, тех самых, у которых не хватило мужества самим уничтожить Мак-Даффи.

Он остановился у жилого дома, недавно построенного на краю одной из самых ужасных трущоб Ист-сайда, поднялся на последний этаж и нажал кнопку звонка. Молодая женщина, открывшая дверь, бросилась ему на шею, расцеловала и, называя уменьшительными именами, ввела в дом. Комнаты были необычайно удобны, уютны и обставлены с большим вкусом. Целомудренной простотой веяло от убранства дома. Здесь был столик со свежими журналами, полки с книгами, занимавшие всю дальнюю часть комнаты.

Крепкая русская блондинка, лицо которой отражало здоровье ее хозяйки и представляло прямой контраст с наружностью ее гостя.

— Что же вы не предупредили меня по телефону?— упрекнула она Драгомилова, и ее английская речь зазвучала мягко без всякого акцента,— меня могло не быть дома. Вы появляетесь так редко, что я и не ждала вас.

Он удобно уселся среди горы подушек на просторной кушетке у окна, положив рядом вечернюю газету.

— Ну, Груня, родная, ты не должна отчитывать меня,— сказал он, глядя на нее с нежной улыбкой.— Я же не маленький и не питомец твоего детсада. Я приехал в надежде увидеть тебя и показать мою новую машину. Не хочешь немного прокатиться со мной?

Она отрицательно покачала головой:

— Не сегодня. В четыре я ожидаю гостя.

— Ну что ж,— он посмотрел на часы.— Да, я хотел бы

знать, вернешься ли ты домой к концу недели? Без нас Элж-Мур чувствует себя одиноко.

— Меня не было всего три дня,— поджала губы Груня.— А вы, как сказала Гроссет, там не были целый месяц.

— Очень занят. Но теперь я собираюсь отдохнуть целую неделю. Буду читать.

— Занят, этот мучитель занят,— вдруг разразилась она смехом и, замолчав, погладила его руку.

— Ты приедешь?— спросил он.

— Сегодня понедельник,— размышляла она вслух.— Да, если...— посмотрела на него лукаво, и закончила — ...если мне можно привести на уик-энд одного моего друга. Я уверена, что он вам понравится.

— О! Это он, один из ваших длинноволосых социалистов?

— Нет, из коротковолосых. А вообще-то вы могли бы не повторять одну и ту же свою шутку. Ни разу в жизни не видела я длинноволосых социалистов. А вы видели?

— Нет, но я видел, как они пьют пиво,— заявил он.

— А вот за это я вас накажу,— она схватила подушку и угрожающе пошла на него.— Сейчас я дурь-то из вас выблюю, как говорят мои ребятишки. Вот вам! Вот! Вот!

— Груня! Я протестую!— вскрикивал он, жадно хватая воздух в промежутках между ударами.— Так не годится. Нельзя так неуважительно обращаться с братом твоей матери. Я же уже старый...

— Ох!— Развеселившаяся Груня отпустила его. Отбросив подушку, она взяла его руку и погладила его пальцы.— Подумать только, ведь эти пальцы разрывали пополам колоду карт и гнули серебряные монеты.

— Теперь это все в прошлом... Они... совсем ослабли.

Он расслабил руку, показывая, какими немощными стали его пальцы, чем и вызвал взрыв ее негодования. Она положила свою руку на его бицепсы.

— А ну-ка, напрягите их,— приказала она.

— Я... я не могу,— проямлил он.— Эх! У-у! Вот самое большее, на что я способен.

Напряжение, которое он продемонстрировал, было и в самом деле очень невелико.

— Ты же видишь, я обрюзг, у меня размягчились ткани от старости.

— Напрягите их!— приказала она, топнув ножкой.

Константин подчинился, и по мере того как его бицепсы на-

прягались под рукой Груни, румянец восхищения заливал ее лицо.

— Как сталь,— прошептала она.— Но только живая сталь. Просто великолепно. Вы дико сильны. Я бы погибла, если бы вы обрушили всю эту силу на меня.

— Тебе следует об этом помнить,— ответил он,— и ценить то, что в пору, когда ты была крохой и отвратительно вела себя, я никогда тебя не шлепал.

— Ах, дядя, а разве вы поступали так не потому, что ваши нравственные убеждения были против этого?

— Верно, а если кто-нибудь и влиял на эти убеждения, так это ты, и, между прочим, довольно часто, особенно в возрасте от трех до шести лет. Груня, дорогая, мне не хочется наносить оскорбления твоим чувствам, но любовь к правде принуждает меня сказать, что в эту пору ты была варваром, дикаркой, троглодиткой, зверюшкой из джунглей, настоящим дьяволенком, волчонком, не признавала никакой морали и не умела себя вести...

Подушка, угрожающе поднятая над головой Груни, заставила его замолчать и торопливо прикрыть руками голову.

— Осторожно!— вскрикнул он.— Судя потому, что ты собираешься сделать, я вижу одну-единственную разницу — ты превратилась в зрелую волчицу. Тебе двадцать два, да? И, почувствовав свою силу, ты начинаешь испытывать ее на мне. Но в другой раз, когда ты попытаешься меня побить, я тебя отшлепаю и не посмотрю, что ты стала взрослой леди.

— Ах вы чудовище! Да нет же!— она вытянула руку.— Посмотрите. Пощупайте. Это же мускулы. Я вешу сто двадцать восемь фунтов. Вы заберете свои слова обратно?

Подушка вновь обрушилась на него. Остановилась Груня в самый разгар битвы, сопровождаемой веселым смехом, отфыркиваниями, увертками и отражениями ударов только тогда, когда вошла девушка с самоваром и стала накрывать на стол.

— Одна из питомиц твоего детсада?— спросил он, когда служанка вышла из комнаты.

Груня кивнула.

— Она выглядит вполне прилично,— заметил он.— И лицо у нее чистенькое.

— Я запрещаю вам дразнить меня моей работой в колонии,— ответила она, с ласковой улыбкой передавая ему чай.— Я сама разработала план воспитания, вот и все. Вы забыли, чем сами занимались в двадцать лет?

Константин покачал головой.

— Возможно, я был только мечтателем,— прибавил он задумчиво.

— Вы занимались чтением и учением, а для улучшения социальных условий жизни абсолютно ничего не сделали, пальцем не пошевелили.

— Да, я не пошевелил и пальцем,— повторил он печально, и в этот момент его взгляд упал на газету с объявлением о смерти Мак-Даффи, что заставило его подавить усмешку.

— Это в русском духе,— воскликнула Груня.— Изучение, детальные обследования и самоанализ, все, что угодно, кроме дел и действий. А я...— ее молодой голос зазвучал гордо.— Я принадлежу к новому поколению, первому американскому поколению...

— Ты родилась в России,— вставил он сухо.

— Но воспитана в Америке. Я же была совсем крошкой. Не знаю я другой страны, кроме этой страны действий. А вы, дядя Сергей, если бы вы только оставили свое дело, ой, какой бы силой могли вы стать!

— А все то, что ты там делаешь,— ответил он.— Не забывай, именно благодаря моему делу ты можешь заниматься своим. Видишь, я творю добро через...— Он замаялся, вспомнив слабохарактерного террориста Хаусмана.— Я творю добро через доверенного. Вот так. Ты мой доверенный.

— Я это знаю, и мне неудобно об этом говорить!— воскликнула она в порыве великодушия.— Вы балуете меня. Я совершенно ничего не знаю о своем отце, поэтому не будет никакого предательства с моей стороны признаться, как я рада, что именно вы заменили мне отца. Мой отец... да, даже отец... не мог бы быть так... так необычайно добр.

И, на этот раз на белого, почти бесцветного русского господина со стальными мускулами щедро посыпались поцелуи.

— Что происходит с твоим анархизмом?— спросил он лукаво, главным образом для того, чтобы скрыть некоторую растерянность и радость, вызванные ее словами.— Одно время, несколько лет назад, все выглядело так, словно из тебя вырастет настоящий красный, извергающий смерть и разрушение на всех защитников существующего порядка.

— Я... я в самом деле симпатизировала такому пути,— неохотно согласилась она.

— Симпатизировала!— воскликнул он.— Ты чуть все жилы из меня не вытянула, пытаешься убедить отказаться от бизнеса и посвятить себя «делу человечества». И ты всегда писала «дело» заглавными буквами, если помнишь. Потом ты увлеклась этой

работой в трущобах, фактически придя к соглашению с врагом, ставя заплаты на прорехи презираемой тобой системы...

Протестуя, она подняла руку.

— Как еще ты это назовешь?— настаивал он.— Твои клубы мальчиков, твои клубы маленьких матерей. А эти ясли, организованные для работниц, зачем? Чтобы, заботясь о детях, дать возможность хозяевам еще основательнее эксплуатировать их матерей,— вот к чему это ведет.

— Но я переросла программу дневных ясель, дядя, вы же знаете.

Константин кивнул головой:

— И несколько прочих программ. Ты становишься по-настоящему консервативной... э... похожей на социалистов. Не из такого материала сделаны революционеры.

— Дядя, дорогой, я еще не настолько революционерка. Я еще расту. Социальное развитие протекает медленно и мучительно. В нем нет коротких путей. Нужно идти шаг за шагом, О, я все еще являюсь философским анархистом. Каждый умный человек — обязательно социалист. Но с каждым днем я все больше убеждаюсь в том, что идеальная свобода анархического государства может быть достигнута только...

— Как его зовут?— внезапно спросил Константин.

— Кого?..— Волна румянца залила девичьи щеки.

Константин спокойно отхлебнул чаю и выжидательно посмотрел на Груню.

Оправившись от смущения, она серьезно посмотрела на него и ответила:

— Я вам скажу в субботу вечером в Эдж-Мур. Он... он из коротковолосых.

— Тот гость, которого ты приведешь?

Она кивнула:

— До этого я вам ничего сказать не могу.

— Вот как?..— удивился он.

— Я... я полагаю,— запнувшись, ответила она.

— Он уже говорил?

— Да... и нет. Не в его правилах начинать что-либо, не будучи совершенно уверенным. Подождите до встречи с ним. Он вам понравится, дядя Сергей, уверена, понравится. И вы с уважением отнесетесь к его образу мыслей. Это... его я жду в четыре часа. Оставайтесь, и вы познакомитесь с ним. Ну, пожалуйста, если хотите.

Но дядя Сергиус Константин, он же Иван Драгомиллов, взглянул на часы и быстро встал.

— Нет, Груня, привози его в субботу в Эдж-Мур, и я постараюсь, чтобы он мне понравился. Так мне будет удобнее. Всю неделю собираюсь бездельничать. Если все это так серьезно, как тебе кажется, попроси его задержаться на неделю.

— Он так занят,— последовал ответ.— Все, что я могла, это уговорить его придти на уик-энд.

— Дело?

— Что-то в этом роде. Но, конечно, не бизнес. Он богат, вам известно. Заботы по улучшению социальных условий — вот, пожалуй, как лучше назвать то, чем он занимается. Но вас восхитят его взгляды, дядя, и вы тоже проникнитесь к нему уважением.

— Я не сомневаюсь, дорогая... все будет так, как ты хочешь,— сказал Константин, когда они, прощаясь, обнялись у порога.

ГЛАВА III

Винтера Холла принимала уже другая — сдержанная молодая женщина. Ее дядя ушел несколько минут назад. Груня была подчеркнута серьезна, пока подавала чай и болтала с ним, если можно назвать болтовней разговор, который касался многих вопросов — от последней книги Горького и самых свежих известий о революции в России до деятельности Дома Халла¹ и забастовки белошвеек.

Оценивая новый вариант ее планов улучшения условий, Винтер Холл отрицательно покачал головой.

— Возьмите, например, Дом Халла,— сказал он.— Он был только средством маскировки ужасающих чикагских трущоб. И до сих пор он, собственно, остается ничем иным, как средством маскировки. Ужасные трущобы начинают разрастаться, проникать в соседние районы. В наши дни порок, нищета и разложение разрослись в Чикаго до невиданных размеров по сравнению с тем, что было, когда оценивали Дом Халла. Затем Дом Халла провалился, как и все прочие благотворительные проекты. Тонущий корабль не спасти ковшем, который вычерпывает воды меньше, чем ее туда поступает.

— Знаю, знаю,— недовольно проворчала Груня.

---

¹ Дом Халла — благотворительное учреждение.

— Возьмите историю с внутренними комнатами¹, продолжал Холл. После окончания гражданской войны в Нью-Йорке было шестьдесят тысяч внутренних комнат. С тех пор борьба против них велась непрерывно. Много людей посвятило свои жизни именно этой борьбе. Тысячи, десятки тысяч граждан с развитым чувством ответственности вкладывали в это свои силы и средства. Целые кварталы были разрушены и переделаны в парки и спортивные площадки. Это великая и страшная борьба. А какой результат? Сегодня, в 1911 году, в Нью-Йорке — более трехсот тысяч внутренних комнат.

Он пожал плечами и отхлебнул чаю.

— Вы все более и более убеждаете меня в двух вещах — призналась Груня.— Во-первых, в том, что свободы, не ограниченной созданными человеком законами, нельзя добиться, минуя фазу созданного человеком социального устройства, которое основано на чрезвычайных законах... Что касается меня, мне бы не хотелось жить в социалистическом государстве. Это меня бы раздражало.

— Вы предпочитаете дикую, мишурную и жестокую красоту нашего современного коммерческого индивидуализма?— спросил он спокойно.

— Пожалуй, да. Пожалуй, да. Но социалистическое государство должно возникнуть. Это я знаю, потому что ясно понимаю другое — провал проектов улучшения для улучшения,— внезапно закончила она, сверкнув своей ослепительной веселой улыбкой, и добавила:— Шутки в сторону. Начинается жара. Почему бы вам не поехать за город, подышать свежим воздухом?

— А почему бы не поехать вам?— спросил он в ответ.

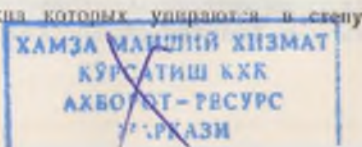
— Я слишком занята.

— Также и я.— Он замолк, и его лицо сразу стало строгим и суровым, отражавшим напряженную работу мысли.— В самом деле, никогда в жизни я не был так занят и никогда не был так близок к завершению большого дела.

— Вы не хотите поехать со мной на неделю, познакомиться с моим дядей?— внезапно спросила она.— Всего несколько минут назад он был здесь. Он хочет, чтобы у него собралась на неделю небольшая компания... просто мы втроем.

Он опять отрицательно покачал головой:

— Я очень хочу и, конечно, поеду, но никак не смогу про-

быть там целую неделю. У меня очень важное дело. Только сегодня я нашел то, что искал на протяжении долгих месяцев.

Пока он говорил, она разглядывала его лицо так внимательно, как только любящая женщина может разглядывать лицо мужчины. Лицо Винтера Холла ей было знакомо до мельчайших черточек: от опрокинутой арки сросшихся бровей до четко очерченных уголков губ, от решительного, без вмятинки, подбородка до мочки уха. Холл, хотя и был влюблен в Груню, не знал в таких подробностях ее лица. Он любил ее, но если бы его вдруг попросили описать ее, Груню, по памяти, он смог бы это сделать только в общих чертах: живая, гибкая, с нежным цветом лица, низким лбом, прическа всегда к лицу, глаза улыбаются и сияют, ласковый румянец на щеках, очаровательный рот и невыразимо прекрасный голос.

А Груня видела перед собой крепкого двадцатидвухлетнего мужчину с челом мыслителя и активного деятеля. Он был голубоглаз, светловолос и бронзоволиц. Такими обычно бывают американцы, много времени проводящие на солнце. Он часто улыбался и смеялся от души. И все же нередко, когда он задумывался, какая-то суровость, почти жестокость, обозначалась на его лице.

Груню, которая любила силу и ненавидела жестокость, порой пугали эти едва уловимые признаки его характера.

Винтера Холла нельзя было отнести к числу рядовых представителей его времени. Хотя его детство было беззаботным и обеспеченным, и он унаследовал от отца приличное состояние, увеличившееся со смертью двух незамужних тетушек, он посвятил себя служению людям. В колледже он специализировался на экономике и социологии, и многие его сокурсники смотрели на него как на чудака. После окончания колледжа он много времени и труда потратил на общественные работы, но это не принесло ему удовлетворения. Он всегда искал движущие пружины заинтересовавшего его явления, доискивался до истинных причин. Поэтому стал интересоваться политикой, а затем решил разобраться в закулисных политических махинациях от Нью-Йорка до Олбани и в столице своей страны.

После ряда, казалось безнадежно потерянных лет, он несколько месяцев провел в университете, который был в те годы настоящим очагом радикализма. Год он занимался поденными работами, разъезжая по стране, еще год колесил по ней вместе с ворами и бродягами. Два года работал в Чикаго в одном из благотворительных учреждений, посвящая этому труду многие часы, и получая пятьдесят долларов в месяц. Все это сделало

его социалистом, «социалистом-миллионером» как окрестила его пресса.

В своих многочисленных поездках он присматривался к жизни, стараясь увидеть все собственными глазами. В числе первых оказывался среди забастовщиков, присутствовал на всех национальных и международных конференциях, целый год провел в России, был свидетелем грозного кризиса русской революции 1905 года. Немало его статей появилось в толстых журналах, его перу принадлежало также несколько книг, хорошо написанных, глубоких, продуманных, но, с точки зрения социалистов, консервативных.

Таков был человек, с которым Груня болтала и пила чай, сидя у окна своей Нью-Йоркской квартиры.

— Но вам совсем незачем сидеть взаперти в этом скверном, душном городе,— сказала она.— Не могу понять, что удерживает вас. На вашем месте...

Но она не окончила фразы, так как в эту минуту заметила, что Холл больше не слушает ее. Его взгляд случайно упал на вечернюю газету, которая лежала на подоконнике. И он, забыв о ее присутствии, взял газету и начал ее читать.

Груня падула свои хорошенькие губки, но он не замечал этого.

— Как это мило с вашей стороны... должна я сказать,— не выдержала наконец она.— Читаете газету, когда я с вами разговариваю.

Он повернул страницу так, чтобы она могла увидеть заголовок статьи об убийстве Мак-Даффи. Она взглянула на него в недоумении.

— Извините меня, Груня, но когда я вижу такое, я обо всем забываю.— Он постучал указательным пальцем по заголовку статьи.— Вот из-за этого-то я и занят. Из-за этого я и остаюсь в Нью-Йорке. Из-за этого я могу себе позволить провести у вас только два дня, а вы знаете, как бы мне хотелось пробыть с вами целую неделю.

— Не понимаю,— начала она нерешительно.— Из-за того, что где-то в другом городе анархисты бросили бомбу в начальника полиции? Я... я... не понимаю.

— Я объясню вам. Еще два года назад у меня возникли подозрения, которые потом перешли в уверенность, и вот уже несколько месяцев, как я занят тем, что неотступно выслеживаю самую страшную организацию убийц из когда-либо процветавших в Соединенных Штатах или где-либо еще. Собственно, я почти уверен, что организация эта — международная.

— Помните сообщение о том, что Джон Моссман покончил с собой, прыгнув с седьмого этажа Фиделит-билдинг? Он был моим другом. У него не было причин умирать. В личной жизни он был необычайно счастлив. Здоровье у него было на удивление крепкое. И на душе — ни малейших тяжестей. Тем не менее безмозглая полиция назвала это самоубийством. Говорили, будто у него было воспаление тройничного нерва, невралгия лица — неизлечимая, мучительная, с нестерпимой болью. От такой болезни кончают с собой. Так вот: не было у него ее. Мы обедали вместе в день его смерти. Я-то знаю, что у него не было никакой невралгии, но еще специально проверил — поговорил с его врачом. Это было не больше, чем выдумка, чистейший вздор. Не убивал он себя, не прыгал с седьмого этажа Фиделит-билдинг. Но тогда кто-то убил его? И почему? Кто-то выбросил его с седьмого этажа! Но кто? Почему?

Вероятно, это дело было бы мною совсем оставлено и забыто, как одна из неразгаданных тайн, если бы буквально три дня спустя не был убит из пневматической винтовки губернатор Нортхэмптон. Помните? Прямо на улице, из какого-то окна, а ведь их выходит на улицу тысячи. Преступление так и не было раскрыто. Мне пришло в голову, что между этими двумя убийствами, быть может, существует связь, и с тех пор я стал с особым вниманием присматриваться ко всем случаям убийств по стране, отмечая каждое необычайное обстоятельство.

Нет, я не стану перечислять вам все, а скажу только о нескольких. Был такой Борф, мошенник из профсоюзного руководства в Саннингтоне. В течение многих лет он хозяйничал в городе. Никакими мерами не удавалось пресечь его преступную деятельность. Его состояние к моменту, когда он полностью прибрал к рукам политическую машину штата, достигало шести миллионов. И как раз тогда, когда он смог наслаждаться богатством и властью, его убили.

Были и другие: начальник полиции Литл, крупный махинатор Белкхорст, хлопковый король Бланкхарст, инспектор Сэтчерли, труп которого был найден в Ист-Ривер, и другие, но виновники ни разу не были обнаружены. Были убийства и в светских кругах: Чарли Этуотер, убитый на охоте, миссис Ленгторн-Хейвардс, миссис Хастингс-Рейнольдс, старик Ван-Остон... Список довольно длинный, уверяю вас.

— Все это утвердило меня в мысли, что здесь работает довольно сильная организация. В том, что это не просто дело Черной руки, я был уверен: убийства не ограничены ни определенной национальностью, ни определенными слоями общества. Пер-

вая мысль моя была об анархистах. Извините меня, Груня,— рука его потянулась к ее руке и ласково сжала ее.— О вас ходит много слухов, в том числе и о том, что вы тесно связаны с босскими группами. Мне известно, что вы расходуете много денег и у меня возникло подозрение. И, во всяком случае, через вас я мог бы ближе познакомиться с анархистами. Меня завело к вам подозрение, а удерживает подле вас любовь. Я нашел в вас самого нежного анархиста, и к тому же не слишком-то убежденного. Вот вы уже занялись общественной работой...

— И вам теперь только остается подорвать мою веру и в них,— засмеялась она, поднимая его руку к своему лицу и прижимая ее к щеке.— Но рассказывайте дальше. Это так интересно.

— Анархистов я, действительно, узнал близко, и чем больше я узнаю их, тем больше убеждаюсь в их неспособности к действиям. Они так непрактичны. Занимаются мечтаниями, сочиняют теории, негодуют по поводу полицейских преследований — вот и все. Никогда они ничего не добьются. И прежде они никогда ничего не могли сделать, кроме неприятностей самим себе,— я говорю, конечно, о террористических группах. Что же касается толстовцев и кропоткинцев, то они не более как мягкотелые философы-теоретики. Они не обидят и мухи, да их братья-террористы тоже.

Понимаете, убийства были всякие. Если бы это были только светские, их можно было бы приписать какому-то накрепко засскреченному сообществу. Но здесь были и светские, и связанные с коммерцией. Ну, а раз так, я заключил, что есть какой-то способ, каким люди получают доступ к этой организации. Но какой? Предположим, сказал я себе, есть человек, которого мне нужно убить. Ну, а что же дальше? Ведь у меня нет адреса фирмы, которая выполнила бы мое задание. Была и другая загвоздка: исходное предположение мое никуда не годилось — ведь на самом-то деле я не хотел никого убивать.

Все это до меня дошло только потом, когда Кобурн в Федеральном клубе рассказал о случае, который с ним произошел в тот день. Для него это было просто любопытное происшествие, а для меня — луч света. Когда он переходил 5-ю Авеню в центре, рядом остановился на мотоцикле какой-то мужчина в рабочем комбинезоне, сошел на мостовую и заговорил с ним. Этот человек сказал ему, что если есть кто-нибудь, кого он хочет убрать, это может быть сделано безопасно и безотлагательно. Когда Кобурн возмущился, тот проворно вскочил на свой мотоцикл — и был таков.

А дело было вот в чем. Кобурн попал в отчаянно трудное положение. Перед этим его здорово обвел его партнер Мэттисон, обжулил его на огромную сумму. Вдобавок Мэттисон бежал в Европу с женой Кобурна. Понимаете? Во-первых, Кобурн действительно имел или мог, по предположению, даже должен был иметь желание отомстить Мэттисону. И, во-вторых, благодаря газетам, дело было предано гласности.

— Понимаю!— воскликнула Груня, оживившись.— В этом и был недостаток ваших рассуждений. Поскольку вы не могли предать гласности ваше предположительное желание убить человека, организация, естественно, не могла начать с вами переговоры.

— Правильно. Но мне от этого было не легче. Теперь мне стало известно, каким путем люди получают доступ к этой организации и ее услугам. С этого времени с учетом известных мне фактов я занялся изучением таинственных, из ряда вон выходящих, убийств и обнаружил, что всем случаям светских убийств практически всегда предшествовали сенсационные публичные скандалы. Убийства, связанные с коммерцией... ну, сведения о темных и нечестных делах большого бизнеса всегда в изобилии просачиваются даже тогда, когда они не попадают в печать. Когда Готорна нашли на его яхте убитым при таинственных обстоятельствах, сплетни о его закулисных махинациях в борьбе против «Комбината» на протяжении недель ходили по клубам. Вы этого, может быть, и не помните, но в свое время скандальные процессы Этуотера-Джонса и Лэнгторна-Хейурда с сенсационным треском были поданы газетами.

Итак, мне стало ясно, что эта организация убийц должна иметь доступ к лицам с высоким положением в политической, деловой и общественной жизни. Было также очевидно, что ее предложения не всегда отвергаются, как в случае с Кобурном. Я стал присматриваться, желая узнать, кто из тех людей, которых я встречал в клубах или на заседаниях директоров, пользуется услугами этой фирмы убийц. В том, что я знаком с этими людьми, у меня не было сомнений, но кто они? Представляете себе, если бы я стал спрашивать у своих знакомых адрес фирмы, к которой они обращаются, чтобы убрать своих врагов?

Но вот совсем недавно я получил наконец в руки ключ. Я стал наблюдать за всеми своими друзьями, занимающими видное положение в свете. Как только с кем-нибудь из них случалась большая неприятность, я не отходил от него. Некоторое время все было безрезультатно, хотя был один, который, несомненно, воспользовался услугами организации, потому что через

полгода человек, причинивший ему неприятности, был мертв. Самоубийство, сказали в полиции.

Но потом судьба мне улыбнулась. Помните, какой был шум несколько лет назад по случаю свадьбы Глэдис Ван-Мартин и барона Портоса де Муань? Это был один из заведомо несчастных международных браков: барон оказался зверем. Он обобрал жену и развелся с ней. Подробности его поведения выявились совсем недавно, а они ужасны, даже невероятны. Он бил ее, причем с такой жестокостью, что одно время врачи опасались за ее жизнь, а потом еще долго — за ее рассудок. И, по французским законам, он получил право на детей — двух мальчиков.

С братом ее Перси Ван-Мartiном я учился в одном колледже. Я немедленно воспользовался этим, чтобы ближе сойтись с ним. За последние несколько недель мы виделись довольно часто. И вот позавчера случилось то, что я так долго ждал. Он мне рассказал, что организация обратилась к нему. В отличие от Кобурна он не прогнал ее представителя, а выслушал его. Если Ван-Мартин решится воспользоваться их услугами, он должен опубликовать в разделе светской хроники газеты «Геральд» одно слово: «Месопотамия». Я немедленно убедил его поручить все мне. Как было условлено, я поместил в газете слово: «Месопотамия» и, выступив как доверенное лицо Ван-Мартина, встретился и поговорил с человеком из организации. Это, правда, было только лицо подчиненное. Они очень подозрительны и осторожны. Но сегодня вечером я встречаюсь с главным. Все уже устроено. И тогда...

— Ну?— воскликнула нетерпеливо Груня.— Что же тогда?

— Не знаю. У меня нет плана.

— А опасность?

Холл улыбнулся спокойно:

— Я не думаю, чтобы что-нибудь мне угрожало. Просто я иду для заключения с фирмой сделки, контракта на умерщвление зятя Перси Ван-Мартина. А фирма не практикует убийств своих клиентов.

— А когда они обнаружат, что вы не клиент?— возразила она.

— Меня уже там не будет. И когда они это действительно обнаружат, будет слишком поздно, они не смогут причинить мне вреда.

— Будьте осторожны, прошу вас,— убеждала Груня, когда они прощались полчаса спустя.— Так вы приедете в субботу?

— Конечно.

— Я сама встречу вас на станции.

— И вслед за этим через несколько минут я встречу с вашим грозным дядей,— сказал он с шутливой дрожью.— Надеюсь, он не людоед?

— Вы полюбите его,— заявила она гордо.— Он благороднее и лучше, чем десять отцов. Он никогда ни в чем мне не отказывает. Даже...

— Во мне,— перебил Холл.

Груня пыталась ответить столь же смело, но покраснела, потупила взор... Он обнял ее.

ГЛАВА IV

— Значит это вы Иван Драгомилов?— Винтер Холл на миг остановился, с любопытством окинув взглядом полки книг по стенам, и снова посмотрел на бесцветного блондина в черной профессорской шапочке, который даже не встал, чтобы поздороваться с ним.

— Должен сказать, добраться до вас довольно трудно. Это внушает уверенность, что... э... ваше Бюро работает столь же осторожно, как и умело.

Драгомилов весело улыбнулся гостю.

— Садитесь,— сказал он, указывая на стул напротив себя, стоявший так, что опустившийся на него посетитель, оказался лицом к свету.

Холл снова окинул взглядом комнату и опять посмотрел на человека перед собой.

— Я удивлен,— заметил Холл.

— Вы ожидали, я полагаю, увидеть узколобых головорезов и обстановку мрачной мелодрамы?— любезно спросил Драгомилов.

— Нет, не это. Я знал, слишком тонкий нужен ум для руководства операциями вашего... э... учреждения.

— Они неизменно проходили успешно.

— И давно вы занимаетесь этим делом, позвольте вас спросить?

— Активно — одиннадцать лет, правда, этому предшествовала подготовка и разработка плана.

— Вы не возражаете, что я завел такой разговор?— был следующий вопрос Холла.

— Конечно, нет,— последовал ответ.— Как клиент, вы находитесь со мной в одной лодке. Интересы у нас общие. Поскольку мы никогда не шантажируем наших клиентов, то и пос-

ле совершения сделки нет никаких оснований, чтобы наши интересы расходились. Кое-какие сведения не могут причинить вреда, и я не прочь похвастать, что в некотором роде горжусь этой организацией. Она, как вы сказали, и как я сам без лишней скромности отмечаю, имеет умелого руководителя.

— Отказываюсь понимать,— воскликнул Холл.— Вас бы я назвал последним из всех людей в мире, которых можно представить во главе банды убийц.

— А вас я бы назвал последним из тех людей в мире, которых я мог бы ожидать здесь в поисках услуг такого человека, как я — холодно парировал собеседник.— Вы мне нравитесь. Вы выглядите сильным, честным, бесстрашным, и в ваших глазах не поддающаяся четкому определению и все же несомненная усталость человека, много знающего. Вы немало прочли и изучили. Вы так же приметно выделяетесь из потока моих обычных клиентов, как и я, разумеется, не похож на предводителя банды убийц, которого вы ожидали здесь встретить, а лучше и правильнее назвать их всех палачами.

— Название не играет роли,— ответил Холл.— Оно не может уменьшить моего удивления по поводу того, что именно вы руководите этим... э... предприятием.

— Сомневаюсь, чтобы вы имели представление, как им руководят,— Драгомилов сплел и расплел свои сильные тонкие пальцы и подумал прежде, чем продолжить разговор.— Можно сказать, что мы ведем наше дело в более строгих этических правилах, нежели наши клиенты.

— Этических правилах!— Холл расхохотался.

— Да, именно так, хотя я согласен, что относительно Бюро убийств это звучит смешно.

— Это так вы его называете?

— Название не хуже и не лучше любого другого.— Глава Бюро невозмутимо продолжал:— Начав пользоваться нашими услугами, вы обнаружите более твердые и жесткие условия делопроизводства, чем в мире бизнеса. Необходимость этого я понял сразу. Это была жизненная необходимость. В нашем положении, находясь вне закона и в пасти самого закона, успех можно обеспечить, верша только справедливость. Мы вынуждены быть справедливы друг с другом, с нашими постоянными клиентами, со всеми. Вы даже понятия не имеете об объеме дел, которые мы проворачиваем.

— Что вы говорите!— воскликнул Холл.— А почему?

— Потому что иначе было бы нечестным заключать сделки. Подождите, не смейтесь. Это факт, мы в Бюро чрезвычайно ще-

петильны, когда дело касается этических норм. Доказательств справедливости мы требуем во всем, что делаем. Нам необходима уверенность в справедливости каждого нашего дела. Без нее мы не смогли бы продержаться длительное время. Поверьте, это так. А теперь к делу. Прежде, чем появиться здесь вы прошли через доверенные каналы. У вас может быть поручение только одного рода. Кого вы хотите уничтожить?

— А разве вам неизвестно?— удивился Холл.

— Разумеется, нет. Это не моя область. Я не занимаюсь вопросами привлечения клиентуры.

— Возможно, что услышав имя этого человека, вы не дадите санкцию справедливости. Ведь вы, я полагаю, не менее судья, чем палач.

— Не палач. Я никогда не привожу в исполнение казнь. Это не моя область. Я — глава. Я решаю, а руководство на местах — вот кто, и другие члены организации исполняют приказы.

— Но эти, другие могут оказаться ненадежными?

Драгомиллов, видимо, был рад вопросу.

— О, это было, действительно, камнем преткновения. Я длительное время изучал этот вопрос и увидел, что, как и все остальное, этот момент еще настоятельнее обязывает нас вести операции только на этической основе. У нас свои собственные представления о справедливости и свой собственный закон. В наши ряды принимаются только люди с высшей моралью, сочетающие в себе необходимые физические данные и выдержку. В итоге наши клятвы соблюдаются почти фанатически. Случалось, конечно, попадались и ненадежные,— он замолчал и, казалось, печально что-то обдумывал.— Они поплатились за это. И это было великолепным практическим уроком для остальных.

— Вы имеете в виду?..

— Да, они были казнены. Это было необходимо. Но не нами. Мы это делаем чрезвычайно редко.

— Как вы этого избегаете?

— Когда мы находим отчаянного, умного и думающего человека — между прочим, этот выбор делается самими членами организации, которым повсюду приходится сталкиваться с разными людьми и которые имеют лучшие возможности, чем я, встретить и оценить людей с сильным характером, когда такой человек найден, он проверяется. Его жизнь — залог его верности и преданности. Мне сообщают об этих людях. Но далеко не всегда приходится мне встречаться с ними, если они не выдвинутся в организации, и, естественно, очень немногие из них видели меня.

Вначале мы поручаем кандидату совершить нетрудное и неоплачиваемое убийство, ну, скажем, какого-нибудь жестокого помощника капитана с какого-то корабля или драчуна-мастера, ростовщика или мелкого взяточника-политикана.

Как вы знаете, для общества только польза от удаления таких личностей. Однако вернемся к теме. Каждый шаг кандидата в этом первом его убийстве обставлен нами с таким расчетом, чтобы собрать достаточно доказательств для осуждения его любым судом этих мест. И дело ведется таким образом, чтобы свидетельские показания исходили от посторонних и никому из наших не пришлось бы участвовать. В связи с этим для наказания члена организации нам самим не приходилось обращаться к закону.

Когда же это первое задание выполняется, человек становится своим, преданным нам душой и телом. После этого он основательно изучает наши методы...

— В программу входит и этика?..— прервал Холл.

— Да, конечно входит,— услышал он восторженный ответ.— Это самый важный предмет, который изучают члены нашей организации. Нам претит всякая несправедливость.

— Вы не анархист?— задал гость неуместный вопрос.

Шеф Бюро убийств отрицательно покачал головой:

— Нет, я философ.

— А это то же самое.

— С одним различием. А именно: у анархистов хорошие намерения, а у меня хорошие дела. А какая польза от философии, которую нельзя применить? Возьмите отечественных анархистов. Вот они решились на убийство. Они строят планы, день и ночь сговариваются, наконец, наносят удар и — почти всегда оказываются в руках полиции. А лицо или персону, которую они намечали в жертву, остается невредимой. У нас не так.

— А вы разве никогда не терпели неудач?

— Мы стремимся исключить неудачу. Тот из нас, кто по слабости или из страха терпит неудачу, приговаривается к смерти.— Драгомилов важно умолк, его бледно-голубые глаза светились торжеством.— У нас никогда не было неудач. Разумеется, для выполнения задания человеку дается год. Ну, а если это сложное дело, то ему дают помощников. Повторяю, у нас не было ни одной неудачи. Организация настолько совершенна, насколько человеческий ум способен ее сделать таковой. Даже в том случае, если я оставлю ее, скоростижно скончавшись, организация будет продолжать действовать точно так же.

— Делаете ли вы какие-либо различия, принимая заказы? — спросил Винтер Холл.

— Нет, от императора и короля до самого скромного крестьянина, — мы принимаем заказ ото всех, если... вот в этом «если» и заключается главное — если признано, что их приговор социально оправдан. А в том случае, если плата, которая, как вам известно, вносится авансом, нами принята и данное убийство признано справедливым, это убийство непременно совершается. Таково одно из наших правил.

Фантастическая идея блеснула в сознании Винтера Холла, пока он слушал. Она была так заразительна, что безраздельно завладела им.

— Вы, я бы сказал, чрезвычайно внимательны к этической стороне, — начал он. — Вы, как бы это сказать, энтузиаст этики.

— Фанатик этики, — вежливо добавил Драгомилов. — Да, я приверженец этики.

— И все, что по вашему убеждению справедливо, вы непременно делаете?

Драгомилов утвердительно кивнул головой и первым нарушил воцарившиеся было молчание:

— Вы задумали кого-то убрать. Кто это?

— Мое любопытство так разыгралось, — был ответ, — и я настолько заинтересован в своем деле, что предпочел бы попытаться... понимаете, вначале оговорить условия сделки. У вас, разумеется, есть прејскурант, определяемый, конечно, положением и влиянием э... жертвы.

Драгомилов кивнул.

— Предположим, я хочу убрать короля? — спросил Холл.

— Король королю рознь. Цены разные. А ваш человек — король?

— Нет, не король. Он могущественный человек, но не из числа знатных семейств.

— Он не президент? — быстро спросил Драгомилов.

— Он не занимает никакого официального поста. Фактически он является значительной фигурой в частном деле. За какую сумму вы обеспечиваете уничтожение человека, занимающегося частным делом?

— Убрать такого человека не так уж сложно и рискованно. Он бы обошелся дешевле.

— Нет, не то, — настаивал Холл. — Я могу себе позволить быть в этом деле щедрым. Мое поручение очень трудное и рискованное. Это человек могучего ума, необыкновенно увертливый и ловкий.

— Миллионер?

— Не знаю.

— Я бы запросил сорок тысяч долларов,— заключил глава Бюро.

— Конечно, узнав точно, кто он, я, возможно, буду вынужден повысить цену. Не исключено, что я могу и снизить ее.

Холл извлек из своего бумажника банкноты, каждый из которых был на крупную сумму, пересчитав их вручил Драгомилову.

— Я понял, что в вашем деле требуются наличные,— сказал он,— поэтому я их захватил с собой. А теперь, насколько мне известно, вы гарантируете, что убьете...

— Я не убиваю,— прервал Драгомилов.

— Но вы гарантируете, что будет убит любой человек, которого я назову...

— Разумеется, но с неизменной оговоркой, что расследование подтвердит справедливость такого приговора.

— Ну, что ж. Я прекрасно понял. Любой названный мною человек, даже если это будет мой или ваш отец?

— Да, хотя так получилось, что у меня нет ни отца, ни сына.

— А предположим, я назову себя?

— Все было бы сделано. Приказ вступил бы в силу. Нас не касаются капризы клиентов.

— А если, предположим, завтра или, скажем, на следующей неделе я изменю свое решение?

— Будет слишком поздно,— Драгомилов говорил уверенно.— Отданного приказа нельзя отменить. Это одно из самых важных наших правил.

— Прекрасно. Однако речь идет не обо мне.

— Так о ком же?

— Имя, под которым он известен,— Иван Драгомилов.

Холл выговорил это довольно спокойно и получил столь же спокойный ответ:

— Я хочу получить более точные данные,— потребовал Иван Драгомилов.

— Родился он, я полагаю, в России, и как мне известно, проживает в городе Нью-Йорке. Он блондин, яркий блондин, и как раз примерно вашего роста, комплекции и возраста.

Бледно-голубые глаза Драгомилова пристально и долго изучали посетителя. Наконец, он произнес:

— Я родился недалеко от Валенко. А где родился ваш человек?

— Тоже неподалеку от Валенко.

Драгомилов испытывающе в упор посмотрел на собеседника:

— Я готов поверить, что вы имеете в виду меня.

Холл недвусмысленно кивнул.

— Вот так история!— начал Драгомилов.— Вы меня озадачили. Откровенно, я даже не могу понять, зачем вам моя жизнь. Мы с вами никогда не встречались и совершенно не знаем друг друга. Ума не приложу, каковы могут быть мотивы. Во всяком случае, имейте в виду, что для приведения в действие приказа о казни мне необходимы обоснования ее справедливости.

— Я готов их вам дать,— был ответ.

— Но вы должны меня убедить.

— Я к вашим услугам. Мысль обратиться к вам с таким предложением пришла мне в голову именно потому, что я угадал в вас, выражаясь вашими словами, фанатика этики. И я совершенно убежден: докажи я вам справедливость вашей смерти, вы приведете решение в исполнение. Разве я не прав?

— Правы...— Драгомилов смолк, но вскоре лицо его озарилось улыбкой.— Только тогда это было бы самоубийством, а у нас, как вы знаете, Бюро по убийствам.

— Вы, естественно, отдали бы соответствующий приказ одному из ваших подчиненных. Насколько я вас понял, под угрозой лишиться собственной жизни он вынужден бы был выполнить приказ.

Драгомилов взглянул на Холла, явно польщенный.

— Совершенно верно. Из этого видно, насколько совершенна созданная мною машина. Она сработает в любом, даже непредвиденном случае, даже в этом, самом невероятном, который описан вами. Так давайте. Вы меня заинтересовали. Это оригинально. У вас есть воображение, фантазия. Прошу вас, представьте мне этические обоснования моего устранения из этого мира.

— Не убий,— начал Холл.

— Простите,— прервал его Драгомилов.— Прежде мы должны определить предмет нашего спора, который, боюсь, очень скоро может стать чисто теоретическим. Ваша задача заключается в том, чтобы доказать мне, что я принес столько вреда, что моя смерть является справедливой. А я буду судьей. Что я сделал плохого? Кто из лиц неповинных несправедливо уничтожен по моему приказу? В чем я преступил нормы поведения, если я нанес вред бессознательно или по неведению?

— Я понял и в соответствии с этим меняю ход своих рассуждений. Разрешите, во-первых, узнать, вами ли дано указание на уничтожение Джона Моссмана?

Драгомилов кивнул.

— Он был моим другом. Я знал его с детства. Он не причинил никому зла, никого не обидел.

Холл говорил убежденно, но поднятая рука и довольная улыбка собеседника заставили его замолчать.

— Приблизительно лет семь назад Джон Моссман построил Дом лояльности. Где он взял деньги? Мелкий банкир, он именно в этот период неожиданно вовлекается в ряд крупных предприятий. Помните ли вы, какое он оставил состояние? Откуда оно у него?

Холл собрался было заговорить, но Драгомилов дал знак, что он еще не закончил свою мысль.

— Помните-ка, незадолго до постройки Дома лояльности трест Комбайна пошел в наступление на Каролинскую стальную компанию и вызвал ее банкротство, и потом за бесценек проглотил остатки. Президент Каролинской стальной компании покончил с собой....

— Чтобы избежать каторжной тюрьмы,— вставил Холл.

— Его шантажом вынудили к этому.

Утвердительно кивнув, Холл сказал:

— Я вспомнил. Это все подстроил агент Комбайна.

— Этим агентом был Джон Моссман.

Холл слушал с недоверием. Драгомилов продолжал:

— Уверяю вас, это можно доказать, и я это сделаю. Но пока, сделайте милость, примите на веру то, что я вам сообщаю. Вам могут быть представлены исчерпывающие доказательства.

— Прекрасно. Это вы убили Столыпина?

— Нет, мы тут не участвовали. Это дело рук русских террористов.

— Даете слово?

— Честное слово.

Холл перебрал в памяти все известные ему убийства и нашел еще один случай.

— Джеймс и Хардман — президент и секретарь Юго-западной федерации горняков...

— Уничтожены нами,— прервал его Драгомилов.— А разве это было несправедливо? Разве это принесло вред?

— Но вы же гуманист. Дело трудящихся, как и всего народа, должно быть близко вашему сердцу. А для организации трудящихся смерть двух лидеров была тяжелой утратой.

— Напротив,— возразил Драгомилов.— Они были убиты в 1904 году. За шесть лет, предшествовавших этому событию, Федерация не только не одержала ни одной победы, но потерпела

серьезные поражения в трех изнурительных стычках. А в первые же полгода после того, как эти лидеры были убраны, Федерация выиграла большую забастовку 1905 года и с тех пор по сей день успешно добивается существенных уступок.

— Что вы этим хотите сказать? — спросил Холл.

— Хочу сказать, что заказ на убийство сделала не Лига владельцев шахт. Хочу сказать, что Джеймс и Хардман тайно и неплохо оплачивались Лигой владельцев шахт. Я хочу сказать, что сами горячки представили нам факты о предательстве своих лидеров и выплатили сумму, которую мы потребовали за услугу. Мы выполнили поручение за двадцать пять тысяч долларов.

Винтер Холл явно растерялся, и прошла, наверное, целая минута, прежде чем он заговорил.

— Разумеется, я не могу не верить вам, господин Драгомилов. Завтра или послезавтра я хотел бы ознакомиться с доказательствами. Возможно, это будет формальностью, но соблюсти ее необходимо. А между тем мне, видимо, придется поискать какой-то другой путь убедить вас. Этот список убийств довольно длинен.

— Длиннее, чем вы думаете.

— И я не сомневаюсь, что для всех них у вас имелись аналогичные оправдания. Но учтите, сам я не считаю справедливым ни одно из этих убийств, хотя верно, что, с вашей точки зрения, они были справедливы. Кстати, ваши опасения, что спор может стать теоретическим, было верным. Только таким путем видимо, я смогу вас одолеть. Если мы отложим спор до завтра... Вы не хотели бы пообедать со мной? И где вы предпочитаете встретиться?

— Думаю, снова здесь, после обеда.— Драгомилов широким жестом указал на стены.— Авторитетов здесь достаточно, и, кроме того, всегда можно послать в филиал библиотеки Карнеги, за углом.

Он нажал кнопку звонка, и, когда вошел слуга, поднялся.

— Помните, я собираюсь одолеть вас,— заверил Холл, расставаясь.

Драгомилов лукаво улыбнулся.

— Я в это не верю,— сказал он.— Если это вам удастся, это будет невероятно.

Многие дни и ночи не затихал спор между Холлом и Драгомиловым. Этические вопросы были только началом все разгоравшейся дискуссии. Убедившись, что этика опирается на другие науки, спорщики вынуждены были углубиться в поисках истины в эти науки. К заповеди «не убий» Драгомилов потребовал от Холла более солидных философских обоснований, чем религия. Чтобы правильно понимать друг друга и четче мыслить, они в то же время сочли необходимым прояснить и тщательно обсудить первоосновы своих убеждений и свои идеалы.

Это была схватка двух знатоков, усвоивших к тому же дело практически: к сожалению, достигнутый результат часто терялся ими в вихре идей и горячке спора. Однако Холл убедился, что его оппонент ищет правды и только правды. И его замечание о том, что Драгомилову придется расплачиваться жизнью, если он не добьется своего, ничуть не встревожило последнего и совершенно не подействовало на ход его рассуждений. Вопрос ставился так — является или нет Бюро убийств справедливой организацией.

Главным тезисом Холла, который он упорно отстаивал и к которому сводил нити всех аргументов, была мысль о том, что в развитии общества настало время, когда оно само должно разработать программу собственного спасения. Прошло время, отметил он с удовольствием, для «человека на коне» или группы «людей на конях» определять судьбу общества. А Драгомилов, по его убеждению, был именно таким человеком, и его Бюро убийств было конем, на котором он восседал, вынося приговоры и карая, и в определенной степени оказывал влияние и давление, понуждая общество идти в том направлении, которое он, «человек на коне», избрал для него.

Не отрицая, что он играет роль такого «человека на коне», решающего за общество и направляющего его, Драгомилов упорно отвергал мысль о том, что общество само способно управлять собой и, особенно, что это самоуправление при всех серьезных отклонениях и ошибках является предпосылкой его прогресса. В этом-то и была суть спора, для завершения которого они ворошили историю и прослеживали социальную эволюцию человека, привлекая все, от самых незначительных подробностей о первобытных сообществах до последних данных цивилизации.

Эти два знатока были, действительно, настолько здравомыслящими, свободными от метафизических схем людьми, что в

результате приняли социальную целесообразность в качестве решающего фактора и согласились, что она и является высшим мерилom нравственности. И в конце концов, опираясь именно на этот довод, выиграл Винтер Холл, Драгомилов признал свое поражение, и Холл, подчиняясь чувству благодарности и восхищения, невольно протянул ему руку. Драгомилов, к его удоволворению, крепко пожал ее.

— Теперь я понял,— сказал он,— что не придавал должного значения социальным факторам. Убийца, со своей собственной точки зрения, не так уже неправ, но он неправ с точки зрения социальной. Я даже готов его поддержать. Ибо, если рассматривать убийцу как индивидуум, то он совершенно прав. Но индивидуумы не являются изолированными от общества. Они — часть общества индивидуумов. Вот этого я не учел. И теперь мне ясно, что это было несправедливо. А теперь...— он умолк и посмотрел на свои часы.— Два часа. Мы слишком засиделись. Теперь я готов понести наказание. Конечно, вы дадите мне время завершить мои дела, прежде чем я отдам приказ моим агентам?

С головой уйдя в спор и совершенно забыв о своих условиях, Холл был ошарашен.

— Я не этого добивался,— воскликнул он.— И, честно говоря, я совсем об этом забыл. Да в этом и нет необходимости. Вы теперь сами убеждены в порочности метода убийств. Предположим, вы распустите организацию. Это будет вполне достаточно.

Но Драгомилов отрицательно покачал головой:

— Уговор есть уговор. Комиссионные от вас я принял. Справедливость превыше всего, этого я строго придерживаюсь, и теория о социальной целесообразности здесь неприемлема. Индивидууму как таковому оставлены все же некоторые прерогативы, и одна из них — право держать слово, что я и должен сделать. Заказ будет выполнен. Видимо, это последнее, с чем придется иметь дело Бюро. Сейчас суббота, утро. Можете ли вы дать мне отсрочку для отдачи приказа до завтрашнего вечера?

— Что за вздор!— воскликнул Холл.

— Это не довод в споре,— последовал мрачный ответ.— Все веские доводы уже исчерпаны. Я отказываюсь дальше слушать. Еще об одном... Чтобы все было по справедливости: учитывая трудности уничтожения названного человека, я бы предложил доплатить по крайней мере еще десять тысяч долларов.— Он поднял руку в знак того, что еще не кончил.— Поверьте, я подхожу справедливо. Перед моими агентами я воздвигну такие

препятствия, что на них уйдут все пятьдесят тысяч, если не больше...

— Если вы только решите распустить организацию...

Но Драгомиллов заставил его замолчать.

— Спор окончен. Намерения мои таковы: организация будет распущена в любом случае, но предупреждаю, в соответствии с нашими правилами о давности я могу избежать наказания. Как вы помните, заключая сделку, я пообещал вам, что если по истечении года соглашение не будет выполнено, ваш взнос будет возвращен вместе с пятью процентами. Если мне удастся избежать смерти, я возвращу его сам.

Винтер Холл в нетерпении остановил его рукой.

— Послушайте,— сказал он,— на одном я настаиваю. Мы с вами определили основы, на которых зиждется этика. Социальная целесообразность, являющаяся базисом всякой этики...

— Простите,— прервал его собеседник,— имелась в виду исключительно этика общества. Индивидуум в известных пределах остается индивидуумом.

— Но ни вы, ни я,— продолжал Холл,— не признаем древне-иудейской заповеди «око за око». Мы же не верим в неизбежность наказания за преступление. Ведь убийства, совершенные Бюро и оправданные содеянными жертвами преступлениями, не рассматриваются вами как преступления. Ваши жертвы рассматриваются вами как социальная болезнь, искоренение которой оздоровит общество. Вы удаляете их из общественного организма, как хирург удаляет раковую опухоль. Это ваше воззрение я уловил с самого начала спора.

И помните? Отказавшись принять теорию о наказании, мы с вами рассматривали преступление просто как результат антисоциальных наклонностей и соответственно его и классифицировали. Преступление, следовательно, аномальное явление в обществе, относящееся по сути дела к его болезням. Это — болезнь. Преступник, нарушитель — это больной, и с ним соответственно надо обращаться. Но это же вместе с тем означает, что его можно излечить от болезни.

Теперь я перехожу к моему взгляду на ваш случай. Ваше Бюро убийств — антисоциально. Но вы же верили в него. Значит, вы были больны. Ваша вера в убийства как раз и означала, что вы больны. Но теперь-то вы больше не верите в это. Вы излечились. Ваши наклонности более не являются антисоциальными. И, следовательно, теперь нет необходимости в вашей смерти, потому что она была бы не чем иным, как наказанием за болезнь, от которой вы уже излечились. Распустить

организацию и устранился от дела — вот все, что вам следует сделать.

— Вы высказались? Все сказали?— мягко задал вопрос Драгомиллов.

— Да.

— Тогда позвольте мне ответить и закончить мою мысль. Бюро задумано было мной во имя справедливости, во имя этой справедливости я им и руководил. Я создал его и сделал той совершенной организацией, какой оно в настоящее время является. Создание его было основано на определенных справедливых принципах. И никакого отступления от них за всю его историю не делалось. Один из этих принципов — всегда входил в контакты, заключаемые с нашими клиентами: в случае уплаты комиссионных мы гарантировали выполнение заказа. Комиссионные от вас я принял. Мною получено от вас сорок тысяч долларов. Был уговор, что я должен отдать приказ о своей казни в том случае, если вы докажете, а я признаю, что уничтожения, произведенные Бюро, были ошибкой, что вы доказали. Теперь ничего не осталось, как только провести соглашение в жизнь.

Учреждением этим я горжусь. И выставлять под конец в смешном виде его главные принципы, нарушать правила, на которых основана его деятельность, не стану. От этого своего правила я не отступлюсь, оно ни в коей мере не противоречит принципу социальной целесообразности. У меня нет желания умирать. Если в течение года я избегну смерти, принятые мною от вас комиссионные, как вам известно, автоматически возвращаются. А я, поверьте, приложу все мои силы, чтобы избежать смерти. И хватит об этом. Мое решение твердо. Есть у вас предложения, как расформировать Бюро?

— Дайте мне фамилии и данные о всех его членах. А я их официально извещу о роспуске...

— Только после моей смерти или после того, как истечет год,— возразил Драгомиллов.

— Хорошо, после вашей смерти или по истечении года я дам официальное извещение, подкрепив его угрозой передать имеющуюся у меня информацию полиции.

— Они могут убить вас,— последовало предостережение.

— Могут, и мне следует учесть вероятность этого.

— Вы можете этого избежать. Когда будете давать официальное извещение, сообщите им, что все сведения помещены в тайники в шести различных городах и что в случае, если вы будете убиты, они перейдут в руки полиции.

Когда они закончили обсуждение всех деталей роспуска организации, было уже три часа ночи. Драгомилов первым нарушил воцарившееся молчание.

— Признаюсь, Холл, вы мне понравились. Вы настоящий боец за этику. Пожалуй, вам было бы под силу создание такого же Бюро. Лучшего комплимента я не знаю, потому что по-прежнему убежден, что Бюро — это выдающееся достижение. Во всяком случае, вы мне не только нравитесь, но я теперь уверен, что могу довериться вам. Вы сдержите свое слово, как и я свое. Так вот, у меня есть дочь. Мать ее умерла, и в случае моей смерти она останется в этом мире без родных и знакомых. Заботы о ней я хотел бы вверить в ваши руки. Готовы ли вы взять на себя такую ответственность?

Собеседник молча кивнул головой.

— Она уже взрослая, поэтому в документальном оформлении опеки нет необходимости. Но она не замужем, а я оставляю ей много денег, за вкладами которых вам нужно будет следить. Я собираюсь увидеться с ней сегодня. Хотите поехать со мной? Это недалеко, в Эдж-Мур у Гудзона.

— Вот как! У меня на субботу и воскресенье намечен визит как раз в Эдж-Мур, — воскликнул Холл.

— Прекрасно. В какой части Эдж-Мур?

— Не знаю. Я никогда там не был.

— Впрочем, неважно. Это небольшой район. Утром в воскресенье выкроите пару часиков. Я заеду за вами на машине. Позвоните мне, когда и куда приехать. Мой номер — «пригород-245».

Холл быстро записал номер и встал, собираясь уйти. Драгомилов зевнул, когда они пожимали руки.

— Я все же надеюсь, что вы перемените свое решение, — сказал Холл.

Но Драгомилов снова зевнул и отрицательно покачал головой, провожая посетителя до порога.

ГЛАВА VI

Груня сама вела машину, они ехали вместе с Винтером Холлом со станции в Эдж-Мур.

— Дядя действительно с нетерпением ждет встречи с вами, — уверяла она его. — Он еще не знает, кто вы такой. Я не сказала ему, а это разожгло его любопытство. Думаю, поэтому он и ждет с таким нетерпением, правда-правда: он просто сгорает от любопытства.

— Вы ему сказали?— многозначительно спросил Холл.

Груня была поглощена управлением машиной.

— Что?— переспросила она.

Вместо ответа Холл положил свою руку на ее, управляющую рулем. Она заставила себя посмотреть на него смело и твердо, но как только глаза их встретились, предательский румянец выдал ее, твердый и пристальный взгляд померк, она отвела глаза и вновь напряженно стала следить за дорогой.

— Не поэтому ли он и ждет встречи с нетерпением?— тихо заметил Холл.

— Я... я просто об этом не думала.

Она смотрела в сторону, но он видел легкий румянец на ее щеке.

— Жаль, что такой прекрасный закат омрачается неправдой.

— Труснишка,— воскликнула она, но в ее устах это слово прозвучало нежно, как знак любви. Она повернулась к нему и рассмеялась, а вслед за ней рассмеялся и он, и оба почувствовали, что закат чист, а мир прекрасен.

Они уже свернули на шоссе, что вело к даче, когда он спросил ее, где здесь живут Драгомиловы.

— Никогда о таких не слышала,— был ее ответ.— Драгомиловы?— Драгомиловы? Нет, мне кажется, такие не живут в Эдж-Мур. А что?

— Может быть, они недавно здесь,— предположил он.

— Возможно. Вот мы и приехали. Гроссет, возьмите чемодан мистера Холла. Где дядя?

— В библиотеке, мисс, пишет. Он просил не беспокоить его до обеда.

— Итак, вы встретитесь с ним за обедом,— сказала она Холлу.— А пока вы свободны. Гроссет, проводите мистера Холла в комнату.

Четверть часа спустя, не дождавшись Груни, Винтер Холл вышел в соседнюю комнату и лицом к лицу столкнулся с человеком, с которым прощался в три часа прошлой ночью.

— Черт возьми, что вы здесь делаете?— выпалил Холл.

— Жду, полагаю, когда меня представят,— с невозмутимым спокойствием отвечал вчерашний знакомый.— Я Сергиус Константин,— представился он, протягивая руку.— Вот так сюрприз устроила Груня нам обоим!

— Но вы же Иван Драгомилов?

— Да, но не в этом доме.

— Ничего не понимаю. Но вы же говорили о дочери.

— Груня моя дочь, хотя она считает, что является моей племянницей. Но это длинная история. Я расскажу ее вам после обеда, когда мы останемся одни. Не могу не сказать, однако, положеньице создалось великолепное, просто на удивление великолепное. Тот, кого я избрал, чтобы смотреть за моей Груней, оказался, если не ошибаюсь, ее возлюбленным. Не так ли?

— Я... я не знаю, что сказать,— Холл запнулся, он не мог справиться с мыслями, его ум оцепенел от такой невероятной развязки.

— Ведь это так?— повторил Драгомилов.

— Вы правы,— последовал быстрый ответ.— Я люблю... ее... я по-настоящему люблю Груню. Но она действительно вас знает?

— Только как своего дядю, Сергиуса Константина, главу импортного агентства, существующего под этим именем... Она идет. Так вот, как уже говорил, я тоже предпочитаю Тургенева Толстому. Конечно, это не умаляет силы воздействия Толстого. Верующих отпугивает именно философия Толстого... А вот и Груня.

— Вы уже познакомились,— недовольно поморщилась она.— А я-то рассчитывала присутствовать на этой важной встрече.

Она с упреком повернулась к Холлу. Ласково обняв ее, Константин пошутил:

— Почему же вы не предупредили меня, что умеете так быстро переодеваться?

Она протянула Холлу руку:

— Пойдемте, пора обедать.

Все трое: Константин, обняв Груню, и она, ведя под руку Холла, прошли в столовую.

За столом Холл готов был ущипнуть себя, чтобы убедиться, что все это правда, а не сон. Уж очень все было нелепо, невероятно, чтобы быть реальностью: его любимая Груня то нападала, то безмятежно шутила со своим дядей, а он — ее отец, во что она никогда бы не поверила,— главарь страшного Бюро убийств; он же, Холл, возлюбленный Груни, поддерживает ее шутки над человеком, которому заплатил пятьдесят тысяч долларов за приказ о его собственном уничтожении, а сам Драгомилов, невозмутимый, благодушный, казалось, всей душой отдается всеобщему веселью, на лице его и в манерах — искренняя сердечность, нет и тени былой привычной холодности.

Потом Груня играла и пела, пока Драгомилов, сославшись на ожидаемого им посетителя и на желание поговорить с Холлом по чисто мужским вопросам, не заметил ей, что все детищ-

ки ее возраста давно легки з кровати. Она, ответив на шуточный покровительственный тон отца покорным поклоном, весело пожелала мужчинам доброй ночи и оставила их одних. Ее серебристый смех донесся к ним через раскрытую дверь. Драгомилов встал, закрыл дверь и возвратился на прежнее место.

— Я весь — внимание, — сказал Холл.

— Во время русско-турецкой войны отец мой был подрядчиком, — начал Драгомилов. — Его звали... впрочем это не имеет значения. Он сколотил состояние в шестьдесят миллионов рублей, которые я, его единственный сын, получил в наследство. В университете меня увлекли идеи радикализма, и я примкнул к организации Молодая Россия. Это была кучка утопистов и мечтателей, и, конечно, мы потерпели провал. Несколько раз я попадал в тюрьму. Моя жена умерла от оспы тогда же, когда умер от этой же болезни ее брат Сергиус Константин. Все это произошло в моем имении. Наш последний заговор был раскрыт, и мне грозила Сибирь. Выход был прост. Под моим именем похоронили шурина, известного консерватора, а я стал Сергиусом Константином. Груня была в ту пору совсем ребенком. Из страны мне удалось выбраться довольно легко. К сожалению, все, что я не смог взять с собой, досталось властям.

Здесь, в Нью-Йорке, где шпионов царского правительства больше, чем вы думаете, я оставил себе это имя. Вот откуда оно у меня. Как-то я даже ездил в Россию, конечно, под именем шурина, и продал его владения. Слишком долго мне пришлось быть Сергиусом Константином, дядей Груни, и я решил им остаться навсегда. Вот и все.

— А Бюро убийств? — спросил Холл.

— Я создал его, будучи убежден в его справедливости и уязвленный обвинением, что мы только мечтатели, а не деятели. Работало оно великолепно, безупречно, не говоря уже о его финансовом успехе. Я доказал, что могу действовать не хуже, чем мечтатель. Правда, Груня все чаще считает меня мечтателем. Но это потому, что ей многое неизвестно. Одну минутку.

Он вышел в соседнюю комнату и возвратился с большим конвертом в руках.

— А теперь займемся другими делами. Ожидаемый мною посетитель — это тот человек, которому я передам приказ об уничтожении. Я думал сделать это завтра, но ваше неожиданное появление сегодня вечером ускорило дело: Вот здесь мои инструкции для вас, — он передал конверт. — Официально все бумаги, дела и тому подобное должна подписывать Груня, но вы ей будете помогать советом. Мое завещание в сейфе. Если я

не погибну, до моего возвращения вы будете хранителем моих вкладов. Если я телеграфирую с просьбой о деньгах или о чем другом, поступайте в соответствии с инструкциями. Здесь в конверте есть шифр, которым я буду пользоваться, он тот же, что применяем мы в нашей организации. Вы же будете и хранителем значительного резервного фонда, который я создал для Бюро. Его хозяева — все члены организации. В случае необходимости они будут из него брать, — Драгомилов с деланным огорчением покачал головой и улыбнулся: — Боюсь, им придется здорово раскошелиться, прежде чем они меня настигнут.

— Бог Мой! — воскликнул Холл. — Вы их снабжаете средствами для борьбы с вами же. Наоборот, вам следует воспрепятствовать их доступу к фонду.

— Это было бы нечестно, Холл. Уж так я устроен, что нечестная игра не по мне. И я беру с вас слово, что в этом деле вы тоже будете играть честно и выполнять мои указания. Не так ли?

— Но это же просто чудовищно! Вы просите меня оказывать помощь людям, цель которых будет убить вас — отца моей любимой. Это же нелепо. Прекратите все это! Распустите организацию, и со всем будет покончено.

Но Драгомилов был непреклонен.

— Я уже решил, и вы это знаете. Если я убежден, что прав, я доведу дело до конца. Надеюсь, вы выполните мои указания?

— Вы чудовище! Упрямое, неисправимое чудовище, которое одержимо абсурдным, невероятным представлением о справедливости. Ваш набитый знаниями ум свихнулся, вы помешались на вашей этике... вы... вы...

Не в силах найти подходящее слово, Винтер Холл стал заикаться и умолк.

Драгомилов сдержанно улыбался.

— Вы выполните мои указания, не правда ли?

— Да, да, да! Я их выполню, — рассерженно закричал Холл. — Ваше право идти своим путем. Никто вас не останавливает. Но почему именно сегодня? Разве завтра у вас не будет времени начать эту безумную авантюру?

— Нет, мне не терпится начать ее. Вы попали в точку, это то самое слово: авантюра, а точнее — приключение. Именно так это называется. Я грешу приключениями с юности, с того времени, когда молодым бакуинцем я по-мальчишески мечтал о свободе для всех. А чего я добился с тех пор? Я был думающей машиной. Мне удалось создать хорошее дело. Я нажил состояние. Я придумал Бюро убийств и наладил его работу. И все.

Разве это жизнь? Я жил без приключений. Я был просто пауком, огромным думающим и составляющим планы мозгом, центром паутины. Наконец-то я рву паутину и уношусь в мир приключений. А почему бы и нет? Вы знаете, что за всю свою жизнь я не убил ни одной души, мне даже не приходилось видеть убитого человека. Мне не случилось попасть даже в железнодорожную катастрофу. Я ничего не знаю о насилии. Тот, кто владеет недюжинной силой, чтобы творить насилие, никогда не пользовался этой силой, не считая спортивных игр: бокса, борьбы и тому подобных упражнений. Теперь я начну жить телом и сознанием, начну новую роль. Ее имя — Сила!

Он вытянул свою белую сухощавую руку и сердито оглядел ее.

— Груня расскажет вам, как я сгибал вот этими пальцами серебряный доллар. Разве это все, на что они способны? Гнуть доллары? Дайте-ка на минуту вашу руку.

Он схватил пальцами предплечье Холла между локтем и запястьем, только сжал его, и Холл вздрогнул от нестерпимой острой боли, внезапно пронзившей его тело. Было такое ощущение, словно большой палец руки Драгомиллова сомкнулся с остальными через плоть и кость предплечья Холла. Мгновение — и Драгомиллов освободил его руку, мрачно улыбнувшись.

— Повреждений нет,— сказал он.— Правда, примерно с неделю будут синяки. Теперь вам понятнее, почему я хочу вырваться из своей паутины? Слишком долго я прозябал здесь. Эти пальцы занимались только тем, что ставили подписи да листали книжные страницы. Из своей паутины я посылал людей на дорогу приключений. А теперь я стану играть против этих людей, я тоже вступаю в игру. Это будет королевская игра. Эта совершенная машина сотворена моим умом. Ее создал я. И ни разу не дала она осечки, уничтожая намеченную жертву. Теперь эта жертва — я. Вопрос заключается в том, действительно ли эта машина сильнее меня, ее творца? Уничтожит она своего творца или творец ее перехитрит?

Он как-то сразу умолк, взглянул на часы и нажал кнопку звонка.

— Приготовьте машину,— сказал он слуге, вошедшему на звонок.— Снесите в нее чемодан, который находится в моей спальне.

Когда слуга вышел, он повернулся к Холлу:

— Итак, начинаются мои скитания. Хаас может появиться здесь в любой момент.

— Кто такой Хаас?

— Всеми признанный, самый способный член нашей организации. Ему всегда поручаются наиболее трудные и опасные задания. Этике он предан до фанатизма. Даже ангел смерти не так страшен, как он. Это огонь. Он не человек, нет, он — пламя. Вы сами убедитесь. Вот он идет.

Через мгновение в комнату вошел человек. Холл был потрясен, едва взглянув на его лицо — бледное, худое, с ввалившимися щеками и остро выступающими скулами, на лице этом горели глаза; такие могут привидеться разве только в кошмарном сне. В них пылал такой огонь, что все лицо казалось охвачено пожаром. Человек представился, и Холла поразило его крепкое, почти нечеловечески сильное рукопожатие. Холл не оставил без внимания его движения, когда тот пододвигал стул и усаживался. В них было что-то кошачье, и Холл был уверен, что мускулы у этого человека, как у тигра, хотя сухое, нездоровое лицо, казалось, говорило об обратном, создавало впечатление, что тело его — сморщенная и вялая скорлупка. Тело было худым, но Холл подметил узлы мускулов на руках и плечах.

— У меня есть для вас задание, мистер Хаас,— начал Драгомилов.— Наверняка самое трудное и опасное из тех, какие вам вообще приходилось выполнять.

Холл мог бы поклясться, что при этом сообщении глаза человека загорелись еще ярче.

— Дело мною одобрено,— продолжал Драгомилов.— Оно справедливо, здесь нет никакого сомнения. Этот человек должен умереть. За его смерть Бюро получено пятьдесят тысяч долларов. В соответствии с нашими правилами, треть этой суммы выделяется вам. Опасаясь, что это дело окажется чересчур трудным, я решил увеличить вашу долю до половины суммы. Вот вам пять тысяч долларов на расходы...

— Сумма необычайно велика,— прервал его Хаас. Он поминутно облизывал губы, будто их жег бушующий в нем пламень.

— И человек, которого вам предстоит уничтожить, необычен,— сердито возразил Драгомилов.— Вам следует связаться со Шварцем и Гаррисоном, чтобы они немедленно оказали вам помощь. Если через некоторое время вы втроем не будете в состоянии это сделать...

Хаас недоверчиво фыркнул, а жар, его снедавший, разгорелся на его худом и жадном лице с еще большей силой.

— Если через некоторое время вы втроем будете не в состоянии это сделать, призывайте на помощь всю организацию.

— Кто этот человек?— зло буркнул Хаас.

— Минутку,— Драгомилов обернулся к Холлу.— Что вы сообщите Груне?

Холл некоторое время размышлял.

— Полуправды будет достаточно. Организацию я ей обрисовал еще до того, как познакомился с вами. Ей можно сказать, что вам угрожает опасность. Этого будет вполне достаточно. Каковы последствия — не важно, она никогда не узнает об остальном.

Кивком головы Драгомилов выразил свое одобрение.

— Мистер Холл служит секретарем,— объяснил он Хаасу.— Шифр находится у него. За деньгами и за всем прочим обращайтесь к нему. Информировать его время от времени о своих успехах.

— Кто этот человек?— снова рявкнул Хаас.

— Одну минуту, мистер Хаас. Я хочу, чтобы вы уяснили всю серьезность дела, которое я хочу на вас возложить. Свой зарок вы не забыли? Вы знаете, что обязаны выполнить задание независимо от того, кто этот человек. Во всяком случае, как вам известно, под угрозой находится ваша собственная жизнь. Вы, конечно, знаете, что означает для вас неудача: ваши товарищи поклялись убить вас, если вы потерпите неудачу.

— Это мне известно,— прервал Хаас.— Нет нужды об этом напоминать.

— Я хочу, чтобы у вас не оставалось на этот счет никаких сомнений. Независимо от того, кто это лицо...

— Отец, брат, жена... хоть сам дьявол или бог — я понял. Кто этот человек? Где его можно найти? Вы же знаете, если я на что-то решился, я доведу дело до конца.

Драгомилов, удовлетворенно улыбаясь, повернулся к Холлу.

— Говорил я вам, мною выбран лучший агент.

— Мы теряем время,— нетерпеливо проворчал Хаас.

— Прекрасно,— ответил Драгомилов.— Вы готовы?

— Да.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Это я, Иван Драгомилов, тот человек.

— Вы?— прошептал он, словно что-то обожгло ему горло, лишило речи.

— Я,— спокойно повторил Драгомилов.

— Тогда другого такого случая не представится,— скороговоркой произнес Хаас, быстро опуская правую руку в боковой карман.

Но Драгомилов еще быстрее метнулся к нему.

Прежде чем Холл успел подняться со стула, все было кончено, опасность была позади. Он увидел, как большие, кривые и жесткие пальцы вонзились в впадины по обе стороны у основания шеи Хааса. И в тот же миг, как пальцы коснулись шеи, рука Хааса прекратила свое движение к оружию, находящемуся у него в кармане. Обе его руки дернулись и спазматически сжались. Лицо Хааса исказила дикая, предсмертная агония.

Еще с минуту он корчился и извивался, а потом его глаза закрылись, руки повисли, тело обмякло, и Драгомилов опустил его на пол; пламя, пылавшее в Хаасе, угасло вместе с сознанием.

Драгомилов перевернул его вниз лицом и связал носовым платком ему руки за спиной. Он действовал быстро, одновременно разговаривая с Холлом.

— Обратите внимание, Холл, это старейший прием анестезии, применявшийся хирургией. Он делается чисто механически. Большие пальцы зажимают сонные артерии, перекрывая доступ крови к мозгу. Японцы уже сотни лет пользуются им при хирургических операциях. Задержи я пальцы еще на минутку или чуть больше, он был бы мертв. А теперь он придет в сознание через несколько секунд. Смотрите! Он уже двигается.

Драгомилов перевернул Хааса на спину, ресницы глаз последнего затрепетали, и он испуганно уставился на Драгомилова.

— Я же вам говорил, мистер Хаас, что это трудный случай,— начал убеждать его Драгомилов.— Ваша первая попытка окончилась провалом. Боюсь, что вам придется еще пережить немало неудач.

— Вы, надеюсь, не лишите меня моей доли,— последовал ответ.— Правда, причины вашего желания быть убитым выше моего понимания.

— А я и не хочу быть убитым.

— А тогда зачем же, разрази меня гром, вы отдали мне этот приказ?

— Это мое дело, мистер Хаас. А ваше дело выполнить его наилучшим образом. Как ваша шея?

Лежащий человек покрутил головой туда-сюда.

— Болит,— объявил он.

— Вам следует обучиться этому приему.

— Теперь я его знаю,— добавил Хаас,— я в точности знаю место, где надавить пальцами. Что вы собираетесь теперь со мной делать?

— Возьму с собой в машину и сброшу вас у обочины доро-

ги. Ночь теплая, вы не простудитесь. Если я оставлю вас здесь, мистер Холл может развязать вас прежде, чем я двинусь в путь. А теперь мне придется вас немного побеспокоить из-за этой пушки в кармане вашего пиджака.

Драгомилов наклонился и извлек из его кармана автоматический пистолет.

— Снаряжен для большого дела, взведен и готов к действию,— сказал он, осмотрев оружие.— Ему оставалось только спустить предохранитель и нажать на спуск. Вы пойдете со мной в машину, мистер Хаас?

Хаас отрицательно покачал головой:

— Здесь удобнее, чем у обочины.

Не произнося ни слова, Драгомилов наклонился над ним и легко сжал своими страшными пальцами его горло.

— Пойду,— тяжело выдохнул Хаас.

Хотя его руки были связаны за спиной, он проворно и легко, без видимых усилий встал на ноги, подтверждая догадку Холла о тигриной мускулатуре его тренированного тела.

Драгомилов повернулся к Холлу и сказал:

— Японцам известны семь различных «прикосновений смерти», приемов борьбы джиу-джитсу, из которых я знаю четыре. А этот человек надеется одолеть меня в физической борьбе. Позвольте мне, мистер Хаас, сказать вам одну вещь. Взгляните на ребро моей кисти. Не говоря о «прикосновении смерти» и прочем, просто ребром вот этой руки, как косарем, я могу переломать ваши кости, разбить суставы и разорвать ваши сухожилия. Недурно, а? Для думающей машины, как меня всегда называли. Ну, так пойдём, начнём. Вот сюда, по дороге приключений. До свидания, Холл.

Дверь парадной захлопнулась за ними, а Винтер Холл изумленно оглядел современно убранную комнату, в которой он остался один. Больше, чем когда-либо прежде, его охватило ощущение нереальности, хотя вот оно стоит роскошное пианино, а там, на журнальном столике, лежат свежие журналы. Он даже прочитал на обложках давно знакомые названия, силясь прийти в себя. Ему показалось, что в самом деле он через несколько минут проснется. Он поглядел на названия книг, стоящих на подставке стола, вероятно, принадлежащих Драгомилову. Здесь бок о бок стояли «Проблемы Азии» Махана, «Сила и материя» Бюкнера, «Мистер Полли» Уэллса, «По ту сторону добра и зла» Ницше, «Большая грузоподъемность» Джэкоба, «Теория праздного класса» Беблена, «От Эпикура к Христу» Хайда и последний роман Генри Джеймса — все это было брошено этим

странным умом, закрывшим последнюю страницу своей книжной жизни и ринувшимся на тропу невероятных, безумных приключений.

ГЛАВА VII

— Ждать вашего дядю бесполезно,— сказал Холл Груне на следующее утро.— Нам нужно позавтракать и ехать в город.

— Нам?— спросила она с искренним удивлением.— Для чего?

— Чтобы оформить наш брак. Перед отъездом ваш дядя назначил меня вашим неофициальным опекуном, и лучшее, что можно сделать, как мне представляется, это оформить мое положение официально — вот, если с вашей стороны нет серьезных возражений.

— Они у меня несомненно есть,— последовал ответ.— Во-первых, я не люблю, когда решают что бы то ни было за меня, даже вопрос о таком приятном деле, как брак с вами. А затем, я не выношу тайнственности. Где дядя? Что произошло? Куда он уехал? Он что, уехал утренним поездом в город? И зачем это ему нужно ехать в город в воскресный день?

Холл смотрел на нее печально.

— Груня, я не стану призывать вас набраться мужества и не буду повторять все эти банальности. Я хорошо вас знаю, и в этом нет необходимости.— Он заметил тревогу на ее лице и горопливо продолжил:— Мне неизвестно, когда возвратится ваш дядя. Я не знаю, вернется ли он вообще и увидите ли вы его снова. Послушайте. Помните я рассказывал вам о Бюро убийств?

Она кивнула.

— Так вот, оно избрало его своей ближайшей жертвой. Он бежал,— вот и все, пытаюсь от них ускользнуть.

— Ой! Но это же чудовищно,— крикнула она.— Мой дядя Сергиус! Мы живем в двадцатом веке. Теперь же такие вещи невозможны. Это не что иное, как злая шутка, которую вы вместе с ним сыграли надо мной.

Холл, вообразив на секунду, что бы она подумала, если бы узнала всю правду о своем дяде, мрачно улыбнулся.

— Клянусь честью, это правда,— заверил он ее.— Ваш дядя избран ближайшей жертвой. Вы помните вчера вечером он очень много писал. Получив предостережение об угрозе, он приводил в порядок свои дела и готовил для меня инструкции.

— А полиция? Почему он не обратился туда за защитой от банды этих головорезов?

— Ваш дядя — страшный человек. Он и слушать не желает о полиции. Более того, он взял с меня обещание не вмешивать в это дело полицию.

— Но с меня-то он не брал,— прервала она, направляясь к двери.— Я вызову ее немедленно.

Холл поймал ее за руку, и она сердито повернулась к нему.

— Послушай, дорогая,— начал он успокаивающе.— Все это безумство, я знаю, чистейший, невероятнейший идиотизм. И все же это так, это правда, все до последней детали. Дядя ваш не хочет вовлечь полицию. Таково его желание, его указание мне. Если вы нарушите его желание, то виноват буду я, потому что допустил ошибку, обо всем рассказав вам. Неужели я ошибся?

Она задержалась у порога.

— Не может этого быть!— воскликнула она.— Не могу я в это поверить! Это... это... о! Вы шутите.

— Я сам в это не могу поверить, но вынужден. Ваш дядя упаковал вчера вечером чемодан и уехал. Я видел, как он уезжал. Он со мной попрощался. Он поручил мне свои и ваши дела. Вот его указания на этот счет.

Холл вынул свой бумажник и выбрал несколько листочков бумаги, вне всякого сомнения написанных рукой Сергиуса Константина.

— Здесь есть также и записка для вас. Он страшно торопился. Пойдемте завтракать и там все прочитаем.

Трапеза была унылой. Груня выпила только чашку кофе, а Холл вяло поковырял ложкой яйцо.

Окончательно Груню убедила телеграмма, полученная на имя Холла. То обстоятельство, что она состояла из одних цифр и что он знал ключ, рассеяло ее подозрения, но не раскрыло тайну.

«Буду вам сообщать о себе время от времени,— расшифровал Холл.— Шлю свою любовь Груне. Скажите ей, я даю вам согласие на брак. Остальное зависит от нее».

— По этой телеграмме, возможно, мне удастся установить следы его передвижений,— объяснил Холл.— А теперь я предлагаю оформить наш брак.

— В то время как для него, несчастного, нет безопасного места на всей земле? Нет, ни за что! Что-то нужно делать. Мы что-то должны сделать. Я-то думаю, вы хотите уничтожить это гнездо убийц. Ну так уничтожьте и спасите его.

— Ну, хорошо, я объясню вам все,— сказал он мягко.— Это и есть часть программы уничтожения этого гнезда. Мною это

не намечалось и получилось помимо моей воли. Я даже скажу вам больше: если ваш дядя продержится в течение года, он останется невредим, ему больше не будет угрожать никакая опасность. А я уверен, он в состоянии в течение этого времени обманывать своих преследователей. Я между тем сделаю все, что в моей власти, чтобы помочь ему, несмотря на то, что его собственные инструкции стесняют меня и, в частности, его указание ни при каких обстоятельствах не обращаться в полицию.

— Я выйду замуж, когда истечет год,— окончательно решила Груня.

— Отлично. Ну, а сегодня вы намерены отправиться в город или останетесь здесь?

— Я отправляюсь первым же поездом.

— Я с вами.

— Тогда мы едем вместе,— сказала Груня, и слабый намек на улыбку появился на ее лице — первый за все утро.

Для Холла день обещал быть трудным. Расставшись по приезде в город с Груней, он посвятил себя улаживая дел Драгомилова и выполнению его указаний. Управляющий фирмы «С. Константин и К^о», вопреки врученному ему письму, написанному собственноручно его хозяином, упорно продолжал относиться к Холлу с подозрением. А когда Холл, желая убедить его, позвонил по телефону Груне, управляющий выразил сомнение, что на другом конце провода действительно — племянница Константина. Поэтому Груня вынуждена была прибыть лично и подтвердить слова Холла.

После этого они с Груней вместе пообедали, и затем он отправился вступить во владение квартирой Драгомилова. Полагая, что Груне ничего не известно о комнатах, в которых распоряжался глухонемой, Холл на всякий случай осторожно проверил правильность своего предположения и выяснил, что не ошибся.

Общение с глухонемым не представляло серьезной трудности. Начав говорить, повернувшись к нему лицом так, чтобы тот видел его губы, Холл понял, что вести с ним разговор в общем не сложнее, чем с любым другим человеком. Немому, чтобы ответить, приходилось писать все, что он хотел сообщить Холлу. Получив от Холла письмо Драгомилова, парень немедленно прижал его к своему носу, долго и тщательно его обнюхивал. Убедившись таким путем в его подлинности, он согласился допустить Холла во временное владение квартирой.

Этим вечером Холл принял трех посетителей. Первый — толстый, с усами и бакенбардами, веселый человек, назвавшийся

Бардуэллом,— был агентом Бюро. Сверившись с описаниями членов, Холл опознал его — правда, не под тем именем, которое тот назвал.

— Вас зовут не Бардуэлл,— сказал Холл.

— Знаю,— последовал ответ.— Может быть, вы мне подскажите мою фамилию.

— Пожалуйста, вас зовут Томпсон... Сильваниус Томпсон.

— Похоже, что так,— последовал веселый ответ.— Вы, видимо, сможете добавить что-нибудь еще?

— Вы работаете в организации пять лет. Родились в Торонто. Вам сорок семь лет. Вы были профессором социологии в Барлингтонском университете и вынуждены были уйти, потому что ваши экономические воззрения оскорбляли основателя университета. Вами выполнено двенадцать поручений. Перечислить их вам?

Сильваниус Томпсон предостерегающе поднял руку.

— О таких данных мы не упоминаем.

— Но в этой комнате это допускается,— возразил Холл.

Бывший профессор социологии поспешил признать верность последнего замечания.

— Нет смысла называть их все,— сказал он.— Назовите мне первое и последнее, и мне станет ясно, можно ли с вами говорить о деле.

Холл вновь обратился к описанию.

— Вашим первым был полицейский судья Сиг Лемюэлс. Это было вашим приемным испытанием. Последнее ваше поручение — Бертрам Фестл,— как полагали, утонувший во время плаванья на своей яхте у Барпоинт.

— Прекрасно,— Сильваниус Томпсон умолк, зажигая сигару.— Мне просто хотелось убедиться, вот и все. До сих пор я никого другого здесь не встречал, кроме шефа, поэтому довольно необычно иметь дело с посторонним. А теперь к делу. За последнее время у меня не было поручений, а мои деньги подходят к концу.

Холл вынул отпечатанную им на машинке копию инструкции Драгомилова и внимательно прочел нужный параграф.

— В ближайшее время ничего для вас нет,— сказал он.— Но вот вам две тысячи долларов на расходы. Это аванс за будущие услуги. Не теряйте с нами связи, так как вы можете понадобиться в любое время. Бюро начинает большое дело, и помощь всех его членов может потребоваться в любую минуту. Я уполномочен вам сообщить, что на карту вообще поставлено

существование самой организации. Подпишите, пожалуйста квитанцию.

Бывший профессор подписал квитанцию, пыхнул сигарой и выразил намерение уходить.

— Вам нравится убивать людей?— неожиданно спросил Холл.

— О, я не против,— ответил Томпсон,— хотя я бы не сказал, что мне это нравится. Но каждому нужно жить. У меня жена и трое детей.

— Вы уверены, что ваш способ зарабатывать на жизнь правилен?— задал новый вопрос Холл.

— Разумеется, а иначе я не стал бы зарабатывать на жизнь таким путем. Кроме того, я не убийца. Я исполнитель. Ни одного человека Бюро не убивает без оснований, я имею в виду справедливых оснований. Убирают только тех, кто совершил тяжкие преступления против общества. Вам же это известно.

— Могу вам честно сказать, профессор, что мне очень мало об этом известно. Это действительно так, хотя я временно и осуществляю руководство Бюро, действуя строго в пределах инструкций. Скажите, вы не допускаете ошибки со стороны шефа?

— Я не совсем понял.

— Разве не может он ошибиться в своих решениях? Ну, например, не может ли он дать вам указание убить... прошу прощения — уничтожить человека, не совершившего тяжкого преступления против общества, или того, кто, возможно, абсолютно невиновен в тех проступках, которые ему приписывают?

— Нет, молодой человек, это исключено. Для всех поручений, которые мне даются, а, я убежден, это относится и ко всем остальным нашим членам — прежде всего я требую доказательства и тщательно их взвешиваю. Был случай, я вынужден был даже отклонить одно поручение, потому что у меня имелись серьезные сомнения. Это факт. Потом мне доказали, что я неправ, но таков наш закон, понимаете? Бюро, знаете ли, не смогло бы проработать и года, если бы оно не было сверху до низу основано на справедливости. Что касается меня, я бы жене в глаза не смог посмотреть, детишек своих взять на руки, если бы Бюро работало иначе и мне приходилось выполнять не такие поручения.

Вслед за профессором пришел Хаас, мертвенно-бледный и голодный, он сообщил о своих успехах.

— Шеф держит курс на Чикаго,— начал он.— Он гнал свой автомобиль прямо через Олбани и вылез у нью-йоркской центральной. У него билет в спальном «Пульмане» до Чикаго. Я

опоздал с преследованием, потому что дал телеграмму Шварцу сюда, в город. Он сел на следующий поезд. Руководителю чикагского Бюро я тоже телеграфировал. Вы его знаете?

— Да, там Старкингтон.

— Я телеграфировал ему, в чем дело, и чтобы он направил двух агентов вслед за шефом. А после этого я приехал в Нью-Йорк, чтобы забрать Гаррисона. Если за это время от Старкингтона не поступит сообщения, что они его взяли, мы оба уедем в Чикаго утром первым же поездом.

— Но вы вышли за рамки данных вам указаний,— возразил Холл.— Я точно помню, что Драг... шеф сказал, что вам помогать будут Шварц и Гаррисон и что за помощью остальных членов организации следует обратиться только после того, как вы вгроем будете терпеть неудачи в течение определенного времени. Но вы же еще не потерпели неудачи, вы даже еще не начали.

— Вы, по-видимому плохо знаете нашу систему,— ответил Хаас.— По нашим правилам, всегда, когда преследование заводит в другие города, мы обращаемся к любому из членов организации, находящемуся в этом городе.

Холл хотел было еще что-то сказать, но вошел глухонемой с телеграммой на имя Драгомилова. Холл вскрыл ее и увидел, что она от Старкингтона. Расшифровав телеграмму, он прочел ее вслух Хаасу:

«Хаас что, рехнулся? Получил от Хааса сообщение, что вы дали ему указание уничтожить вас, что вы направляетесь в Чикаго и что мне следует выделить двух агентов, чтобы вас схватить, Хаас до сих пор никогда не обманывал. Он, должно быть, сошел с ума. Он может оказаться опасным. Приглядите за ним».

— Вот то же самое сказал мне и Гаррисон в ответ на мое сообщение,— вставил Хаас.— Но я не обманываю и не сошел с ума. Вы должны это подтвердить, мистер Холл.

С помощью Хааса Холл составил ответ.

«Хаас не сошел с ума и не лжет. То, что он говорит, верно. Выполняйте все его просьбы.

Винтер Холл, исполняющий обязанности секретаря».

— Я сам ее отправлю,— сказал Хаас, вставая.

Несколько минут спустя Холл по телефону сообщил Груне, что ее дядя направляется в Чикаго. Потом Холл имел разговор с Гаррисоном, который явился лично, чтобы удостовериться в верности рассказа Хааса; он ушел убежденный.

Оставшись один, Холл вновь обдумал все случившееся. Он осмотрел забитые книгами стены и стол, и снова чувство нере-

альности охватило его. Да этого просто не может быть, чтобы существовало какое-то Бюро убийств, состоящее из ненормальных, помешанных на этике людей! И как это могло получиться, что он — тот, кто решил развалить это Бюро убийств, — теперь руководит им из его штаб-квартиры, управляет преследованием, а возможно — убийством человека, создавшего Бюро и бывшего отцом любимой женщины, которого, к тому же, он хочет спасти ради его дочери — как же могло такое случиться? И как бы в доказательство, что все это правда, реальность, пришла вторая телеграмма от главы чикагского отделения.

«Кто вы такой, черт вас возьми?» — спрашивал он.

«Утвержденный шефом временно исполняющий обязанности секретаря», — ответил Холл.

Несколько часов спустя Холл был разбужен третьей телеграммой из Чикаго.

«Все слишком необычно. Отказываюсь от дальнейших связей с вами. Где шеф? Старкингтон».

«Шеф уехал в Чикаго. Установите наблюдение за проходящими поездами, найдите его для подтверждения данных им Хаасу указаний. То, что вы отказываетесь поддерживать со мной связь, меня не беспокоит», — телеграфировал в ответ Холл.

К вечеру следующего дня послания Старкингтона посыпались одно за другим.

«Встретил шефа. Он все подтверждает. Приношу свои извинения. Он сломал мне руку и бежал. Четырем агентам чикагского отделения поручено его схватить».

«Только что прибыл Шварц. Кажется, шеф взял курс на запад. Посылаю телеграммы в Сан-Луис, Денвер и Сан-Франциско, чтобы установить за ним наблюдение. Это может дорого обойтись. Высылайте деньги на непредвиденные расходы».

«У Демпси сломано три ребра и парализована правая рука. Паралич временный. Шеф исчез».

«Шеф все еще в Чикаго, но не можем определить местонахождение».

«Сан-Луис, Денвер и Сан-Франциско ответили. Они говорят, я сошел с ума. Не могли бы вы подтвердить?».

Вслед за последней телеграммой последовали сообщения трех упомянутых городов, во всех выражалось беспокойство за психическое состояние Старкингтона, и Холл ответил всем так же, как отвечал ранее Старкингтону.

И вот, пока творилась эта неразбериха, Холлу в голову пришла идея отправить длинную телеграмму Старкингтону и устроить еще большую путаницу.

«Прекратите преследование шефа. Сзовите совещание членов чикагского отделения и обсудите следующее предложение. Решение об уничтожении шефа неправильно. Шеф вынес приговор сам себе. Почему? Он, должно быть, сошел с ума. Неправедливо убивать того, кто не сделал ничего плохого. Что плохого сделал шеф? Где ваши санкции?»

Такой вопрос поставил в тупик чикагское отделение. Об этом свидетельствовал их ответ.

«Все обсуждено. Вы правы. Приговор шефа самому себе не действителен. Шеф не сделал ничего плохого. Оставляем его в покое. У Демпси с рукой лучше. Все согласны, что шеф, по-видимому, помешался».

Холл ликовал. Он подвел этих этических безумцев к логической вершине их безумства. Драгомилов был спасен.

В тот же вечер он повел Груню в театр, а потом ужинать и подбодрил ее своими оптимистическими надеждами на благополучный исход истории с дядей. Но по возвращении домой обнаружил ожидавшую его пачку телеграмм.

«Получена телеграмма из Чикаго, отменяющая преследование шефа. Ваша последняя телеграмма этому противоречит. Что нам делать?»

Сан-Луис».

«Чикаго сейчас отменял приказ о шефе. По нашим правилам приказы никогда не отменяются. В чем дело?»

Денвер».

«Где шеф? Почему он с нами не свяжется? Чикаго последней телеграммой отказался от прежней позиции. Что они, все посходили с ума? Или это шутка?»

Сан-Франциско».

«Шеф все еще в Чикаго. Встретил Карти на Стейн-Стрит. Старался убедить Карти преследовать его. После чего пошел за Карти и бранил его. Карти сказал, что приказано ничего не предпринимать. Шеф страшно рассержен. Настаивает, чтобы приказ об убийстве был выполнен».

Старкингтон».

«Шеф позже снова встретил Карти. Совершил неспровоцированное нападение. Карти невредим».

Старкингтон».

«Шеф вызвал меня. Обругал последними словами. Сообщил ему, что ваше послание изменило нашу точку зрения. Шеф вне себя. Он что, помешанный?

Старкингтон».

«Ваше вмешательство все испортило. Какое вы имеете право вмешиваться? Это следует исправить. Что вы собираетесь предпринять? Отвечайте.

Драго».

«Стараюсь поступать справедливо. Вы не имеете права нарушать собственные правила. У членов организации нет санкций на приведение в исполнение приказа»,— гласил ответ Холла.

«Вздор»— такова была последняя телеграмма Драгомилова за эту ночь.

ГЛАВА VIII

Только к одиннадцати часам следующего дня Холл получил известие о новом шаге Драгомилова. Оно пришло от самого шефа.

«Направил это послание во все отделения. Передал лично в Чикагское отделение, которое это подтвердит. Я убежден, что наша организация — это ошибка. Я уверен, что вся ее деятельность — это ошибка. Я уверен, что каждый ее член вольно или невольно совершил ошибку. Рассматривайте это как указание и исполняйте свой долг».

Вскоре отклики отделений буквально посыпались на Холла, а он с улыбкой переправлял их Драгомилову. Все до одного единодушно сошлись на том, что оснований для уничтожения шефа нет.

«Уверенность — это не грех»,— говорил Нью-Орлеан.

«Не ошибочность веры, а неискренность веры является преступлением»,— вносил свой вклад в обсуждение Бостон.

«Честная убежденность шефа не является проступком»,— заключал Сан-Луис.

«Несогласие на этической основе абсолютно не дает никакой санкции»,— заявил Дэнвер.

В это же время Сан-Франциско легкомысленно ответил: «Единственное, что шефу следует сделать, это отстраниться от контроля или забыть о нем».

Драгомилов ответил отправкой другого важного послания. Оно гласило: «Мои убеждения затрагивают формы действий.

Будучи убежден, что организация заблуждается, я разрушу организацию. Я лично уничтожу ее членов и, если возникнет необходимость, прибегну к помощи полиции. Чикаго доведет это до всех отделений. Всем отделениям в ближайшее время мною будут представлены более веские основания для преследования меня».

С огромным интересом ожидал Холл ответов, признавшись в полной неспособности предсказать, какое новое решение примет это сообщество свихнувшихся праведников. Выяснилось, что мнения разделились. Сан-Франциско телеграфировал: «Санкции о'кей. Жду инструкций».

Дэнвер советовал: «Чикагскому отделению рекомендую проверить здоровье шефа. У нас здесь есть хороший санаторий».

Нью-Орлеан сомневался: «Все рехнулись, что ли? У нас же нет достаточных данных. Неужели некому выправить это дело?»

Бостон говорил: «Во время такого кризиса нам не следует терять голову. Может быть, шеф болен. Нужно проверить, прежде чем принимать какое-либо решение».

Только после этого Старкингтон послал телеграмму, предлагая Хаасу, Шварцу и Гаррисону возвратиться в Нью-Йорк. На это Холл согласился, но едва он отправил телеграмму, как пришло известие от Старкингтона, которое совершенно все переменяло. «Только что прикончен Карти. Полиция ищет убийцу, но на след не напала. Мы уверены, что это дело рук шефа. Передайте, пожалуйста, всем отделениям».

Холл, который был центральным узлом связи между отделениями, теперь был засыпан телеграммами. Сутки спустя из Чикаго поступили еще более ошеломляющие новости.

«Сегодня в три часа задушен Шварц. На этот раз нет никакого сомнения — шефом. Полиция его разыскивает. Мы тоже. Он скрылся. Всем отделениям быть наготове. Объявляю тревогу. Действую, не ожидая санкций отделений, но хотел бы их получить».

Санкции посыпались к Холлу немедленно. Драгомилов достиг своей цели. «Этичные» сумасброды наконец очнулись и устремились вслед за ним.

Сам Холл оказался в затруднительном положении и проклинал свою «этичную» натуру, заставляющую его выполнить обещание. Теперь он был убежден, что Драгомилов безумец, который вырвался из оков своей тихой книжно-деловой жизни и превратился в убийцу-маньяка. А он дал этому маньяку обещание. Теперь возникал вопрос, вправе он или нет с этической точки зрения нарушить это обещание. Здравый смысл подска-

ивал ему, что вправе, вправе донести полиции, вправе произвести аресты всех членов Бюро убийств, вправе предпринять все, что обещает положить конец этой, казалось неумолимо надвигающейся оргии убийств. Но превыше его здравого смысла была его этика, и по временам он приходил к мысли, что сам он безумен не менее любого из этих сумасшедших, с которыми имел дело.

И в дополнение к его растерянности Груня, разыскавшая его адрес по данному им телефонному номеру, явилась к нему.

— Я пришла попрощаться,— начала она.— Какие у вас удобные комнаты! А какой странный слуга. Он не сказал мне ни слова.

— Прощаться?— переспросил Холл.— Вы возвращаетесь в Эдж-Мур?

Она отрицательно покачала головой и, просветлев, улыбнулась:

— Нет, в Чикаго. Я хочу разыскать дядю и помочь ему, чем смогу. Какое вы получили от него последнее сообщение? Он все еще в Чикаго?

— По последнему сообщению...— Холл колебался.— Да, по последнему сообщению, он еще не покинул Чикаго. Но вы ничем не можете помочь и ехать вам туда неблагоразумно.

— А я все же поеду.

— Позвольте мне дать вам совет, дорогая.

— Не ранее, как по окончании года, если это не советы по деловым вопросам. Вообще-то я пришла сюда, чтобы возложить на вас мои небольшие обязанности. Я уезжаю на экспрессе «Двадцатый век» сегодня вечером.

Холл был не в состоянии спорить с Груней и, простившись с ней по обыкновению ласково, он остался в штаб-квартире Бюро убийств, чтобы продолжать вести его идиотические дела.

С этого момента и в последующие сутки ничего не произошло. А потом донесения посыпались градом. Первое было от Старквингтона:

«Шеф еще здесь. Сегодня свернул шею Гаррисону. Полиция это не связывает с делом Шварца. Обратитесь, пожалуйста, с призывом о помощи ко всем отделениям».

Холл разослал всем этот призыв, и часом позже от Старквингтона пришло следующее послание:

«Проник в больницу и убил Демпси. Определенно покинул город. Хаас преследует. Сан-Луису быть наготове».

«Растенаф и Пилсуори выезжают немедленно»,— сообщал Холлу Бостон.

«Луковиль послан в Чикаго»,— говорил Нью-Орлеан.

«Никого не посылаем. Ждем прибытия шефа»— извещал Сан-Луис.

А потом из Чикаго от Груни пришел крик души: «У вас есть какие-нибудь новости?»

Не успел он ответить на ее телеграмму, как почти вслед получил вторую.

«Пожалуйста, сообщите мне, если есть какие-нибудь известия».

Холл ответил:

«Покинул Чикаго. Вероятно, направился в Сан-Луис. Разрешите присоединиться к вам».

Ответа не последовало, и он собирался выехать, чтобы стать свидетелем смерти главы убийц, преследуемого своей дочерью и убийцами из четырех городов и направляющегося в гнездо убийц, ожидающих его в Сан-Луисе.

Прошел еще один день, затем еще. Авангард преследователей вступил в Сан-Луис, но там не было обнаружено никаких признаков Драгомилова. Хаас, как сообщили, пропал. Груня не могла найти следов дяди. Один глава отделения еще оставался в Бостоне. Он сообщил Холлу, что будет следить за происходящим. В Чикаго остался только Старкингтон со сломанной рукой.

Но к концу следующих суток Драгомилов нанес новый удар. Растенаф и Пилсуорти прибыли в Сан-Луис рано утром. Каждый был прострелен малокалиберной пулей. Их вынесли из спального вагона люди, посланные следователем. Два агента из Сан-Луиса тоже были мертвы. Об этом сообщил руководитель этого отделения,— единственный, оставшийся в живых. Появился Хаас, но он не сообщил, где пропадал в течение четырех дней. Драгомилов вновь исчез из виду. Груня была безутешна и бомбардировала Холла телеграммами. Руководитель Бостонского отделения известил, что выезжает. То же самое сделал Старкингтон, невзирая на травму. Сан-Франциско высказал предположение, что своим следующим пунктом Драгомилов изберет Денвер, и выслал двух человек на подкрепление. Денвер, разделяя это мнение, держал двух своих агентов наготове.

События последних дней нанесли заметный урон резервному фонду Бюро, впрочем — к удовольствию Холла, который в соответствии с инструкциями высылал телеграфом сумму за суммой различным людям. Если гонка будет продолжаться, решил он, Бюро обанкротится еще до истечения года.

Для Холла наступил период затишья. Поскольку все члены

организации уехали на Запад и имели прямой контакт друг с другом, ему нечего было делать. День с небольшим он провел в неизвестности и праздности, а потом, устроив финансовые дела и условившись с глухонемым о пересылке телеграмм, закрыл штаб Бюро и купил билет в Сан-Луис.

ГЛАВА IX

В Сан-Луисе Холл не нашел никаких перемен. Драгомилов так и не появился, но все были начеку: вот-вот что-то должно было произойти. Холл прибыл на совещание в доме Маргвезера. Маргвезер, глава сан-луисского отделения, жил вместе с семьей за городом в благоустроенном особняке. Когда Холл приехал, все уже были в сборе, среди них был Хаас — этот огонь-человек. Холл сразу узнал его и Старкингтона, последнего по загибсованной и подвешенной на перевязи руке.

— Кто этот человек? — спросил представитель Нью-Орлеана Луковиль, когда назвали Холла.

— Временно исполняющий обязанности секретаря Бюро, — начал было объяснять Маргвезер.

— Все это настолько против наших правил, что не может меня не беспокоить, — обрезал Луковиль. — Этот человек не принадлежит к нашей организации. Он не убивал, не проходил проверку в организации. Дело не только в том, что его появление среди нас беспрецедентно, но и в том, что для людей с такой опасной профессией, как наша, его присутствие является угрозой. В связи с вышесказанным, я хочу обратить внимание на два момента. Во-первых, его репутация всем нам известна. Я ничего не могу сказать плохого о его деятельности в этом мире. Его книги я читал с интересом и, смею добавить, с пользой. Его вклад в социологию своеобразен и не подлежит сомнению. С другой стороны, он все-таки социалист. Его называют «миллионер-социалист». Что это значит? Это значит, что он никак не связан с нами, с принципами нашей деятельности. Это значит, что он — слепой пленник закона. Закон — его фетиш. Он погряз в болоте невежества и преклонения перед законом. Для него мы, кто встал выше закона, — архипреступники, нарушители закона. Поэтому его присутствие не обещает нам ничего хорошего. Ради своего фетиша он способен уничтожить нас. Об этом говорит все. Это вытекает как из его философских взглядов, так и из его личных качеств.

И, во-вторых, обращаю ваше внимание на то, что он вторгается в нашу организацию именно в тот момент, когда она пе-

реживает кризис. А кто поручился за него? Кто допустил его к нашим секретам? Один-единственный человек — наш шеф, уже убивший шестерых наших агентов и к тому же намеревающийся выдать нас полиции или уничтожить. Неприятная, очень неприятная ситуация для этого человека и для нас. Он — враг, и он в наших рядах. Мое предложение: удалить его отсюда...

— Простите, мой дорогой Луковиль,— вмешался Маргвезер,— здесь не место для подобной дискуссии. Мистер Холл мой гость.

— Мы рискуем жизнью,— не унимался представитель Нью-Орлеана.— А гость или не гость, неважно: сейчас не время для жестов вежливости. Этот человек — шпион. Он намерен уничтожить нас. Я бросаю ему это обвинение в глаза. Что он на это ответит?

Холл огляделся вокруг. Все смотрели на него подозрительно, но он заметил, не зло, за исключением Луковиля. А ведь правда,— отметил Холл про себя,— это философы, свихнувшиеся философы.

Маргвезер сделал было попытку вмешаться, но ему не дали.

— Так что же вы на это ответите, мистер Холл?— задал вопрос Гаповер, руководитель бостонского отделения.

— Если мне позволят сесть, я отвечу с удовольствием,— произнес Холл.

Со всех сторон посыпались извинения, и его устроили в большом кресле, которое пододвинули, чтобы замкнуть круг.

— Мой ответ, как и обвинение, будет состоять из двух пунктов,— начал он.— Во-первых, я действительно намерен разрушить вашу организацию.

Это заявление было встречено вежливым молчанием, и Холлу пришла на ум мысль, что сумашедшие философы, несомненно, умеют сдерживать себя. Лица их не выражали никаких эмоций. С напряженным вниманием они ожидали, пока он выскажется до конца. Даже вспышка гнева Луковиля была мимолетна, и теперь он сидел так же спокойно, как и остальные.

— Объяснение, почему я решил разрушить вашу организацию, было бы слишком сложным, чтобы им заниматься в настоящий момент,— продолжал Холл.— Вкратце я могу сказать, что в перемене поведения вашего шефа действительно повинен я. Когда я понял, каким рьяным приверженцем этики он является (да и вы все тоже), я уплатил ему пятьдесят тысяч долларов комиссионных за сделку, направленную против него самого. Представил ему убедительные доказательства, разумеется, эти-

ческие, и он возложил исполнение его на мистера Хааса. Правду я говорю, мистер Хаас?

— Да.

— Точно так же в вашем присутствии шеф сообщил вам о назначении меня секретарем. Так?

— Да.

— Теперь я перехожу ко второму пункту. Почему шеф доверил мне ведение дел в штаб-квартире Бюро? Ответ прост. Шеф убедился, что я так же, как и вы, или почти так же сильно, предан этике. Он понял, что я не способен нарушить данное слово. Это доказано моими последующими действиями. Я приложил все силы, чтобы успешно исполнять обязанности секретаря. Мною пересылались все телеграммы, все важные сообщения и приказы. Я удовлетворял все денежные запросы. Поскольку я дал согласие, я буду продолжать это делать и в дальнейшем, хотя питаю отвращение к вашей этике и с ужасом взираю на все, за что вы боретесь. Поступая так, я поступаю, со своей точки зрения, правильно. Верно?

Наступившая пауза была очень непродолжительной. Поднялся Луковиль, подошел к Холлу и угрюмо протянул ему руку. Другие последовали его примеру. После этого Старкингтон внес предложение: из фондов Бюро оказать поддержку вдове Демпси, а также жене и детям Харрисона. Предложение приняли почти без обсуждения, а когда размер пособия был установлен, Холл выписал чеки и передал их для отправки Маргвезеру.

Далее был рассмотрен вопрос о кризисе и о том, как лучше справиться с изменником шефом. Холл не принимал участия в обсуждении, поэтому, откинувшись на спинку своего кресла, он мог наблюдать за этими безумцами. Их было семеро и, за исключением Хааса и Луковилья, все они выглядели, как ученые мужи средних лет или как представители средней буржуазии. Он просто не в силах был убедить себя, что это хладнокровные убийцы, творящие свое жестокое дело за плату. По внешнему виду невозможно было представить, что вот этим спокойным людям предстоит приложить все силы, чтобы выжить в смертельной войне, которая против них ведется. Собственно, половины их уже нет. Из Бостона в живых остался один Ганöver, из Нью-Йорка — Хаас, из Чикаго — Старкингтон, а их радушный бородатый хозяин Маргвезер был единственным представителем Сан-Луиса.

— Мне понравилась ваша последняя книга, — склонившись, шепнул Холлу хозяин, воспользовавшийся паузой. — Ваш довод за организацию по производственному признаку, а не по спе-

циальности — неуязвим. Но ваши соображения о законе сокращающейся прибыли, на мой взгляд, довольно-таки неубедительны. У меня есть что возразить вам по этому вопросу.

И это убийца! Все эти люди — убийцы. В это Холл мог поверить только при одном условии — признав их сумасшедшими. Возвращаясь в город после совещания, он разговорился в трамвае с Хаасом и был поражен, услышав, что тот — бывший профессор греческой и еврейской филологии. Луковиль, оказалось, был экспертом по востоку. Гановер в течение некоторого времени работал директором одной из самых уважаемых академий Новой Англии, а Старкингтон, как выяснилось, в прошлом был известным газетным редактором.

— Но почему же, к примеру, вы стали вести такой образ жизни? — спросил Холл.

Они сидели в открытой части трамвая, приближавшегося к району отелей. Только что закончились представления в театрах, и тротуары были полны народа.

— Потому что я выступаю за справедливость, — ответил Хаас, — и потому, что это лучший способ заработать на пропитание, чем греческий и еврейский языки. Если бы мне пришлось начать свою жизнь сначала...

Но Холлу так и не пришлось услышать конец фразы. Трамвай на мгновение остановился у перекрестка и Хаас, заметив что-то, вскочил, словно от удара током. С загоревшимися глазами, ни слова не сказав, даже не махнув на прощанье, он прыгнул с трамвая и потерялся в толпе.

На следующее утро Холл узнал, что случилось. Газета поместила сенсационное сообщение о таинственной попытке убийства. Хаас лежал в госпитале с простреленным легким. Обследования врачей показали, что он остался в живых только благодаря тому, что сердце у него расположено не на обычном месте, а смещено в сторону. Если бы его сердце помещалось там же, где у других людей, сообщалось в отчете репортера, то пуля прошла бы через него. Но не в этом была тайна. Никто не слышал выстрела. Словно споткнувшись, Хаас неожиданно упал в густой толпе. Женщина, которая была прижата к нему в этой давке, утверждала, что за секунду перед тем, как он упал, ей послышался слабый, но отчетливый металлический щелчок. Человек, эшедший впереди, как будто тоже слышал щелчок, но не был в этом твердо уверен. «Полиция озадачена, — писала газета, — Потерпевший, приезжий из другого города, также в недоумении. Он утверждает, что представить не может, кто мог быть заинтересован в его смерти. Он не помнит никакого щелчка. Он

почувствовал только страшный удар в момент, когда его сразила пуля. Детектив, сержант О'Коннелл, убежден, что выстрел произведен из воздушной винтовки, но это опровергается шефом детективов Рандаллом, который, будучи знаком с воздушными винтовками всех систем, утверждает, что такого рода оружие не может быть незаметно использовано в густой толпе».

— Вне всякого сомнения, это был шеф,— уверял Холл Маргвезер несколько минут спустя.— Он все еще в городе. Информировать, пожалуйста, Денвер, Сан-Франциско и Нью-Орлеан об этом происшествии. Оружие — изобретение самого шефа. Он несколько раз давал его Гаррисону, который по использованию всегда его возвращал. Камера сжатого воздуха прикрепляется на теле под мышкой или в другом удобном месте. Сам разряжающий механизм — не более игрушечного пистолета, его легко спрятать в руке. Теперь нам нужно соблюдать особую осторожность.

— Я вне опасности,— ответил Холл.— Я ведь только исполняю обязанности секретаря и не являюсь членом организации.

— Рад, что Хаас поправится,— сказал Маргвезер.— Это очень достойный человек и ученый. Я высоко ценю его ум, хотя он временами и склонен проявлять чрезмерную суровость и, боюсь, находит какое-то удовольствие, лишая человека жизни.

— А вы — нет? — быстро спросил Холл.

— Нет, и никто из наших за исключением Хааса. Такая уж у него натура. Поверьте мне, мистер Холл, хотя я и честно выполняю поручения Бюро и имею твердые убеждения о справедливости таких действий, при исполнении казни мною всегда овладевает чувство отвращения. Я знаю, что это глупо, но ничего не могу с собой поделать. Да, да. Во время первого дела меня просто стошнило. Мною написана на этот предмет монография, разумеется не для публикации, но это очень интересная тема для исследования. Если вас интересует, я буду рад пригласить вас к себе как-нибудь вечером и покажу, что я написал.

— Благодарю вас, я зайду.

— Это очень любопытная проблема,— продолжал Маргвезер.— Священность человеческой жизни — ведь это социальное понятие. Нормальный первобытный человек, убивая своего сородича, никогда ни испытывал отвращения. Теоретически не должен был бы его испытывать и я. Однако это не так. Вопрос заключается в том, откуда оно возникает. Случилось ли так, что за века эволюции, пока мы дошли до вершин цивилизации, это понятие отложилось в мозговых клетках нации? Или это результат воспитания в детстве и отрочестве, еще до того, как я стал

самостоятельно мыслить? А может быть, это результат обеих причин? Весьма любопытно.

— Да, конечно,— сухо ответил Холл.— Но что же вы собираетесь сделать с шефом?

— Уничтожить его. Это все, что мы можем сделать, мы должны отстоять наше право на жизнь. Обстановка, конечно, для нас новая. До сих пор уничтожаемые нами люди не подозревали о грозящей им опасности. А шеф знает о наших планах, поэтому он уничтожает нас. За нами никогда прежде не охотились. Он, разумеется, находится в более выгодном положении, чем мы. Однако мне нужно идти. Через четверть часа я встречаюсь с Ганöverом.

— А вы не боитесь?— спросил Холл.

— Чего?

— Того, что шеф вас убьет?

— Нет, для меня это большого значения не имеет. Видите ли, я хорошо застрахован, и мой собственный опыт опровергает одно общепринятое утверждение, а именно, что человек, чем больше лишает он жизни других, тем больше сам боится смерти. Это неправда. Я убедился, что чем больше я уничтожаю других — по моим подсчетам я это делал восемнадцать раз — тем легче кажется мне смерть. А это самое чувство отвращения, о котором я говорил, оно идет от жизни, а не от смерти. У меня записаны отдельные мысли на эту тему. Хотите поглядеть записи?

— Да, конечно,— заверил его Холл.

— Тогда заходите сегодня вечером. Скажем, в одиннадцать. Если я задержусь, попросите, чтобы вас провели в мой кабинет. Рукопись и свою монографию я оставлю для вас на письменном столе. Мне бы, конечно, хотелось прочесть их вам самому и поспорить с вами, но в случае, если я не смогу прийти, делайте, пожалуйста, любые критические замечки, какие пожелаете.

ГЛАВА X

— Я знаю, вы многое скрываете от меня, и я не могу понять, зачем. Вы же сами согласились помочь мне спасти дядю Сергиуса.

Но ни жалобный голос, которым Груня произнесла последнюю фразу, ни ее полные теплого, нежного света глаза на этот раз не растопили сердца Холла.

— Насколько я понимаю, нужды спасать дядю Сергиуса нет,— недовольно процедил он.

— Что вы имеете в виду?— встревожилась она, заподозрив что-то пеладное.

— Ничего особенного, уверяю вас. Единственное, что я хотел сказать, это то, что он убежал достаточно далеко.

— А откуда вам известно, что он, действительно, убежал?— упорствовала она.— Вы в самом деле уверены, что он жив? С тех пор, как он уехал из Чикаго, от него ничего не было слышно. Откуда вы знаете, что эти звери не убили его?

— Его видели здесь, в Сан-Луисе...

— Здесь!— прервала она взволнованно.— Ну, конечно, вы что-то скрываете от меня! Отвечайте честно, ведь так?

— Да,— признался Холл.— Но я делаю это по воле вашего дяди. Поверьте мне, вы не в состоянии оказать ему никакой помощи. Вам даже не удастся разыскать его. Разумнее всего для вас возвратиться в Нью-Йорк.

На протяжении целого часа она допрашивала его, а он обращался к ней с тщетными призывами. Расстались они оба раздраженные.

Ровно в одиннадцать Холл нажал кнопку звонка на даче Маргвезера. Маленькая служанка лет четырнадцати-пятнадцати с заспанными глазами, по-видимому, только что разбуженная звонком, впустила его и провела в кабинет Маргвезера.

— Он здесь,— сказала она, открывая рукой дверь и уходя.

В дальнем конце комнаты, частично освещенный светом настольной лампы, но больше укрытый в тени, сидел за столом Маргвезер. Скрещенные руки его лежали на столе, а на них покоилась голова. Вероятно, спит, подумал Холл, пересекая комнату и подходя к нему. Он окликнул Маргвезера, потом коснулся его плеча, но тот не проснулся. Холл пощупал руку гостеприимного убийцы, она была холодна. Пятно на полу и отверстие в куртке пижамы пониже плеча рассказали Холлу все. Сердце Маргвезера, как оказалось, было расположено в нужном месте. Открытое окно прямо позади него указывало, каким путем было совершено убийство. Холл вытащил груды исписанных бумаг из-под рук мертвеца. Маргвезер умер в момент, когда просматривал свои рукописи. «Некоторые отдельные мысли о смерти»— прочитал Холл заголовок, потом нашел монографию: «Попытка объяснения некоторых странных психологических особенностей».

Если эта проклятая улика будет найдена вместе с телом, ничего хорошего это семье Маргвезера не принесет, решил Холл. Он сжег рукописи в камине, выключил лампу и осторожно, никем не замеченный покинул дом.

Рано утром на следующий день новость о гибели коллеги ему принес Старкингтон. Газеты опубликовали сообщения о событии только к вечеру. Они перепугали Холла. Было помещено интервью с маленькой служанкой, которая многое подметила своими заспанными глазами. Данное ею описание посетителя, впущенного накануне в дом в одиннадцать часов ночи, было безупречным. Подробности были описаны ею почти с фотографической точностью. Холл встал и подошел к зеркалу. Девочка не допустила ни одной ошибки. Увиденное им отражение в точности соответствовало внешности человека, которого разыскивала полиция. Это был он, вплоть до булавки в галстук.

Холл спешно перерыл весь свой гардероб и оделся так, чтобы по возможности быть менее похожим. А затем, вскочив в такси у черного хода гостиницы, объехал магазины и приобрел все новое от головного убора до ботинок.

Возвратившись в отель, Холл взял билет на поезд, идущий на Запад. Ему повезло: позвонив Груне, он застал ее дома и смог сообщить о своем отъезде. Он решился сказать ей также, что Драгомиллов должен появиться в Денвере и посоветовал последовать за ним.

Только когда поезд покинул город, он вздохнул несколько спокойнее и смог не торопясь обдумать создавшееся положение. Вот и сам он, думал Холл, тоже оказался на тропе приключений, идиотски запутанной тропе. Начав с попытки проникнуть в Бюро убийств и развалить его, он дошел до того, что влюбился в дочь его организатора, стал временно секретарем Бюро, а теперь, его разыскивает полиция по подозрению в убийстве члена организации, уничтоженного шефом Бюро. «Нет, хватит с меня практической социологии,— решил он.— Только бы мне выпутаться из этой истории, я ограничу себя теорией. Отныне буду заниматься только кабинетной социологией».

На вокзале в Денвере Холла встретил печальный Харкинс — руководитель денверского отделения. Причина его печального вида стала известна после того, как они сели в машину и помчались на окраину.

— Почему вы нас не предупредили?— сказал он укоризненно.— Вы дали ему ускользнуть, а мы были уверены, что вы с ним рассчитаетесь в Сан-Луисе, поэтому не приготовились.

— Разве он уже прибыл?

— Прибыл? Бог мой! Прежде, чем мы узнали об этом, он успел разделаться с двумя нашими: с Боствиком — он был для меня как брат и Калкинсом из Сан-Франциско. А теперь пропал Хардинг — второй человек из Сан-Франциско. Это ужасно!—

Он умолк, содрогнувшись всем телом.— Я расстался с Боствиком всего за четверть часа до этого страшного происшествия. Он был так бодр и весел. Что-то теперь станет с его милой семьей! Его любящая жена безутешна!

По щекам Харкинса побежали слезы. Они застилали его глаза, и он убавил скорость машины. Холл удивился. Перед ним был новый образец безумца — сентиментальный убийца.

— Почему же это ужасно?— задал он вопрос.— Вам же приходилось иметь дело со смертью других людей. Здесь та же история.

— Нет, это совсем другое дело. Он был мне другом, товарищем.

— Вероятно, и у тех, кто был убит вами, имелись друзья и товарищи.

— О, если бы вы видели его в кругу семьи!— причитал Харкинс.— Это был образцовый муж и отец. Он был хороший человек, замечательный человек, настолько деликатный, что не обидел бы и комара.

— Но ведь с ним случилось только то, что он сам проделывал с другими,— возразил Холл.

— Да пег же! Ничего похожего,— горячо воскликнул собеседник.— Если бы только вы его знали. Узнать его — значило полюбить его. Все его любили.

— И жертвы тоже?

— Ну, если бы им представился случай, они не могли бы не полюбить его,— убежденно произнес Харкинс.— Если бы вы знали, сколько добрых дел он совершил и еще мог бы совершить. Четвероногие обожали его. Даже цветы любили его. Он был президентом Общества гуманности и являлся активным борцом против вивисекции. Один он работал за целое общество по борьбе с истязанием животных.

— Боствик... Чарльз Н. Боствик,— вспоминал Холл.— Да, я помню. Я встречал его статьи в журналах.

— Да кто же его не знал!— восторженно прервал Харкинс, пауза затянулась: он высмаркивал свой нос.— Он был словно рожден для добра, для великих добрых дел. Я бы с радостью поменялся с ним местами, хоть сейчас, чтобы возвратить его в этот мир.

Если не считать этой необычной любви к Боствику, Холл нашел в Харкинсе энергичного и умного человека. Харкинс оставил машину у телеграфа.

— Я просил их сегодня оставить для меня все утренние сообщения,— пояснил он, выходя из машины.

Минуту спустя он возвратился, и совместными усилиями они расшифровали полученную телеграмму. Она пришла из Огдена от Хардинга.

«Взял курс на запад,— гласила она,— Шеф в поезде. Ищу возможности. Надеюсь на успех».

— Его нужно остановить,— предложил Холл.— Ему же не справиться с шефом.

— Хардинг сильный и осторожный человек,— убежденно заявил Харкинс.

— А я вам говорю, что все вы недопонимаете против кого выступаете.

— Но мы понимаем, что жизнь организации поставлена на карту, и мы вынуждены любыми средствами разделаться с шефом-изменником.

— Если бы вы трезво оценили положение, то немедленно бы бросились к первому попавшемуся дереву, вскрабкались на него повыше, и пусть вся эта организация пропадет пропадом.

— Но это было бы неправильно,— настойчиво запротестовал Харкинс.

Холл безнадежно развел руками.

— Для полной уверенности,— продолжал его собеседник,— я немедленно попрошу прибыть товарищей из Сан-Луиса. Если Хардинг потерпит неудачу...

— В чем я не сомневаюсь...

— Мы проследуем в Сан-Франциско. А пока...

— А пока отвезите меня, пожалуйста, обратно на вокзал,— прервал его Холл, взглянув на часы.— Там должен быть поезд на Запад. Увидимся в Сан-Франциско в гостинице святого Франциска, если вам не удастся до этого встретить шефа. А если вы встретитесь с ним раньше... ну, ладно, пока до свидания, желаю всего доброго.

До отхода поезда у Холла оставалось время написать Груне записку, которую ей должен был вручить Харкинс перед отъездом. В записке он сообщал, что ее дядя продолжает двигаться на Запад, и давал совет, когда она прибудет в Сан-Франциско, остановиться в гостинице Феармаунт.

ГЛАВА XI

На станции Рено штата Невада Холлу вручили депешу от сентиментального денверского убийцы.

«У Виннемуки найден человек, разорванный на части. Должно быть, это шеф. Немедленно возвращайтесь. Все члены орга-

низации прибывают в Денвер. Нам необходима реорганизация».

Холл только усмехнулся и продолжал свой путь в западном экспрессе. Его телеграмма гласила: «Установите точно личность. Передано ли письмо леди?».

Три дня спустя в отеле Святого Франциска Холл снова получил известие от руководителей отделения Бюро в Денвере. Телеграмма пришла из Виннемуки (Невада).

«Я ошибся. Это был Хардинг. Уверен, что шеф направляется в Сан-Франциско. Информировать местное отделение. Я преследую. Письмо вручено. Леди села в поезд».

Однако в Сан-Франциско Холл не мог обнаружить следов Груни. Не помогли ему и Брин с Олсуорти — члены местного отделения. Холл даже съездил в Окланд, разыскал спальный вагон, в котором она прибыла и проводника-негра. Она действительно приехала в Сан-Франциско и — бесследно исчезла.

Отовсюду стали съезжаться убийцы: из Бостона прибыл Гановер, приехал изможденный Хаас (тот, у кого сердце оказалось не на месте), Старкингтон из Чикаго, Луковиль из Нью-Орлеана, Джон Грей тоже из Нью-Орлеана и Харкинс из Денвера. Вместе с двумя членами сан-францисского отделения всего собралось восемь человек. Это были все, кто остался в живых в Соединенных Штатах. Всем известный Холл был не в счет. Исполняющий обязанности секретаря их организации, распределяющий фонд и пересылающий телеграммы, он не принадлежал к их числу, и его жизни не угрожала опасность со стороны их безумного руководителя.

Доверие, которым он у них по-прежнему пользовался, и их неизменная доброта по отношению к нему лишь подтверждали, что Холл имеет дело с безумцами. Им было известно, что это он был первопричиной их трудностей; знали они также, что цель его — раззались бюро убийц и что он выделил пятьдесят тысяч долларов за смерть их шефа; и все же они оказывали Холлу доверие, так как высоко оценили справедливость его поступков и подмеченную ими черту этического безумия в его характере, которая побуждает его вести честную игру. Он их не обманывал. Он справедливо распоряжался их фондами и удовлетворительно выполнял все обязанности временного секретаря.

За исключением Хааса, который при всех своих достижениях в греческой и еврейской филологии, кровожадностью напоминал дикого зверя, Холлу, помимо его воли, нравились эти ученые маньяки, которые сделали из этнки фетиш и лишали своих братьев жизни с таким же хладнокровием и решимостью, с ка-

кой они решали математические задачи, расшифровывали иероглифы или проводили химические анализы в своих лабораториях. Больше всех ему нравился Джон Грей. Это был спокойный англичанин, внешностью и осанкой — типичный помещик. Джона Грея увлекали радикальные идеи о значении драматургии. За время томительных недель ожидания вестей о Драгомилове или Груне Грей с Холлом часто бывали вместе в театре, и для Холла эта дружба стала чем-то вроде гуманитарного образования. В эти же дни Луковиль с увлечением занимался плетением корзин, в частности, воспроизведением рисунка рыбы, обычного для корзин индейцев племени укна. Харкинс рисовал акварелью полотно в духе японской школы: листочки, мох, травку, папоротник. Бактериолог Брин продолжал свою работу по исследованию вредителей хлопчатника и кукурузы, которую начал много лет назад. Увлечением Олсуорти был беспроводный телефон. Они с Брином устроились в лаборатории на чердаке. Что касается Гановера, то он стал завсегдатаем городских библиотек; обложившись научной литературой, он работал над четырнадцатой главой увесистого тома, озаглавленного «Физические воздействия эстетики цвета». В один из теплых вечеров он буквально усыпил Холла, читая первую и тринадцатую главы этой книги.

Двухмесячного периода бездействия наверно бы не было, убийцы бы, вероятно, разъехались по своим родным городам, если бы их не удерживали еженедельные сообщения Драгомилова. Регулярно по субботам у Олсуорти ночью звонил телефон, и Олсуорти безошибочно узнавал в трубке глухой и бесцветный голос шефа. Шеф неизменно повторял одно и то же предложение, чтобы оставшиеся в живых члены Бюро убийств распустили организацию. Присутствуя на одном из заседаний, Холл поддержал это предложение. Слушали они его только из учтивости, ибо он не принадлежал к их числу, а выраженное им мнение никем не разделялось.

С их точки зрения, не было оснований нарушать данные ими клятвы. Законы Бюро в прошлом никогда не нарушались. Их не нарушал даже Драгомилов. Строго следуя правилам, он принял от Холла сумму в пятьдесят тысяч долларов, признал себя и свои действия социально вредными, вынес себе приговор и назначил для исполнения приговора Хааса. А чем же они хуже, говорили они, чтобы вести себя не так, как вел себя шеф? Распустить организацию, в социальной справедливости которой они уверены, было бы чудовищным нарушением. Или, как выразил Луковиль: «Это означало бы выставить на посмешище все ос-

новы морали и низвести себя до уровня зверей. А разве мы звери?»

— Нет! Нет! Нет!— раздались страстные крики со всех сторон.

— Вы сумасшедшие,— бросил Холл.— Такие же сумасшедшие, как и ваш шеф.

— Всех моралистов считали сумасшедшими,— возразил Брин.— Или, если говорить точнее, во все времена их считала сумасшедшими чернь. Ни один уважающий себя моралист никогда не поступится своими убеждениями. Истинные моралисты с готовностью шли на пытки и эшафоты за свои убеждения. И этот путь придавал силу их учению. О вере — вот о чем это говорило! И, как утверждает молва, они творили добро. Они верили в справедливость своих воззрений. Что такое человеческая жизнь по сравнению с живой правдой человеческой мысли? Но не подтвержденные примером заповеди, ничего не стоят. Так что же, разве мы принадлежим к числу тех, кто не способен подать пример?

— Нет! Нет! Нет!— послышался хор одобрения.

— Как люди, верно мыслящие и посвятившие себя правде, мы не осмелимся в своих помыслах, а тем более в делах, нарушать изложенные нами высокие цели,— сказал Харкинс.

— И нам нет нужды стесняться своих взглядов,— добавил Гановер.

— Мы не сумасшедшие,— воскликнул Олсуорти.— Мы — трезво мыслящие люди, посвятившие себя высокому служению, правильному образу действий. С таким же успехом мы можем назвать сумасшедшим нашего друга Винтера Холла. Если преданность истине — сумасшествие и мы — ненормальные, то тогда Винтер Холл тоже ненормальный. Он называет нас маньяками этики. А разве, в таком случае, его поведение не свидетельство этической мании? Как же иначе объяснить то, что он не выдал нас полиции? Во имя чего же он, считая наши взгляды неприемлемыми, продолжает выполнять обязанности нашего секретаря? Ведь он даже не связан, как мы, торжественным обязательством. Не потому ли, что однажды дав слово изменнику-шефу выполнить порученное, он держит его? В этом споре он встал на сторону как одной, так и другой стороны; ему доверяет шеф, да и мы доверяем ему. И он не обманул доверия ни той, ни другой стороны. Мы познакомились с ним ближе, и он нам понравился. Что же касается меня, то я нахожу в нем только две неприятные черты: во-первых, его социологию, и, во-вторых, его намерение разрушить нашу организацию. А в отношении этики

он от нас отличается так же, как горошины из одного стручка.

— Да, я тоже ненормальный,— недовольно проворчал Холл.— Я это не отрицаю. Вы симпатичные маньяки, а я настолько слаб или силен, или глуп, а может быть мудр — не знаю, что не в состоянии нарушить данного слова. Тем не менее я хотел бы обратить вас, друзья, в свою веру, как обратил я в свою веру вашего шефа.

— Вы его обратили?— воскликнул Луковиль.— Почему же тогда шеф не вышел из организации?

— Потому что он принял от меня комиссионные в уплату за свою жизнь,— ответил Холл.

— Вот поэтому-то мы и приняли решение лишить его жизни,— убедительно подытожил Луковиль.— Чем же наша мораль хуже морали шефа? По нашим правилам, в том случае, если шеф принимает комиссионные, мы обязаны привести в исполнение достигнутую им договоренность. Какого рода эта договоренность, нас не касается. На этот раз оказалось, что речь идет о смерти самого шефа,— он пожал плечами.— Так чего же вы хотите? Шеф должен умереть, а иначе чего же стоят наши убеждения, наша вера в свою правоту?

— Вы снова возвращаетесь к морали,— посетовал Холл.

— А почему бы и нет?— важно заключил Луковиль.— Ведь мир поконится на морали. Без морали он бы погиб. В этом есть своя справедливость. Разрушите мораль — и вы разрушите силу тяготения. Распадутся все основы. Вся солнечная система превратится в дым, станет невообразимым хаосом.

ГЛАВА XII

Как-то вечером в кафе «Пудель» Холл сидел в ожидании Джона Грея, с которым он договорился вместе пообедать. По обыкновению, на вечер у них было намечено посещение театра. Но Холл прождал напрасно: Джон Грей не пришел. В половине девятого с пачкой свежих журналов под мышкой Холл возвратился в отель Святого Франциска, собираясь пораньше лечь спать. Ему почудилось что-то знакомое в женщине, прошедшей к лифту. У Холла перехватило дыхание, и он ринулся вслед за ней.

— Груня,— сказал он нежно, когда лифт тронулся.

На мгновение она бросила на него испуганный взгляд иссушенных горем глаз, а в следующий миг схватила его руку обеими руками и жадно в нее вцепилась.

— О! Винтер!— выдохнула она.— Это вы? За этим я и при-

шла в отель Святого Франциска. Я думала найти вас. Вы так мне нужны. Дядя Сергиус сошел с ума, совершенно сошел с ума. Он велел мне собраться для продолжительного путешествия. Мы отплываем завтра. Он заставил меня покинуть дом и поселиться в центральной гостинице, обещая позже прийти ко мне или встретиться на пароходе завтра утром. Комнату для него я сняла. О! Что-то должно случиться. Он задумал какой-то страшный план, я знаю. Он...

— Какой этаж, сэр?— прервал лифтер. В лифте не было посторонних и Холл сказал:— Поезжайте снова вниз,— и предостерегающе остановил Груню.— Обождите. Мы пройдем в пальмовую комнату и там поговорим.

— Нет, нет!— воскликнула она.— Давайте выйдем на улицу. Я хочу пройтись. Мне хочется подышать свежим воздухом. Там легче думать. Не кажется ли вам, Винтер, что я сошла с ума? Посмотрите на меня. Я не похожа на помешанную?

— Тише,— приказал он, сжав руку.— Подождите. Мы об этом поговорим позже. Подождите.

Было видно, что она находится в состоянии крайнего волнения, а ее усилия сдерживать себя, пока лифт спускался вниз, были слишком мучительны.

— Почему вы не давали о себе знать?— спросил он, когда они вышли на тротуар и завернули на угол Пауэл-стрит, чтобы перейти на другую сторону Юнионсквер.— Что произошло, когда вы добрались до Сан-Франциско? Вы ведь получили в Денвере мое сообщение. Почему же вы не пришли к Святому Франциску?

— У меня не было времени сообщить вам,— торопливо начала она.— Голова моя раскалывается. И я не знаю, чему верить. Все как во сне. Такие вещи наяву невозможны. Сознание дяди повреждено. Мне по временам кажется, что такой организации, как Бюро убийств, просто не существует, а все это плод воображения дяди Сергиуса. И вы тоже ее выдумали. Сейчас же двадцатый век. Такие ужасы невозможны. Иногда... иногда я задаю себе вопрос, уж не брюшной ли у меня тиф, уж не в бреду ли я сейчас и вокруг меня сиделки и доктора, а все эти кошмары — плод моего больного воображения? Скажите мне, ну скажите же, а вы-то не плод моей фантазии — видение больного мозга?

— Нет,— сказал он серьезно и медленно.— Вы не спите, и вы здоровы, вы в себе. Сейчас вы переходите со мною Пауэл-стрит. Тротуар скользкий. Чувствуете, он скользит под ногами? Посмотрите вон на те гремящие цепи на трамвае. Ваша рука в моей руке. А вот туман потянулся с Тихого океана, это настоя-

ший туман. Вон там настоящие люди сидят на скамейках. Видите, этот нищий просит у меня денег. Он настоящий. Смотрите, я даю ему полдоллара. Скорее всего он потратит их на крепкое виски. Я почувствовал это по запаху. Вы почувствовали? Он был настоящим, уверяю вас, самым настоящим. И мы настоящие. Пожалуйста, поверьте в это. Ну, а теперь, скажите, что вас тревожит?

— Правда, что существует какая-то организация убийц?

— Да,— ответил он.

— Откуда вы знаете? Может быть, это только предположение? Может быть, вы находитесь под воздействием дядиного помешательства?

Холл невесело покачал головой:

— Мне хотелось бы, чтобы это было так.

— Откуда вы знаете?— крикнула она, судорожно прижимая пальцы своей свободной руки к виску.

— Я временно исполняю обязанности секретаря Бюро убийств.

Она отпрянула от него и почти выдернула свою руку из его руки. Он удержал ее только силой.

— Вы принадлежите к банде злодеев, которая пытается убить дядю Сергиуса!

— Нет, я не принадлежу к банде. Я только распоряжаюсь ее фондами. А вам говорил... э... дядя Сергиус что-нибудь о... э... банде?

— Он бредит ею беспрестанно. Он так обезумел, что уверяет, будто создал ее.

— Это правда,— твердо сказал Холл.— Он сумасшедший, это несомненно, и тем не менее — это он создал Бюро убийств и возглавил его.

Она вновь отпрянула и попыталась вырвать свою руку.

— Теперь вам только остается признаться, что это вы заплатили Бюро аванс в пятьдесят тысяч долларов за его смерть,— заявила она.

— Это так, я признаюсь в этом.

— Как вы могли!— простонала она.

— Послушайте, Груня, дорогая,— взмолился он.— Вы же не выслушали меня. Вы не поняли. В то время, когда я вносил деньги, я не знал, что он ваш отец...

Он прервал свою речь, внезапно поняв ужасный смысл своей оговорки.

— Да,— сказала она успокаиваясь,— он сказал мне, что является моим отцом. Но я и это считаю бредом. Продолжайте.

— Так вот, я не знал, что он ваш отец, как не знал и того, что он ненормальный. Впоследствии, узнав это, я умолял его. Но он безумный, как и все они безумцы. А сейчас он накануне какого-то нового ужасного шага. Вы предчувствуете что-то страшное. Скажите, что вызвало ваши подозрения? Может быть, нам удастся это предотвратить.

— Послушайте,— она прильнула к нему и снова торопливо заговорила тихим голосом.— Нам нужно многое объяснить друг другу. Но вначале о самом страшном.

Когда я прибыла в Сан-Франциско, то первое, что я сделала, сама не знаю почему, но у меня было какое-то смутное предчувствие,— я вначале направилась в морг, а потом обошла больницы. И я нашла его в немецком госпитале с двумя серьезными пожевными ранениями. Он сказал мне, что получил их от одного из убийц.

— От человека по имени Хардинг,— прервал Холл и высказал предположение.— Это произошло в пустыне Невады, возле Виннемука, в поезде.

— Да, да. Он назвал эту станцию. Он так и сказал.

— Видите, как все совпадает,— убеждал Холл.— Во всем этом может быть немало безумства, но само это безумство — реально, а мы с вами во всяком случае в своем уме.

— Да, но не перебивайте меня, не мешайте,— она, казалось, снова приходя в себя, сжала его руку.— Нам так много надо сказать друг другу. Дядя очень хорошо о вас отзывался. Но не это я хочу сказать. Я сняла дом с обстановкой на самой вершине Ринкон-горы, и как только позволили доктора, я перевезла туда дядю Сергюса. Вот уже несколько недель мы живем там. Дядя совершенно поправился, правильнее — отец. Да, отец. Теперь я поверила в это; теперь, кажется, я должна верить всему. И это будет до тех пор, пока я не пробужусь и не обнаружу, что все это кошмар.

Вот уже несколько дней дядя... отец занят хлопотами по дому. Сегодня, упаковав все для отплытия в Гонолулу, он отправил багаж на борт парохода, а меня послал в отель. До сих пор я ничего не знаю о взрывах, если не считать некоторых смутных представлений, почерпнутых из книг, и все-таки я уверена, он заминировал дом. Он что-то зарыл в подвале. Он вскрыл стены большой столовой и снова заделал их. Я видела, он прокладывал провода в протенке, а сегодня он все подготовил, чтобы вывести провода из дома в кустарник на участке возле ворот. Возможно, вы догадаетесь, что он задумал.

В эту минуту Холл вспомнил, что Джон Грей не сдержал своего слова и не пришел в театр.

— Что-то обязательно должно там случиться сегодня вечером,— продолжала Груня.— Дядя собирается присоединиться ко мне этой ночью у Святого Франциска или завтра утром на пароходе. А тем временем...

Но Холл, решив действовать немедленно, увлек ее за руку из парка к перекрестку, где в ожидании пассажиров стояли такси.

— ... А тем временем,— подхватил он,— нам нужно спешить на Ринкон-гору. Он собирается уничтожить их. Мы должны это предотвратить.

— Если только он уже не убит,— прошептала она.— Труссы! Труссы!

— Прости меня, дорогая, но они не трусы. Они смелые люди и славные парни, правда несколько необычные для нашего времени. Когда их узнаешь ближе... Уже было слишком много убийств.

— Они хотят убить моего отца...

— А он хочет убить их,— возразил Холл.— Помните и об этом. К тому же, они действуют по его приказу. Он спятил, а они свихнулись ровно во столько раз сильнее, сколько больше их числом. Пошли! Пожалуйста, быстрее! Быстрее! Сейчас они собираются там в минированном доме. Мы еще можем спасти их или его, кто знает.

— На Ринкон-гору. Время — деньги, вы меня не поняли?— сказал он шоферу такси, помогая Груне сесть.— Вперед! Поддай газу! Разнесите мостовую, делайте что угодно, только доставьте нас на место!

Ринкон-гора, когда-то резиденция сан-францисской аристократии, поднимала свою маститую, правда уже тронутую разложением голову, над грязью и скученностью великого рабочего гетто, протянувшегося на юг от Маркет-стриг. У подножия горы Холл расплатился за такси и стал быстро подниматься с Груней наверх.

Хотя был еще только вечер — половина десятого — на улице почти не было пешеходов. Оглянувшись, Холл узнал в отсветах уличных фонарей знакомую фигуру. Холл увлек Груню в сторону, в тень ближайшего дома, и переждал там некоторое время. Он был вознагражден за свою предосторожность: мимо прошел Хаас своей неповторимой, легкой, бесшумной походкой. Держась на полквартила позади него, они продолжали свой путь, и когда он появился на гребне горы в свете уличного фонаря,

они увидели, как он перемахнул через невысокую старинную решетку. Груня многозначительно подтолкнула Холла вперед.

— Это тот дом, наш дом,— прошептала она.— Следите за ним. Он и не подозревает, что идет на гибель.

— На гибель? Вы слишком торопитесь,— прошептал Холл скептически.— Мистер Хаас, по-моему крепкий орешек, его не так просто убить.

— Дядя Сергиус очень осторожен. Он бьет наверняка. У него все наготове, и когда ваш мистер Хаас пройдет через парадную дверь...

Она остановилась. Холл сильно сдвинул ей руку.

— Он не пойдет через эту парадную дверь, Груня. Смотрите. Он крадется к черному ходу.

— Но там нет черного хода,— услышал он в ответ.— Гора обрывается, и внизу, в сорока футах, задний двор и крыша другой постройки. Он вернется к парадному входу. Сад очень мал.

— Он что-то задумал, шепнул Холл, когда фигура снова стала видна.— Ага! Мистер Хаас! Ну и хитер же ты! Смотри, Груня, он пробрался в кустарник у ворот. Это там проложен проход?

— Да, это единственный куст, где может спрятаться человек. Кто-то идет. Не другой ли это убийца?

Не задерживаясь, Холл и Груня прошли мимо дома к ближайшему перекрестку. Человек, шедший с другой стороны, повернул к дому Драгомилова и поднялся по ступеням к двери. Они услышали, как после небольшой паузы дверь отворилась и снова закрылась.

Груня настояла на том, чтобы сопровождать Холла. Это ее дом, сказала она, он ей знаком до мелочей. Кроме того, у нее есть ключ и не надо будет звонить.

Передняя была освещена, поэтому номер дома был ясно виден, и они смело миновали кустарник, укрывший Хааса, отперли парадную дверь и вошли. Холл повесил шляпу на вешалку и снял перчатки. Из-за двери направо слышался шум голосов. Они задержались, прислушиваясь.

— Красота — это принуждение,— услышали они.

— Это ГанOVER — представитель Бостона,— шепнул Холл.

— Красота — абсолютна,— продолжал голос.— Человеческая жизнь, вся жизнь покоряется красоте. Здесь неприменима парадоксальная приспособляемость. Красота не покоряется жизни. Красота уже существовала во Вселенной до человека. Красота останется во Вселенной, когда человек погибнет, но не наоборот. Красота — это... в общем, красота — это все, этим все сказано,

и она не зависит от ничтожного человека, барахтающегося в грязи.

— Метафизика,— послышался насмешливый голос Луковилья.— Метафизика чистейшей воды, мой дорогой Ганöver. Как только человек начинает осознавать себя как абсолют, временные явления быстротечного развития...

— Вы сами метафизик,— прервал его голос Ганöverа.— Вы станете утверждать, что ничто не существует вне нашего сознания и что, когда сознание разрушено, разрушена и красота, что разрушена сама вещь, основной принцип, на котором строится развивающаяся жизнь. Хотя нам известно, всем нам и вам должно быть известно, что существует только принцип. Хорошо сказал Спенсер о вечном изменении силы и материи, чередовании революции и исчезновения, «всегда тем же в принципе», но всегда различном в конечном результате».

— Новые нормы, новые нормы,— запальчиво произнес Луковиль.— В прогрессивной и регрессивной эволюции возникли новые нормы.

— Именно нормы,— торжествуя вставил Ганöver.— Вы это учитываете? Вы же сами только что утверждали, что нормы устойчивы, продолжают существовать. Что же тогда это такое — норма? Это нечто вечное, абсолютное, находящееся вне сознания, отец и мать сознания.

— Минуточку,— возбужденно закричал Луковиль.

— Ба!— продолжал Ганöver с апломбом ученого.— Да вы пытаетесь возродить давно разбитый берклианинский идеализм. Метафизики на целое поколение отстали. Современная школа, как вам следует знать, утверждает, что вещи существуют сами по себе. Сознание, видение и восприятие вещей — это случайность. Метафизик-то вы, мой дорогой Луковиль.

Послышались хлопки и одобрительный шум.

— Попали в собственную ловушку,— услышали они добродушный голос, произнесший эту фразу на безукоризненном английском языке.

— Это Джон Грей,— шепотом объяснил Груне Холл.— Если бы наш театр не держался целиком на коммерческой основе, он бы его преобразовал в корне.

— Спор о словах,— услышали все ответ Луковилья.— Словоблудие, фокусы речи, казуистика слов и идей. Если вы, друзья, дадите мне десять минут, я изложу мою позицию.

— Вот видите!— шептал Холл.— Наши милые убийцы еще и симпатичные философы. Чему же теперь вы больше верите:

тому, что они сумасшедшие, или тому, что они бесчувственные и жестокие убийцы?

— Груня пожалала плечами:

— Возможно, они преданы красоте и избранному ими пути, но я не могу забыть об их намерении убить дядю Сергиуса, моего отца.

— Но разве вы не видите? Ими владеют идеи. Саму человеческую жизнь, даже свою собственную, они не принимают в расчет. Они рабы мысли. Они живут в мире идей.

— По пятьдесят тысяч за голову,— отпарировала она.

На этот раз он пожал плечами.

— Пошли,— потянул он Груню за руку,— пойдём. Нет, я войду первым.

Он повернул ручку двери и вошел. Груня последовала за ним. Разговор сразу прервался, и семеро мужчин, удобно устроившихся в комнате, поднялись навстречу вошедшим.

— Послушайте, Холл,— с явным раздражением сказал Харкинс,— вам бы лучше держаться подальше от всего этого. Мы вас не приглашали, однако вы явились и, простите, с чужим человеком.

— Ну, если бы это касалось только вас, друзья, я бы держался в стороне,— ответил Холл.— К чему секреты?

— Таков был приказ шефа. Это он нас сюда и пригласил. А поскольку, подчиняясь его указанию, мы не приглашали вас, то можно заключить, что это он вас сюда впустил.

— Нет, это не он,— улыбнулся Холл.— И вы можете пригласить нас сесть. Это, джентльмены, мисс Константин. Мисс Константин,— это мистер Грей, мистер Харкинс, мистер Луковиль, мистер Брин, мистер Олсуорси, мистер Старкингтон и мистер Гановер. За исключением Хааса, здесь все оставшиеся в живых члены Бюро убийств.

— Вы нарушили наше доверие!— сердито крикнул Луковиль.— Холл, я от вас этого не ожидал.

— Вам известно, дорогой Луковиль, что это дом мисс Константин. Пока не пришел ее отец, вы ее гости, все вы.

— Насколько мы поняли, это дом Драгомилова,— сказал Старкингтон.— Он нам так сказал. Мы приходили поодиночке, но поскольку все мы пришли именно сюда, можно сделать единственный вывод, что ни в названии улицы, ни в номере дома не было ошибки.

— Это ничего не значит,— спокойно улыбувшись, возразил Холл.— Мисс Константин — дочь Драгомилова.

В одно мгновение Холл и Груня были окружены всеми, и к

ней потянулись руки. Но она спрятала свою руку за спиной, сделал внезапно шаг назад.

— Вы хотите убить моего отца,— сказала она Луковиллю.— Я не стану пожимать эти руки.

— Вот стул, садитесь, уважаемая леди,— произнес Луковиль, подавая одновременно со Старкингтоном и Греем ей стул.— Для нас большая честь... дочь нашего шефа... мы даже не знали, что у него есть дочь... добро пожаловать... мы готовы приветствовать всех дочерей нашего шефа...

— Между тем вы хотите его убить,— раздраженно продолжала она.— Вы убийцы.

— Мы друзья, поверьте. Мы представители содружества гораздо более высокого и нерасторжимого, нежели жизнь и смерть. Человеческая жизнь, уважаемая леди, ничто — не более как безделица. Жизнь! Наши жизни просто пешки в игре по имени «социальная эволюция». Мы восхищены вашим отцом, уважаем его, он великий человек. Он является, а точнее — был нашим шефом.

— И все же вы хотите его убить,— настойчиво повторила она.

— Но это же по его приказу. Садитесь, пожалуйста.

И как только она, подчинившись уговорам, опустилась на стул, Луковиль продолжал:

— Мистер Холл — ваш друг. Вы не отрекаетесь, он ваш друг. Вы не называете его убийцей. А ведь это он отдал пятьдесят тысяч долларов за жизнь вашего отца. Как вы можете убедиться, наш шеф, уважаемая леди, уже наполовину разрушил нашу организацию. Однако мы не имеем к нему претензий. Он остается нашим другом. Мы глубоко уважаем его, потому что он настоящий мужчина, честный человек, человек слова, преданный этике, в какой степени преданный — не так важно.

— Разве это не прекрасно, мисс Константин! — не удержавшись, воскликнул Гаповер.— Дружба, превращающая смерть в ничто! Закон справедливости! Культ справедливости! Разве это не вселяет надежду? Подумайте, конечно, нет никакого сомнения, что будущее принадлежит нам, что будущее принадлежит правильно мыслящим и соответственно поступающим мужчинам и женщинам, что такие свирепые и низкие побуждения и низменные желания грубой плоти, как себялюбие и родственная привязанность, зов плоти и крови, бесследно исчезнут, как утренний туман под солнцем высшей справедливости. Разум и, я подчеркиваю, здравый смысл восторжествует! Когда-нибудь весь род людской станет поступать не по зову плоти и грязных

животных инстинктов, а в соответствии с высшей справедливостью!

Груня покачала головой и в полном отчаянии развела руками.

— Вам нечего им возразить, а?— наклоняясь к ней с нескрываемым ликованием, сказал Холл.

— Это какой-то винегрет из сверхумных мыслей,— ответила она безнадежно.— Бред каких-то свихнувшихся борцов за этику.

— О чем я вам и говорил!— сказал он.— Все они сошли с ума, вкупе с вашим батюшкой, а с ними и мы, поскольку на нас оказывают воздействие их мысли. Ну, так что же вы теперь думаете о наших любезных убийцах?

— Да, что вы о нас думаете?— сверкнул на нее взглядом поверх своих очков Ганöver.

— Все, что я могу сказать,— ответила она,— это то, что вы на них не похожи, на убийц. Что же до вас, мистер Луковиль, я готова пожать вашу руку, я готова пожать всем руки, если вы пообещаете, что оставите мысль об убийстве моего отца.

— Долгий, долгий еще путь предстоит вам проделать к свету, мисс Константин,— с сожалением сказал Ганöver.

— Убийство! Убийство!— возбужденно восклицал Луковиль.— Откуда этот страх перед убийством? Смерть — это ничто. Боятся смерти только звери, болотные твари. Уважаемая леди, мы выше смерти. Наш интеллект созрел, чтобы принять как добро, так и зло. Мы так же готовы погибнуть, как и убивать. Убийства! Они же происходят во всем мире на каждой бойне и на всяком консервном предприятии. Все это само собой разумеется и стало даже банальностью.

— А кому не приходилось уничтожать комаров?— спросил Старкингтон.— Одним шлепком руки раздавить прекрасный, тонкий и самый поразительный летающий механизм? Если смерть — это трагедия, вспомните о комаре, раздавленном комаре, необыкновенном воздушном летающем чуде, так разрушенном и расплюснутым, как не был разрушен и расплюснут ни один авиатор, даже Мак-Дональд, упавший с высоты в пятнадцать тысяч футов. Вы когда-нибудь занимались комарами, мисс Константин? Это очень благодарное занятие. Видите ли, комар — столь же изумительное явление животного мира, как и человек.

— Правда, различие имеется,— вставил Грей.

— Я к этому подхожу. Так каково же различие? Шлепнув комара...— Он сделал многозначительную паузу.— Ну что же,

вы его уничтожаете, не так ли? С ним покончено. Исчезла и память о нем. Иное дело шлепнуть человека, на протяжении поколений шлепали человека и что-то оставалось. Что же оставалось? Не аристотелевский организм, не пустой желудок, лысая голова и рот больших зубов, а царские, королевские мысли. Вот в чем различие. Мысли! Высокие мысли! Верные мысли! Разумная справедливость!

— Хорошо схвачено!— воскликнул Гаювер, вскочив со стула и возбужденно жестикулируя.—«Шлепаем», мне нравится ваше слово, Старкингтон, это грубовато, но выразительно. Шлепаем, и заметьте, Старкингтон, даже в том случае, когда мы шлепаем тончайшую клеточку прозрачной материи, из которой сотворено нежное крыло комара, то это отдается во всей Вселенной от центральных ее солнц до звезд, находящихся за этими солнцами. Не забывайте, ведь существует космическая справедливость, она есть и в этой нежной клеточке, и в самом последнем атоме из того биллиона атомов, которые составляют эту нежную клеточку, и в каждом из неисчислимых мириадов корпускул, которые составляют один атом этого биллиона атомов.

— Послушайте, господа,— сказала Груня.— А зачем же вы здесь? Я, разумеется, имею в виду не Вселенную, а этот дом. Я согласна со всем, что мистер Гаювер так красноречиво говорил здесь о нежной клеточке комариного крыла. Разумеется, это неправильно... шлепать комаров. Но тогда как же, не греша против здравого смысла, согласуете вы свое присутствие здесь, свое намерение совершить кровавое убийство с только что изложенными вами этическими принципами?

Поднялся всеобщий шум: каждый хотел что-то объяснить Груне.

— Эй! Стойте!— проревел Холл и, повернувшись к девушке, резко приказал ей:— Перестаньте, Груня. Вы тоже начинаете терять разум. Через пять минут вы станете не лучше их. Довольно споров, друзья. Перестаньте. Забудем все это. Давайте перейдем к делу. Где шеф, отец мисс Константин? Вы говорите, он велел вам сюда прийти. А зачем вы пришли? Убить его?

Гаювер, почувствовав усталость после напряженного спора, вытер свой лоб и кивнул.

— Да, таково наше намерение,— сказал он спокойно.— Конечно, присутствие мисс Константин стесняет нас. Видимо, нам следует попросить ее удалиться.

— Вы чудовище, сэр,— заявила она обходительному ученому.— Я не сойду с этого места. И вы не посмеете убить моего отца. Я повторяю, не посмеете.

— Почему же все-таки до сих пор нет шефа?— спросил Холл.

— Потому что еще не время. Он позвонил нам, говорил с нами сам и обещал встретиться с нами здесь, в этой комнате, в десять часов. Скоро десять.

— Может быть, он не придет,— усомнился Холл.

— Он дал слово,— последовал простой, но убедительный ответ.

Холл посмотрел на свои часы. До десяти оставалось несколько секунд. И как только истекли эти секунды, дверь открылась и вошел светлый, бледный Драгомилов, облаченный в серый дорожный костюм. Он окинул собравшихся мягким взглядом своих бледно-голубых глаз.

— Приветствую вас, уважаемые друзья и братья,— сказал он своим ровным бесстрастным голосом.— Я вижу все здесь, кроме Хааса. А где он?

Убийцы, совершенно неспособные лгать, смотрели друг на друга с откровенным смущением.

— Где Хаас?— повторил Драгомилов.

— Мы... э... мы точно не знаем, да, именно, не знаем,— неуверенно начал Харкинс.

— Так, а я знаю, и точно,— отрезал Драгомилов.— Сверху из окна я наблюдал, как вы сходились. Я узнал всех. Хаас тоже пришел. Сейчас он лежит в кустах справа от дорожки и точно в четырех футах и четырех дюймах от нижнего шарнира ворот. Как раз позавчера я измерял это расстояние. Вы полагаете, что со стороны Хааса этого мне и следовало ожидать?

— Мы не собирались предвосхищать ваши ожидания, уважаемый шеф,— беззлобно, но подчеркнуто вежливо проговорил Гановер.— Мы тщательно обсудили ваше приглашение и ваши условия и единодушно пришли к выводу, что, посылая Хааса на то место возле дома, мы не нарушим ни своего слова, ни вашего доверия. Согласно вашим условиям...

— Прекрасно,— согласился Драгомилов.— Минутку, я сам их вспомю.

Примерно полминуты, пока царил молчание, он обдумывал свои условия, а потом на лице его появилось удовлетворение.

— Вы правы,— объявил он.— Вы ни в чем не нарушили условий. Но теперь, дорогие друзья, все наши планы разрушены вторжением моей дочери и человека, который является вашим временным секретарем, а когда-нибудь в будущем, я надеюсь, станет моим зятем.

— Что же вы задумали?— быстро спросил Старкингтон.

— Уничтожить вас,— засмеялся Драгомилов.— А что задумали вы?

— Уничтожить вас,— признался Старкингтон.— И мы намерены вас уничтожить. Весьма сожалеем, что здесь оказались мисс Константин, а также и мистер Холл. Они не были приглашены. И лучше бы, пожалуй, им удалиться.

— Я никуда не уйду!— воскликнула Груня.— Презираю вас, хладнокровные, бесчувственные, расчетливые выродки! Это мой отец, и вы можете втоптать меня в грязь, сделать что угодно, но я не уйду, а вы не троните его.

— Вы должны пойти мне навстречу,— настаивал Драгомилов.— Давайте будем считать, что обе стороны потерпели неудачу. Я предлагаю перемирие.

— Отлично,— уступил Старкингтон.— Перемирие на 5 минут, в течение которых не может быть предпринято никаких действий и никто не должен выходить из этой комнаты. Мы бы хотели посоветоваться вон там, у пианино. Договорились?

— Да, конечно. Но вначале прошу заметить, где я стою. Моя рука лежит вот на этой книге, на книжной полке. Я не двинусь, пока не узнаю, какой путь вы решили избрать.

В дальнейшем конце комнаты началось совещание. Террористы переговаривались шепотом.

— Пошли,— шепнула Груня отцу.— Чтобы бежать, вам нужно только шагнуть к двери.

Драгомилов добродушно улыбнулся.

— Ты не поняла,— сказал он ласково.

В отчаянии сцепив руки, она заплакала:

— Вы тоже безумец, как и они.

— Но, Груня, родная,— защищался он,— разве такое безумство не прекрасно, уж если употреблять этот термин? Здесь господствует мысль и право. Это, на мой взгляд, высший разум и контроль. Человека выделяет из низшего мира животных именно контроль. Обрати внимание на создавшееся положение. Там стоят семь мужчин, собирающихся меня убить. Здесь — я, имеющий намерение убить их. Однако с помощью чуда, творимого словом, мы устраиваем перемирие. Мы верим. Это великолепный пример морали — высшего, тормозящего фактора.

— Да любой отшельник, живущий в уединении, в горной пещере, вместе со змеями, дает вам великолепный пример такого торможения,— нетерпеливо вернулась она вновь к своему предложению.— Торможения, распространенные в сумасшедших домах, тоже нередко весьма замечательны.

Но Драгомилов отказался от побега, он смеялся и шутил до

тех пор, пока не вернулись убийцы. Как и прежде, говорил за всех Старкингтон.

— Мы решили, уважаемый шеф,— сказал он,— что наш долг убить вас. Остается еще минута. Когда она истечет, мы приступим к своим обязанностям. А тем временем, мы вновь предлагаем двум не приглашенным гостям удалиться.

Груня отрицательно покачала головой.

— Я вооружена,— предупредила она, вынимая маленький автоматический пистолет и тут же обнаруживая свое неумение с ним обращаться, потому что она и не подозревала, что оружие нужно снять с предохранителя.

— Очень сожалею,— вежливо извинился Старкингтон,— но мы выполним свой долг.

— Если не произойдет ничего вами непредвиденного?— уточнил Драгомилов.

Старкингтон бросил взгляд на товарищей, которые закивали в ответ, затем сказал:

— Разумеется, если ничего непредвиденного...

— А вот оно, непредвиденное,— холодно прервал его Драгомилов.— Видите мои руки, мой дорогой Старкингтон? В них нет оружия. Но минуту терпения. Взгляните на книгу, на которой лежит моя левая рука. Позади этой книги, за полкой имеется кнопка. Стоит толкнуть книгу, и она нажмет на кнопку. Комната набита динамитом. Думаю, не имеет смысла продолжать объяснения. Сдвиньте ковер, на котором вы стоите. Вот так. Теперь осторожно поднимите паркет, он свободно вынимается. Видите бруски, плотно уложенные друг к другу? Все они соединены.

— Чрезвычайно интересно,— буркнул Гановер, разглядывая динамит сквозь свои очки.— Смерть таким простым способом! Бурная химическая реакция. Как-нибудь в свободное время нужно будет заняться изучением взрывов.

Последние слова заставили Холла и Груню поверить, что эти убийцы-философы в самом деле не боятся смерти. Как они утверждали, они не были во власти плоти. Любовь к жизни не оказывала влияние на их мыслительный процесс. Им введома была только любовь к мысли.

— Об этом мы не догадывались,— заверил Грей Драгомилова,— но мы предчувствовали то, о чем не догадались. Вот почему оставили мы Хааса возле дома. Вы можете уйти от нас, но не от него.

— Добавлю, друзья,— сказал Драгомилов,— что один провод протянут в то место, где сейчас скрывается Хаас. Будем на-

деяться, что он не наткнется на кнопку, которую я там спрятал, иначе мы с вами взлетим на воздух вместе с нашими теориями.

— Может быть, кто-нибудь из вас пойдет и приведет его сюда? А пока давайте снова установим перемирие. В этих обстоятельствах ваши руки связаны.

— Семь жизней за одну, — сказал Харкинс. — Да, с точки зрения математики — это нонсенс.

— Это не оправдано и с точки зрения экономики, — согласился Брин.

— Положим, мы установили перемирие до часу, и все вы пойдете и поужинаете со мной.

— Если согласится Хаас, — сказал Олсуорти. — Я пошел за ним.

Хаас был согласен, и, как компания хороших друзей, они вместе вышли из дома и, сев в трамвай, отправились в город.

ГЛАВА XIII

В отдельном кабинете ресторана «Пудель» за столом сидели восемь террористов, Драгомилов, Холл и Груня. Ужин получился веселым, почти праздничным, правда Харкинс и Гановер были вегетарианцами, а Луковиль избегал всего вареного и, подбирая с большой тарелки салат, тяжело жевал свежую репу и морковь, что до Олсуорти, то он как начал ужин орехами, изюмом и бананами, так ими и кончил. Тем временем Брин, который если судить по внешнему виду, страдал болезнью желудка, предавался разгулу, разделяваясь с толстым поджаренным куском мяса и всякий раз вскакивал, когда подавали вино. Драгомилов и Хаас пили слабый местный кларет. Холл же, Грэй и Груня выбрали бутылку рейнского. Старкингтон, начавший ужин с двух порций мартини, то и дело погружал свое лицо в объемистую кружку пива.

Разговор был откровенным, даже можно сказать сердечным:

— Вы бы попались, — заявил Старкингтон Драгомилову, — если бы неожиданно не прибыла ваша дочь.

— Дорогой мой Старкингтон, — усмехнулся Драгомилов. — Она-то как раз вас и спасла. Я бы накрыл вас всех семерых.

— Да нет, вам бы это не удалось, — вмешался Брин. — Насколько и понимаю, провод шел в кустарник, где прятался Хаас.

— Его пребывание там было случайностью, чистой случайностью — довольно бодро ответил Драгомилов, но все же он не смог при этом скрыть своей неуверенности.

— С каких это пор случайность перестала быть фактором эволюции?— с ученым видом начал ГанOVER.

— Нет, вам бы так и не удалось выпалить, шеф,— проговорил Хаас одновременно с Луковилем. Последний обратился к ГанOVERу.

— А с каких это пор случайность была признана подобным фактором?

— Ваш спор, как мне кажется, чисто терминологический,— примирительно сказал Холл.— ГанOVER, это спаржа консервированная. Вы это знаете?

Забыв о споре, ГанOVER отпрянул от стола.

— Мне же нельзя ничего консервированного. Вы уверены, Холл?

— Спросите официанта. Он вам подтвердит.

— Ничего, дорогой Хаас,— проговорил Драгомилов,— уж в следующий раз я выпалю и вам не удастся мне помешать. Вы оказываетесь как раз у нужного конца провода.

— Боже, я не могу, не в силах это понять,— воскликнула Груня.— Мне все это кажется шуткой. Это просто не может быть правдой. Все вы здесь добрые друзья, ужинаете, пьете вместе и в то же время горячо обсуждаете способы, как вернее убить друг друга.— Она повернулась к Холлу.— Да разбудите меня, Винтер. Что это — сон?

— Я сам хотел бы, чтобы это был сон.

— О дядя Сергиус,— повторила она, обратившись к Драгомилову,— разбудите меня.

— Это не сон, родная.

— Тогда, если это наяву,— продолжала она убежденно, почти сердито,— то вы все лунатики. Проснитесь! Ну, проснитесь же! Хоть бы затряслась земля или случилось что-нибудь такое, что встряхнуло бы вас. Отец, ведь это в ваших силах! Отмените приказ о своей смерти, который вы отдали!

— Но вы же сами видите, что это невозможно,— убеждал ее Старкингтон с другого конца стола. Сидевший напротив Драгомилов подтвердил его слова кивком головы.

— Груня, не надо призывать меня нарушить слово.

— А я не побоюсь нарушить!— прервал его Холл.— Я был инициатором приказа и я беру его обратно. Возвратите мне мои пятьдесят тысяч долларов или потратьте их на благотворительные цели. Мне все равно. Главное, чтобы остался жив Драгомилов.

— Вы забыли, кто вы такой,— напомнил ему Хаас.— Вы ведь только клиент Бюро. И когда вы обратились к услугам

Бюро, вы принимали определенные обязательства. Бюро, в свою очередь, тоже взяло на себя обязательства. Вы не властны разорвать соглашение. Это дело — в руках Бюро, которое как известно, не нарушает заключенных соглашений. Оно их ни разу не нарушало и никогда не нарушит. Если не будет полной уверенности в нерушимости данного слова, если данное слово не будет так же абсолютно, как, скажем, закон земного тяготения, то исчезнет последняя надежда в жизни. Вселенная превратится в хаос от самой своей внутренней фальшивости. А мы отвергаем фальшь. Это мы доказываем своей деятельностью, намертво закрепляя данное слово. Разве я не прав, друзья?

Послышался гул всеобщего одобрения. Драгомилов, встав, потянулся через стол и крепко пожал руку Хааса. На один миг, всего на один миг ровный, спокойный голос Драгомилова дрогнул, когда он произносил с гордостью:

— Надежда всего мира! Высшая раса! Вершина эволюции! Настоящие руководители, гениальные умы! Осуществление всех мечтаний и стремлений, червь поднялся к свету: сбылось прощество Божие!

В порыве восхищения интеллектом шефа Гановер встал со своего места и обнял его. Груня с Холлом смотрели на них в отчаянии.

— Гениальные умы,— буркнул Холл.

— Сумасшедший дом плачет по таким гениальным умам,— зло отозвалась Груня.

— Ну и логика!— усмехнулся он.

— Я обязательно напишу книгу,— добавила она.— Она будет называться: «Логика лунатизма, или почему свихнулись мыслители».

— Никогда нашу логику не защищали более удачно,— сказал ей Старкингтон, когда чествование гениальных умов несколько поутихло.

— Да это же насилие над логикой!— парировала Груня.— И я вам это докажу...

— С помощью логики, конечно?— быстро вставил Грэй.

И это вызвало взрыв всеобщего смеха, от которого не могла удержаться и Груня.

Холл торжественно поднял руку, призывая к вниманию.

— Мы еще не обсудили вопрос о том, сколько ангелов могут танцевать на острие иглы.

— Не иронизируйте,— вскочил Луковиль,— это старо. Мы ученые, а не схоласты.

— Вы, конечно, и это сможете прояснить,— зло бросила в

ответ Груня,— и по обыкновению, без особого труда: и про ангелов, и про острие, про что хотите.

— Нет, коллеги, если мне в конце концов удастся выбраться из этой путаницы,— произнес Холл,— я отрекусь от логики. С меня довольно.

— Признание в интеллектуальной усталости,— заявил Луковиль.

— Ну, он, конечно, не то имел в виду,— вставил Харкинс.— Не сможет он не быть логичным. Это свойство досталось ему в наследство как человеку. Оно отличает человека от низших существ.

— Пойдите!— вмешался ГанOVER.— Вы забываете, что Вселенная стоит на логике. Без логики Вселенной бы не существовало. Логика в мельчайших ее творениях. Логика в молекуле, в атоме, в электроны. У меня в кармане книга, я вам из нее прочитаю. Я назвал ее «Электронная логика». Она...

— Вот официант,— мягко прервал Холл.— Он разумеется, подтвердит, что спаржа консервированная.

ГанOVER перестал рыться в кармане и разразился тирадой по адресу официанта и дирекции «Пуделя».

— А вот это уже нелогично,— улыбнулся Холл, когда официант вышел.

— Ради бога — почему?— недовольно спросил ГанOVER.

— Потому что в это время года свежей спаржи не бывает.

Не успел ГанOVER прийти в себя после резонного замечания Холла, как к нему обратился Брин.

— Вы недавно говорили, что интересуетесь взрывами. Позвольте продемонстрировать вам квинтэссенцию всеобщей логики — неопровержимую логику элементов, логику химии, логику механики и логику времени — все навечно сплавленные воедино в одном из самых замечательных механизмов когда-либо созданных умом смертных. Я совершенно согласен с тем, что вы говорили, поэтому готов вам сейчас показать логику неразумной материи во Вселенной.

— Почему неразумной?— недовольно спросил ГанOVER, с отвращением глядя на нетронутую спаржу.— Вы полагаете, что электрон не имеет разума?

— Я не знаю. Мне никогда не приходилось видеть электрон. Но давайте ради спора предположим, что имеем. Во всяком случае, согласитесь, он обладает самой неотразимой логикой, самой совершенной и неуязвимой логикой, какую только можно представить. Взгляните сюда.— Брин подошел к стене, где висело его пальто, и вытащил плоский продолговатый сверток. То,

что он оттуда извлек, напоминало складной портативный фотоаппарат среднего размера. Глаза его сияли от восторга:— ГанOVER!— позвал он.— Мне гажется вы правы. Взгляните на это! Вот вещей голос, глушитель неприятных споров и противоречивых убеждений, последний арбитр. Это он произносит последнее слово. Когда говорит он, умолкают короли и императоры, мошенники и фальсификаторы, лицемеры и фарисеи, все, кто неверно мыслит,— умолкают навсегда.

— Пусть он заговорит,— усмехнулся Хаас.— Быть может, он заставит ГанOVERа замолчать.

Но смех сразу же стих, так как все увидели, что Брин, как бы взвешивая этот предмет на руке, о чем-то задумался. И воцарившееся молчание означало, что они поняли: он на что-то решился.

— Отлично,— сказал он.— Он заговорит.

Он извлек из жилетного кармана обыкновенные бронзовые часы.

— Они с боем,— сообщил он,— на семнадцати камнях, швейцарской работы. Так... Сейчас полночь. Наше перемирие,— он обратился к Драгомилову,— заканчивается в час. Смотрите, я устанавливаю их точно на одну минуту второго.— Он указал на открывшееся как в фотоаппарате, окошечко.— Видите это отверстие? Оно сделано специально для этих часов, обратите внимание, я сказал «специально сделано». Вставляю часы вот так. Слышите, металлический щелчок? Это устройство срабатывает автоматически. Теперь никакая сила их оттуда не вынет. Даже я не смогу этого сделать. Приказ вступил в силу и не может быть отменен. Все это изобретено мною. Кроме самого голоса. Этот голос принадлежит японцу Накатодака, умершему в прошлом году.

— Записывающий фонограф,— недовольно заметил ГанOVER. А я-то думал вы расскажете о взрывах.

— Голос Накатодака — это и есть взрыв,— разъяснил Брин. Если вы помните, Накатодака был убит в своей лаборатории своим собственным голосом.

— Формоз! Да, теперь я припоминаю,— сказал Хаас, кивая головой.

— И я также,— добавил Холл, обращаясь к Груне,— Накатодака был знаменитым химиком.

— Но, насколько я понимаю, секрет погиб вместе с ним,— сказал Старкингтон.

— Так все думали,— возразил Брин.— Формула была найдена японским правительством и выкрадена из Военного ми-

нистерства,— в его голосе зазвучала гордость.— Это первый формоз, изготовленный на американском материке. И его сделал я.

— Бог мой!— воскликнула Груня.— Когда он сработает, всех нас разорвет.

Брин самодовольно закивал головой.

— Если остаться, то да,— сказал он.— Люди вокруг примут это за землетрясение или за новую выходку анархистов.

— Остановите!— приказала Груня.

— Я бессилен. В этом-то и вся прелесть. Как я уже говорил ГанOVERу, такова логика химии, логика механики и логика времени, навечно сплавленные воедино. И во Вселенной нет силы, которая была бы способна разрушить этот сплав. Любая попытка только ускорила бы взрыв.

Груня схватила Холла за руку, во взгляде ее была безнадежность.

А ГанOVER хлопотал, суетился возле адской машины, с восхищением через очки разглядывал ее, он был в восторге.

— Великолечно! Замечательно! Поздравляю вас, Брин. Это нам поможет разрешить проблемы многих наций и водрузить мир на более высокий и прекрасный фундамент. Мой еврейский язык — все это в прошлом. Вот оно, настоящее дело! Я посвящу себя теперь изучению взрывов... Луковиль, ваш взгляд опровергнут. У элементов есть и мораль, и разум, и своя логика.

— Вы забываете, мой дорогой ГанOVER,— возразил Луковиль,— что за этой механикой и химией, и абстракцией времени стоит человеческий ум, конструирующий, контролирующий и применяющий.

Внезапно вскочив со стула, Холл прервал его:

— Вы же безумцы! Засели здесь как отшельники. Разве вы не понимаете, что эта проклятая машина скоро взорвется?

— Не раньше, чем наступит одна минута второго,— мягко заверил его ГанOVER.— Кроме того, Брин еще не рассказал нам о своих намерениях.

— За бесчувственной материей стоит человеческий ум, именно он руководит тупыми силами,— торопливо закончил Луковиль.

Старкингтон, наклонившись к Холлу, тихо сказал:

— Перенести бы эту сцену на подмостки для зрителей Уолл-стрит. Вот бы началась паника!

Воцарившееся молчание вновь прервал Холл.

— Послушайте, Брин, что вы собираетесь делать? Что ка-

сается меня и мисс Константин, то мы немедленно уходим, сейчас же.

— О, у нас масса времени,— ответил хранитель голоса Накатодака.— И вот что я собираюсь делать. Время перемирия истекает. Я нахожусь между дверью и нашим уважаемым шефом. Сквозь стену-то он не уйдет. А дверь я охраняю. Остальные уходите. А я останусь с ним. Мгновение взрыва приближается. И ничто не может его остановить. Через минуту, после окончания перемирия, последнее поручение, принятое Бюро, будет выполнено. Прошу прощения, уважаемый шеф, одну минутку! Я сказал, что не могу остановить процесс, идущий сейчас в этом механизме. Но я могу ускорить его. Посмотрите, мой палец лежит на кнопке. Стоит только нажать на нее, и машина сразу взрывается. Как человек опытный, логически мыслящий и наш коллега, вы понимаете, что любая ваша попытка скрыться через эту дверь приведет к гибели всех нас, в том числе вашей дочери и временного секретаря. Поэтому вам лучше не покидать своего места. Не волнуйтесь, ГанOVER, формула не погибнет. Я умру вместе с шефом, как только минет одна минута второго. А формулы вы найдете в моей спальне в верхнем ящике секретера.

— Да сделайте же что-нибудь!— взмолилась Груня, обращаясь к Холлу.— Вы должны что-то сделать!

Холл, севший на место, снова встал, отодвинув бокал в сторону, оперся рукой о стол.

— Джентльмены,— начал он, стараясь говорить спокойно. Своей уверенностью он сразу привлек внимание.— До самого последнего времени, несмотря на свое отвращение к убийствам, я чувствовал себя обязанным с уважением относиться к идеалам, которые руководили вашими действиями. Но теперь я вынужден взять под сомнение ваши мотивы.

Он повернулся к Брину, внимательно за ним наблюдавшему.

— Скажите, вы что же в самом деле считаете себя заслужившим уничтожения? Ведь если вы отдадите свою жизнь во имя гибели шефа, то вы нарушите принцип, в соответствии с которым смерть от вашей руки любого человека должна обязательно быть оправдана преступлениями жертвы. Что же за преступление, позвольте спросить, вы совершили, чтобы дать ход приговору, который вы единолично себе вынесли.

Брин усмехнулся такому ловкому аргументу. Остальные выслушали Холла со вниманием.

— Видите ли,— с удовольствием стал объяснять бактериолог,— Бюро убийств допускает возможность гибели его членов

при исполнении служебных обязанностей. Это обычный риск нашей профессии.

— Случайная смерть в результате неожиданных обстоятельств — да, — спокойно возразил Холл. — В данный же момент речь идет о запланированной смерти невинного человека. Это нарушение ваших собственных принципов.

Минуту все молчали в задумчивости.

— Знаете, Брин, он совершенно прав, — наконец сказал Грэй, слушавший словесную дуэль, наморщив лоб. — Боюсь, что ваше предложение неприемлемо.

— И все же, — вставил Луковиль, — задумайтесь вот над чем: организуя смерть невинного, Брин мог бы оправдать свою собственную смерть тем, что этим нарушает принцип.

— А priori, — нетерпеливо крикнул Хаас. — Это не годится. Вы в логическом круге: пока он не умер, он не виновен, если он не виновен, нет оправданий для его смерти.

— Сумасшедшие! — прошептала Груня. — Все сумасшедшие!

Охваченная страхом, всматривалась она в оживленные лица мужчин, собравшихся вокруг праздничного стола. В их глазах была неподдельная заинтересованность, как у знатоков, увлеченных обсуждением научной проблемы. Ни одного из них, казалось, ничуть не волновало, что смертельно опасный механизм неумолимо отстукивал секунды. Брин снял свой палец с маленькой кнопки на боковой стенке бомбы. Он с интересом следил за каждым выступающим, пока обсуждалось его предложение.

— Одно все же решение, по-моему, есть, — медленно отметил Харкинс, подвинувшись вперед и присоединяясь к дискуссии. — Установив бомбу во время действия договора, Брин поступил нечестно и нарушил уговор. Я не хочу сказать, что это само по себе заслуживает такого сурового наказания, какое им предлагается, но вне сомнения он виновен в действии, нарушающем мораль нашей организации...

— Правильно! — крикнул Брин, его глаза сверкали. — Это верно, вот вам и ответ! Установив взрывной механизм во время перемирия, я совершил проступок. Считаю себя виновным и заслуживающим смерти, — он бросил быстрый взгляд на настенные часы. — Точно через тридцать минут.

В этот момент Брин упустил из-под наблюдения Драгомиллова, и эта ошибка стала для него роковой. В одно мгновение, как бросающаяся на врага кобра, сильные руки бывшего шефа Бюро метнулись к шее Брина, прервали связи его жизненных центров. Японская «джиу-джитсу» действовала немедленно. Пока

остальные смотрели, оцепенев от неожиданности, руки Брига безвольно повисли, и он безжизненно осел на пол. Почти в тот же миг Драгомилов схватил пальто и бросился к двери.

— Груня, увидимся на судне,— скороговоркой бросил он и исчез, прежде чем кто-нибудь успел двинуться.

— За ним!— крикнул Харкинс, вскакивая на ноги. Но на его пути встал огромный Джон Грэй.

— А уговор?— зло напомнил он ему.— Бриг его нарушил и дорого заплатил за свой проступок. Мы все еще связаны на целых двадцать минут своим честным словом.

Старкингтон, до сих пор бесстрастно следящий за спором с конца длинного стола, поднял голову и заговорил.

— Бомба,— сказал он спокойно.— Боюсь, что нам придется отложить полемику. Остается точно,— он посмотрел на часы,— восемнадцать минут, когда эта штука сдетонирует.

Холл склонился над Бригом и взял из его безжизненных рук зловещую коробочку.

— Нужно что-то с ней сделать...

— Бриг уверял нас, что ее остановить нельзя,— сухо ответил Старкингтон.— Я ему верю. Бриг никогда не обманывал, когда речь шла о научных проблемах,— он поднялся.— Как глава Чикагского отделения я должен принять на себя командование нашими сильно поредевшими силами. Харкинс, вы с Олсурти снесите бомбу в залив, и как можно скорее. Ее нельзя оставлять здесь, она взорвется.

Он подождал пока эти двое, забрав свои пальто, вышли из комнаты, унося тикающий контейнер со смертью.

— Наш уважаемый экс-шеф упомянул о судне,— бесстрастно продолжал он.— Я и раньше предполагал, что именно это послужило причиной его поездки в Сан-Франциско. Слова его подтвердили мое предположение. Поскольку мы не можем принудить его очаровательную дочь сообщить название парохода, это было бы не по-джентльменски, нам следует принять другие меры, Хаас?

— Сегодня утром с отливом отплывают только три парохода,— почти автоматически ответил Хаас, и Груню поразило обилие информации, скрытой под этим выпуклым лбом.— Мы сможем легко их все проверить.

— Хорошо,— согласился Старкингтон.— Их названия?

— «Эргоси»— в Окленде, «Истерн Клиппер» на верфи Янсена и «Таку Мару»— в торговом доме.

— Прекрасно. В таком случае, вы, Луковиль, возьмите на

себя «Аргоси». Для вас, Хаас, пожалуй, удобнее будет «Таку Мару». Для Грэя — «Истерн Клиппер».

Трое названных лиц хотели было подняться, но Старкингтон остановил их.

— До отлива еще достаточно времени, джентльмены,— успокоил он.— Кроме того, до конца перемирия еще осталось двенадцать минут.— Он посмотрел на скрюченное тело Брина, лежавшее на полу.— Нам еще нужно позаботиться о нашем дорогом друге. Скажем, что у него был сердечный приступ. Будьте добры, Гановер, позвоните по телефону. Благодарю вас.

Он взял со стола преysкурant на вина.

— И в заключение я бы предложил бренди. Например, испанский. Прекрасный напиток для завершения трапезы. Мы должны выпить, джентльмены, за одно из самых трудных наших заданий. Поднимем тост, друзья, за человека, который сделал это задание реальностью.

Холл хотел уже отпарировать этот мрачный юмор по своему адресу, но Старкингтон закончил раньше.

— Поднимем тост, джентльмены,— продолжал он спокойно,— за Ивана Драгомилова!

ГЛАВА XIV

Содержимое кошелька помогло Винтеру Холлу быстро убедить корабельного кассира в том, что даже для поздно прибывшего на борту «Истерн Клиппер» можно найти местечко. На минуту он забежал в свой отель забрать чемодан и оставить записку. На сходящих его с нетерпением поджидала Груня. Пока он заканчивал оформление билета, Груня спустилась вниз сообщить отцу, что Холл тоже здесь, на корабле. Лукавая улыбка осветила лицо Драгомилова.

— Ты, родная, ожидала, что я рассержусь,— спросил он.— Расстроюсь? Или поражусь? Хотя надежда на путешествие наедине с только что обретенной дочерью радостна, еще радостнее путешествовать с ней, когда она счастлива.

— С вами я всегда счастлива, дядя... я хотела сказать — отец,— поправилась она, и глаза ее радостно засверкали.

Драгомилов рассмеялся:

— Приходит, дорогая, время, когда отец не в силах сделать дочь полностью счастливой. А сейчас, если ты не возражаешь, я лягу спать. День был не из легких.

Груня нежно поцеловала его, но, взявшись за ручку двери, вдруг остановилась, что-то вспомнив.

— Отец,— воскликнула она,— а Бюро убийств? Они намерены обследовать все корабли, отплывающие с утренним приливом.

— Ну, разумеется,— сказал он мягко,— это первое, что они сделают.

Он снова поцеловал ее и запер за ней дверь.

Она поднялась на верхнюю палубу и отыскала Холла. Рука об руку они стояли у перил, вглядываясь в огни спящего города. Он крепко сжал ее руку.

— Неужели обязательно нужно ждать, пока истечет год?— грустно спросил он.

— Осталось только три месяца,— засмеялась она.— Наберитесь терпения,— ее смех погас.— Правда, такой совет скорее подходит для меня.

— Груня!

— Это правда,— призналась она.— Винтер, я так хочу стать вашей женой!

— Славная моя! Капитан корабля может повенчать нас хоть завтра!

— Нет. Я ведь тоже свихнувшаяся, как и все вы. Я дала слово и не изменю ему.— Она спокойно выдержала его взгляд.— Пока год не пройдет, я не могу выйти за вас. А если за это время что-нибудь случится с отцом...

— Ничего с ним не случится,— заверил Холл.

Она посмотрела на него испытующе.

— Но ведь не в вашей воле предотвратить несчастье, которое может произойти.

— Нет, родная, не в моей.

Холл смотрел через перила на темную воду внизу.

— Эти сумасшедшие — вашего отца я тоже должен включить в их число — никому не позволяют вмешиваться в их опасную игру. Для них это, как вам известно, — только игра.

— В которой может не быть победителя, — печально согласилась она, взглянув на свои часы. — Уже очень поздно. Пожалуй, мне пора спать. Надеюсь, мы увидимся завтра?

— Вряд ли вам удастся скрыться от меня на пароходе, — засмеялся он и, склонив голову, страстно поцеловал кончики пальцев ее руки.

Решив, что в каюте жарко, Драгомилов отвинтил и широко распахнул иллюминатор. Напротив был виден дом и бесконечный ряд унылых складов, освещенных несколькими тусклыми

электрическими лампами, которые вяло раскачивались от слабых порывов ночного бриза. Открытый иллюминатор почти не приносил пролады: ночь была душной и тихой. Тяжело дыша, он стоял в темной комнате, облокотившись на латунные края иллюминатора. Его мысли странствовали где-то по событиям последних девяти месяцев и задерживались на подробностях его бегства. Он чувствовал себя утомленным, усталым умственно и физически.— Годы,— подумал он,— единственная переменная в уравнении человеческой жизни, которую невозможно ни учитывать, ни контролировать. Правда, впереди было по крайней мере десять дней без этого отчаянного напряжения, десять приятных дней морского путешествия, и можно будет восстановить силы. Снизу из темноты до него долетел знакомый голос.

— Вы уверены?— Драгомилов. Весьма вероятно, он ваш пассажир.

— Уверен,— ответил вахтенный.— У нас никого нет с такой фамилией. Не беспокойтесь, мы, конечно, сделали бы все, что в нашей власти, чтобы помочь федеральному правительству.

Укрытый мраком своей каюты, Драгомилов усмехнулся. Усталости как ни бывало, все чувства начеку, он прислушался. Грэй был достаточно умен, чтобы показать доверие к сообщению официального лица, но, кроме того, Грэй был достойным сотрудником Бюро.

— Не исключено, что этот человек скрывается у вас под чужим именем,— продолжал Грэй.— Это пизенький человек, на первый взгляд больной, но это только кажется. Должен выехать он со своей дочерью, довольно красивой молодой леди по имени Груня.

— Здесь есть один джентльмен, путешествующий с дочерью...

Улыбка сошла с лица Драгомилова. Во мраке комнаты его короткие сильные пальцы сжимались и разжимались, словно к чему-то готовясь.

На минуту внизу воцарилось молчание, а потом Грэй задумчиво произнес:

— Я хотел бы проверить, если вы не возражаете. Вы не назовете номер его каюты?

— Пожалуйста. Одну секунду, сэр. Вот он: 31 на нижней палубе.— Наступила пауза.— А если это не тот человек?

— Я принесу извинения.— В голосе Грэя зазвучал металл.— Федеральное правительство не намерено причинять беспокойство невинным гражданам. Однако я вынужден выполнить свой долг.

Темные фигуры у начала сходней двинулись вверх, тот, что был выше, легко взбирался по крутым ступеням, оставив позади другого.

— Благодарю вас, я сам найду ее. Вам нет необходимости оставлять ваш пост.

— Разумеется, сэр. Я надеюсь...

Но Грэй уже не слышал его. Легко взойдя на палубу парохода, он стремительно прошел к двери, ведущей во внутренний коридор. Оказавшись внутри, он немедленно осмотрел номер первой попавшейся каюты. На ее двери был номер 108. Без колебаний он прошел к трапу и спустился вниз. Здесь были двухзначные номера. Он улыбнулся про себя и начал красться по тихому коридору, задерживаясь возле каждой двери.

31-я каюта была за поворотом в небольшом тупике. Прильнув к стене тупика, Грэй обдумал свой последний шаг. Ему ли было не знать Драгомилова, учившего его не только находить красоту в логике, этике и морали, но и научившего его одним мгновенным ударом сворачивать человеку шею. Вдруг судно содрогнулось, Грэй весь напрягся, готовый к прыжку, но это огромные машины в недрах корабля начали свое вращение, их запустили, чтобы прогреть перед отплытием.

Обдумывая в тихом, пустынном коридоре план действий, Грэй отверг мысль об использовании револьвера. В узком пространстве звук был бы оглушительным и значительно затруднил бы бегство. Он вытащил из чехла спрятанный в рукаве тонкий длинный нож и быстро опробовал пальцем его острие. Удовлетворенный его остротой, он сжал его в руке острием вверх, а другой рукой, в которой была отмычка, нащупал замок.

Бросив взгляд вокруг, он убедился, что никого больше в коридоре нет; пассажиры спали. Стараясь не шуметь, он вставил ключ и осторожно повернул его. Неожиданно дверь резко открылась. И прежде, чем он успел опомниться, он оказался в каюте и чьи-то сильные пальцы сомкнулись на его руке, сжимающей нож. Но Грэй всегда отличался быстрой реакцией. Вместо того, чтобы отступить назад, он бросился вперед, с силой увлекая за собой своего противника, добавляя свой вес к стремительному и сильному толчку другого. Оба рухнули на койку под иллюминатором. В миг Грэй был на ногах. Он отскочил в сторону, снова крепко сжимая нож в руке. Драгомилов тоже был на ногах и стоял, вытянув вперед руки так, что его упругие пальцы готовы были в любой момент вцепиться мертвой хваткой в противника.

С минуту они стояли, тяжело дыша, друг против друга. Сла-

бый свет электрических лампочек порта отбрасывал мрачные тени. Внезапно Грэй, как молния, бросился вперед, нож сверкнул у него над головой. Но удар пришелся в пустое пространство, Драгомилов упал на пол и, как только рука противника пронеслась над ним, приподнявшись, схватил и повернул ее. Со сдавленным стоном Грэй выронил нож и упал на маленького человека, пытаясь ухватить свободной рукой соперника за горло.

Они дрались яростно и молчаливо, эти двое хорошо натренированных убийц, прекрасно представляющих физические способности друг друга и убежденные в необходимости умертвить противника. Каждый прием и контрприем применялся автоматически. Навыки того и другого в японской борьбе «джиу-джитсу» были немалыми и равными. Грохот поршней гигантской машины, медленно набирившей ход под их ногами, нарастал. Жесткая схватка в каюте продолжалась, одному приему противостоял другой, тяжелое дыхание борцов теперь заглушал тяжелый шум машин.

Их сплетенные ноги наткнулись на открытую дверь, и она с треском захлопнулась. Грэй сделал попытку откатиться в сторону, но вдруг почувствовал, что прижал лопаткой валявшийся на полу нож. Он отполз подальше, одной рукой отбиваясь от Драгомилова, а другой, отыскивая на полу оружие. Наконец, его пальцы нащупали нож. Судорожно сжав его, он вырвался из объятий Драгомилова, занес нож для решительного удара и с яростью ударил им перед собой. Он ощутил, как лезвие вошло во что-то мягкое и на секунду почувствовал облегчение. Но в этот момент стальные пальцы Драгомилова нашли на горле место, которое давно искали. Грэй опрокинулся назад, его пальцы в последнем предсмертном движении вытащили нож из матраса.

Драгомилов, пошатываясь, встал, угрюмо посмотрел на тело своего старого друга, темневшее на полу возле узкой койки, потянулся к закрытому иллюминатору, спеша перевести дух и с огорчением подумав о том, что годы здорово подорвали его выносливость. Он устало вытер лицо. С облегчением подумал, что не уступил Грэю, хотя тот был очень напорист.

Неожиданный стук в дверь вернул к действительности. Он наклонился, торопливо закатил тело убитого под кровать, чтобы его не было видно, и встал возле двери.

— Да?

— Мистер Константин? Можно вас, сэр, на минуту?

— Одну секунду.

Драгомилов зажег в каюте свет, быстрым взглядом окинул

комнату и не нашел ничего компрометирующего. Он поднял стул, набросил одеяло на разрезанный матрас и накинул пиджаму. Он еще раз огляделся вокруг. Удовлетворенный тем, что все в порядке, он открыл дверь, крикнул и широко зевнул прямо в лицо кассира.

Кассир, казалось, был в смущении.

— А мистер Грэй, сэр? Он не заходил к вам?

— А, этот. Да, заходил. Знаете ли, так нельзя, понапрасну меня беспокоят. Он искал какого-то мистера Драгомича или кого-то в этом роде. Он извинился и ушел. Так в чем дело?

— Судно отходит, сэр. Вероятно, он сошел на берег, как раз, когда я пошел сюда. Как вы считаете?

Драгомиллов снова зевнул и холодно посмотрел на кассира.

— Понятия не имею. А теперь, если позволите, я все-таки хотел бы немного отдохнуть.

— Разумеется, сэр. Извините. Благодарю вас.

Драгомиллов запер дверь и выключил свет. Усевшись на низеньком стуле, он задумчиво смотрел в иллюминатор. Завтра уже будет поздно: придет убирать каюту стюард. Даже утро — это поздно: нельзя быть уверенным, что кто-то не встанет пораньше погулять по палубе. Все нужно сделать сейчас же, несмотря на сопряженную с этим опасность. Он поудобнее устроился на стуле и стал ожидать отплытия судна.

С верхней палубы слышались голоса, отдавали швартовы, судно готовилось покинуть порт. Шум машин нарастал, их дрожь передалась каюте. Над его головой слышался глухой топот сапог, это матрос перебежал туда и обратно, вытягивая лебедкой швартовы и делая необходимые приготовления, чтобы стальное чудовище могло везти их через океан.

Крики на палубе ослабли. Драгомиллов осторожно отвинтил иллюминатор и высунул голову. Водяное пространство между пристанью и кораблем медленно увеличивалось, огни, протянувшиеся вдоль складов, тускнели вдаль. Он внимательно прислушался, не слышно ли шагов снаружи, но было тихо. Он вытащил тело из убежища, без особых усилий поднял его и положил на койку. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что берег пуст. Подняв тело, он протолкнул его в иллюминатор. Оно упало со слабым всплеском. Драгомиллов молча подождал, прислушиваясь к шуму наверху, на палубе. Печально склонив голову, он прикрыл иллюминатор, задернул плотно занавеску и зажег свет.

Нужно было перед сном еще кое-что сделать: Драгомиллов был осторожным человеком. Нож был спрятан в портфель, че-

модан заперт, разрезанный матраc перевернут и накрыт туго заправленной простыней. Коврик водворен на место. И только после того, как комната приобрела свой прежний вид, Драгомилов облегченно вздохнул и начал раздеваться.

Это была трудная ночь, но он сделал еще один жестокий шаг вперед по опасному пути.

ГЛАВА XV

Луковиль тихо постучал в дверь номера Старкингтона. Когда дверь открылась, вошел, и, не говоря ни слова, положил на стол газету. Старкингтон сразу обратил внимание на крупный заголовок и быстро пробежал сенсационный отчет.

«Двое погибли от таинственного взрыва».

15 авг. В результате таинственного взрыва сегодня рано утром на Ворт-стрит, возле залива, трагически погибли двое мужчин, личность которых установить не удалось. Полиции не удалось обнаружить причину разрушительной детонации, выбившей окна в домах, расположенных в непосредственной близости, и стоившей жизни двум людям, которые, как полагают, проходили в момент взрыва возле этого места.

Установить личности двух жертв оказалось невозможным по причине невероятной силы взрыва. Единственным подозрительным предметом были обнаруженные в районе взрыва осколки маленькой металлической коробки, но, как утверждает полиция, вследствие небольших размеров она не могла играть никакой роли в этом взрыве. Власти признаются, что они поставлены в тупик».

— Харкинс и Олсуорти!— хмуро сказал он и сжал зубы.— Нужно немедленно вызвать сюда остальных.

— Я звонил Хаасу и ГанOVERу,— ответил Луковиль.— Они могут появиться с минуту на минуту.

— А Грэй?

— В его номере никто не ответил. Я крайне удивлен, так как мы договорились, что результат осмотра парохода, проведенный ночью, должен быть доложен сегодня утром.

— На «Оргоси» вы ничего не обнаружили?

— Ничего. И Хаас ничего не нашел на «Таку Мару».

Собеседники молча смотрели друг на друга. Одна и та же мысль возникла у обоих.

— Вы полагаете?..— начал Старкингтон, но в этот момент в дверь настойчиво постучали, и, прежде чем они успели ответить, дверь распахнулась, пропустив ГанOVERа и Хааса.

Хаас стремительно ворвался в комнату и положил на стол последний выпуск газеты.

— Вы это видели?— крикнул он.— Грэй — мертв.

— Мертв?

— Найден в воде у верфи Янсена, там, где стоял «Истерн Клиппер»! Драгомиллов уплыл на этом судне.

Пораженные неожиданным известием, все молчали. Старкингтон ходил по комнате, а потом молча сел. Прежде чем заговорить, он оглядел строгие лица своих компаньонов.

— Ну что же, джентльмены,— начал он спокойно, наши ряды поредели. Все оставшиеся в живых члены Бюро убийств в настоящий момент находятся в этой комнате. За последние двенадцать часов погибло три члена нашей организации. Где же удача, сопутствовавшая все эти годы каждому нашему предприятию? Или фортуна изменила нам?

— Все мы не без греха,— возразил Хаас.— Харкинс и Олсуорти погибли в результате случайности.

— Случайности? Да вы сами в это не верите, Хаас. Случайности не существует. Разве мы не осуществляем контроль за собственными жизнями, если вообще мы способны что-то контролировать?

— Мы по крайней мере в это верим или вообще ни во что не верим,— сухо поправил Луковиль.

— Но могли ведь часы подвести,— упорствовал Хаас.

— Разумеется,— признал Старкингтон.— Но разве это случайность — пасть жертвой безграничного доверия к механическому устройству? Изобретения, мой дорогой Хаас,— это работа конструктора, а не мыслителя.

— Смехотворное утверждение,— усмехнулся Хаас.

— Отнюдь нет. К поискам механических решений ведет людей неспособность рационалистически объяснить проблемы. Возьмем, например, эти стенные часы. Разве точное знание часа решает проблемы этого часа? Что мы выигрываем в сфере красоты или морали, зная, что в данный момент восемь минут одиннадцатого?

— Вы слишком упрощаете,— возразил Хаас.— Иногда часы могут мстить.

Гановер наклонился вперед.

— Что касается вашей насмешки над конструкторами — создателями,— подчеркнул он,— то не считаете ли вы тогда нас только мыслителями, а не создателями?

Старкингтон улыбнулся:

— За последнее время, говоря откровенно, мы не были ни тем и не другим. Теперь мы должны стать всем.

Стоявший у окна и смотревший на улицу Луковиль, повернулся к ним.

— Послушайте,— сказал он решительно.— Драгомилов ушел. Он покинул страну. Вряд ли он вернется. Почему бы нам не отказаться от этого бессмысленного преследования? Мы восстановим Бюро. Драгомилов начал в одиночку, а нас четверо.

— Отказаться от преследования?— на лице Хааса отразилось крайнее удивление.— Бессмысленного? Как же мы сможем восстановить Бюро, если, отказавшись от преследования, мы откажемся и от наших принципов?

Луковиль кивнул головой.

— Конечно, конечно. Я не подумал. Ладно, что же мы тогда предпримем?

Ему ответил Хаас. Худощавый «пламя, а не человек» встал и склонился над столом, на его высоком лбу собрались складки.

— Сегодня вечером в четыре часа отплывает судно «Ориентал стар». Это самый быстроходный пароход на тихоокеанских линиях. Он вполне может прибыть на Гавайи раньше «Истерн Клиппер». Предлагаю встретить Драгомилова в Гонолулу. Но, подготавливая встречу, нам нужно быть осторожнее, чем до сих пор.

— Прекрасная идея,— с энтузиазмом поддержал Гановер.— Он ведь думает, что в безопасности.

— Шеф никогда не чувствует себя в безопасности,— заметил Старкингтон.— Правда, он не позволяет чувству опасности нарушать его равновесие. Итак, джентльмены, предложение Хааса вас устраивает?

С минуту все молчали. Потом Луковиль отрицательно покачал головой:

— По-моему, нет необходимости выезжать всем. Хаас еще не оправился от ранения. Кроме того, по-моему, было бы ошибкой помещать все яйца в одну корзину. Я бы предложил Хааса оставить. Может возникнуть необходимость в каких-то действиях на материке.

Это предложение было обдумано остальными. Старкингтон кивнул.

— Я согласен. А как Хаас?

Маленький энергичный человек невесело улыбнулся.

— Я бы, конечно, с удовольствием присутствовал при убийстве... Но я склоняюсь перед логикой аргументов Луковилля. Я тоже согласен.

Гаповер кивком выразил одобрение.

— Хватит ли у нас денег?

Подойдя к столу, Старкингтон достал конверт.

— Это я получил сегодня утром. Холл подписал документ, предоставляющий мне право на все наши фонды.

Гаповер удивленно поднял брови:

— Значит, он уплыл с Драгомиловым.

— Скорее, с дочерью,— улыбнувшись, поправил Хаас.— Бедняжка Холл! Попался в ловушку, заполучив тестя, за убийство которого сам же уплатил деньги.

— У Холла логика подпорчена эмоциями,— заявил Старкингтон.— Судьба эмоционального предопределена, и в общем-то заслуженно.— Он встал:— Ну что же, я пошел готовить наш отъезд.— Взглянув на Луковиля, явно обеспокоенный, он спросил:

— Почему вы нахмурились?

— Пища на судне,— вздохнул Луковиль.— Как вы считаете, у них на все плавание хватит свежих овощей?

Краешек солнца плавно поднимался из-за горизонта. Наслаждавшийся теплым утренним океанским бризом Винтер Холл, внезапно почувствовал, что кто-то стоит рядом. Повернувшись, он увидел Драгомилова.

— Доброе утро!— улынулся Холл.— Как спали?

Драгомилов с усилием улынулся:

— Как и следовало ожидать,— сухо ответил он.

— Когда мне трудно заснуть,— сказал Холл,— я обычно гуляю по палубе. Такая прогулка помогает нагнать сон.

— В прогулках не было недостатка,— Драгомилов пристально посмотрел на высокого красивого молодого человека, стоявшего рядом.— Ко мне прошлой ночью перед самым отплытием пожаловал посетитель.

Холл вдруг все вспомнил.

— Грэй! Это ему было поручено обследовать этот пароход!

— Да. Грэй пришел повидаться со мной.

— Он на борту?— Холл оглянулся; приятная улыбка его исчезла.

— Нет, он не отплыл с нами. Он остался.

Холл с недоумением посмотрел на стоявшего рядом светловолосого человека и, казалось, начал понимать.

— Вы убили его!

— Да. Я был вынужден.

Холл снова стал наблюдать за восходом солнца. Лицо его было строгим.

— Вы говорите, что были вынуждены. Не означает ли это признания перемен в ваших убеждениях?

— Нет,— Драгомилов покачал головой.— Хотя всякие убеждения могут подвергаться изменениям, если думающий человек достоин звания существа разумного. Я потому сказал — вынужден, что он был моим другом. По крайней мере, можно сказать, он был моим протеже. И на мою жизнь он покушался, следуя моему учению. Отнимая у него жизнь, я не мог не признать чистоту его мотивов.

Холл устало вздохнул:

— Нет, вы не изменились. Но все-таки скажите, когда же это сумасшествие прекратится?

— Сумасшествие?— Драгомилов пожал плечами.— Объясните это выражение. А что такое здравомыслие? Позволять жить тем, чьи действия ведут к гибели невинных? Иногда тысяч невинных?

— Это, конечно, не относится к Джону Грэйу?

— Нет. Я только объясню основы моего учения, в которое верил Джон Грэй и которое вы называли сумасшествием.

Холл безнадежно посмотрел на собеседника.

— Но вы уже признали банкротство этой философии. Не может человек судить, он может только быть судим. И не отдельной личностью, а только сообществом людей.

— Верно. Основываясь именно на этом, вы убедили меня, что у Бюро достойные цели. Или, точнее сказать, «преждевременные», ибо Бюро само по себе — это, как вы знаете, группа представителей общества. Остальные ваши аргументы не играли бы роли. Но это неважно. Во всяком случае, вы меня убедили и я принял заказ уничтожить себя. К сожалению, то обстоятельство, что организация слишком совершенна, сработало против меня.

— Совершенно!— с раздражением воскликнул Холл.— Разве можно употреблять это слово? Ведь шесть или даже восемь попыток вас уничтожить закончились провалом!

— Эти провалы и свидетельствуют о совершенстве,— без тени иронии сказал Драгомилов.— Вижу, вы не поняли. Провалы поддаются исчислению. Бюро имеет свои издержки и удачи. Провалы только доказывают правильность расчетов.

Холл с удивлением посмотрел на маленького человека.

— Трудно поверить! Скажите мне, когда... Ладно, я не стану употреблять слово «сумасшествие»,— когда эти приключения все-таки закончатся?

К его удивлению, Драгомилов дружелюбно улыбнулся:

— Люблю это слово — «приключение». Вся жизнь — приключение, но мы этого не понимаем, пока сама жизнь не подвергнется опасности. Когда это закончится? Полагаю, когда мы сами закончим. Когда наш мозг перестанет работать, когда мы присоединимся к червям, тем, кто не мыслит. А в данном случае,— продолжал он, заметив открыто выраженное Холлом нетерпение,— по истечении года со дня моих указаний Хаасу.

— Времени уже пролетело много. До окончания контракта осталось менее трех месяцев. Что тогда?

К его удивлению, улыбка на лице Драгомилова вдруг погасла.

— Не знаю. Я не могу поверить, что организация, в создание которой мною вложено столько труда, допустит, чтобы я дожил до конца. Это свидетельствовало бы о ее несовершенстве.

— Однако вы, разумеется, не хотите, чтобы она добилась успеха?

Драгомилов сплел пальцы рук и нервно сжал их. Лицо его было строгим и хмурым.

— Не знаю. Пока идут недели и месяцы, что-то все больше и больше начинает беспокоить меня.

— Вы удивительный человек! В каком смысле это вас беспокоит?

Маленький светловолосый джентльмен посмотрел на своего собеседника.

— Я не уверен, что мне захочется жить по истечении этого периода времени. Настоящий хозяин людей — время. Время, видите ли, одна из совершеннейших машин, ее шестерни приводят в движение звездами, а ее стрелки контролируются бесконечностью. Мною тоже создана совершенная машина — Бюро. И ничто, кроме него самого, не поможет доказать его совершенство. Неумолимая поступь другой, более совершенной машины не оправдывает недостатков Бюро.

— Но вы все же предпринимаете попытку воспользоваться временем для своего собственного спасения,— подчеркнул Холл, по обыкновению увлекаясь ходом мысли оппонента.

— Я только человек,— грустно ответил Драгомилов.— Со временем, возможно, как раз в этом и будет найдено объяснение неизбежной слабости моей философии.

Прервав свою речь, он повернулся и медленно, тяжелым шагом направился к дверям, ведущим в каюту. С минуту Холл смотрел ему вслед, а затем, почувствовав, как кто-то тянет его сзади за руку, резко обернулся и лицом к лицу столкнулся с Груней.

— Что вы такое сказали отцу?— требовательно спросила она.— Он выглядит потрясенным.

— Не я, это он сам сказал себе,— ответил Холл. Он взял ее под руку, и они пошли по палубе.— Существует инстинкт, он заставляет нас бороться за жизнь. Но в нас также укрывается и тяга к смерти, у нее находится немало оправданий. Нам предстоит стать свидетелями, какой из этих инстинктов восторжествует у вашего странного отца: к жизни...

— Или к смерти,— тихо сказала она, тяжело опираясь на руку возлюбленного.

ГЛАВА XVI

Приятные дни путешествия на борту «Истерн Клиппер» летели быстро. Груня, лежа в шезлонге на палубе, грелась на солнышке, она, как и Холл, стала бронзовой от загара. Драгомилов тоже все время проводил на залитой солнцем палубе, но он, казалось, имел иммунитет против жгучих солнечных лучей и оставался таким же бледным, как и прежде.

Холл с Драгомиловым, по-видимому, наложили вето на свои философские споры. Их разговоры теперь вращались либо вокруг стай скумбрии и тунца, часто игравших за кормой корабля, либо вокруг прекрасной кухни на борту, а иногда и вокруг теннисных баталий, развернувшихся на палубе.

И вот однажды утром путешествие закончилось, словно его и не было. Проснувшись в этот день и выйдя на палубу, они обнаружили, что ее закрывает тень от вершины горы Дайамонд на подходе к острову Оаху, а город Гонолулу, белый и сверкающий, распахнулся прямо перед ними. К судну уже стремились маленькие каноэ с туземцами. Внизу, в недрах гигантского лайнера, кочегары замерли у своих черных от сажи совков, великаны-машины затихли, судно медленно заканчивало свой путь.

— Великолепно!— шептала Груня.— Разве это не прекрасно, смотрите, Винтер!

— Вы еще более прекрасны,— шутиливо ответил Холл и обратился к Драгомилову:— Десять недель,— сказал он с облегчением,— только десять недель, сэр, и наши отношения изменятся. Вы станете моим тестем.

— И перестану быть вашим другом?— засмеялся Драгомилов.

— Нет, вы всегда будете моим другом,— нахмурившись, сказал Холл.— Между прочим, каковы ваши планы? Как вы считаете, члены Бюро последуют сюда за вами?

На лице Драгомилова по-прежнему сияла улыбка.

— Последуют за мной? Они все уже здесь. Или большинство, по крайней мере. Одного-то они, конечно, оставили на материке.

— А как же удалось им прибыть раньше нас?

— На быстроходном судне. Я полагаю, на следующий день пополудни они сели на «Ориентал стар». Тело Грея обнаружили, и оно указало им на наше судно, а следовательно, и на место его назначения. Они пришли в порт вчера вечером. Будьте уверены, к нашей высадке они будут тут как тут.

— А откуда вы это знаете?— спросила Груня.

— Поставил себя на их место и сообразил, что стал бы я делать в тех же самых обстоятельствах. Нет, дорогая, здесь ошибки быть не может. Они придут меня встретить.

Груня придвинулась к нему и взяла его за руку, в глазах ее был страх.

— Что же теперь делать, отец?

— Не беспокойся, родная. Их жертвой я не стану, ты этого боишься? Вот еще что я хотел вам сказать: за несколько дней до отплытия я отправил почтой письмо с заказом номеров для вас в гостинице «Королева Анна». Заказана также и машина в ваше распоряжение. Сам я не смогу присоединиться к вам, но как только я освобожусь, я дам о себе знать.

— Для нас обоих?— удивился Холл.— Но вы даже не знали, что я поеду?

Драгомилов широко улыбнулся:

— Я же говорил, что всегда ставлю себя на место другого. На вашем месте я бы ни за что не позволил такой очаровательной девушке, как Груня, сбежать от меня. Мой дорогой Холл, я был уверен, что вы окажетесь на борту этого судна.

Он встал спиной к перилам. Каное с туземцами уже сновали вдоль борта судна. Мальчишки, одетые только в туземные «моло», ныряли за монетами, которые швыряли пассажиры в прозрачные воды залива. Белые здания вдоль пирса отражали лучи утреннего солнца. Гигантский лайнер встал, юркий катер отделился от берега. Он вез лоцмана и носильщиков-китайцев. Разорвавший тишину пронзительный гудок корабля гордо объявил об их прибытии. Лоцманский катер легко стукнулся о борт, и чиновники, одетые в щегольские остроконечные фуражки и белые шорты, вскарабкались на палубу. За ними следовала вер-

лица носильщиков, все в голубых одеждах и с косичками, они стремглав вбежали по трапу (их покатые соломенные шляпы дружно в такт подпрыгивали) и исчезли во внутренних проходах.

Драгомилов обратился к своим собеседникам:

— Если вы позволите, я пойду закончу упаковку багажа,— и, помахав рукой, исчез в проходе.

Лоцман взошел на мостик, и машины «Истерн Клиппер» заработали; набирая скорость, судно двинулось к берегу.

— Пожалуй, нам пора идти вниз проверить вещи,— заметил Холл.

— О, Винтер, не будем торопиться. Здесь так чудесно! Погляди только на горы, они словно уносятся от города. А облака, как грибы-дождевики, повисли над вершинами!

Она умолкла, и воодушевление исчезло с ее лица.

— Винтер, а что будет делать отец?

— О твоём отце, дорогая, я не беспокоюсь. Возможно, их здесь и нет. А если даже они и здесь, сомнительно, чтобы они решились на что-то в этой толчее. Пошли.

Пароход подходил к пирсу. Они спустились вниз. На берег были брошены швартовы, и проворные руки закрепляли их за кнехты. Заработали судовые лебедки, выбирая якорную цепь и подтягивая лайнер к стенке. Оркестр заиграл знаменитое «ало-ха». Послышались крики пассажиров и встречающих, которые узнавали друг друга в толпе, многие восторженно махали платками. Спустили сходни, оркестр заиграл громче.

Передав свой багаж носильщику, Холл вернулся на палубу. Он встал у перил и с любопытством наблюдал за оживленными лицами встречающих, цепочкой выстроившихся за оградой внизу. Внезапно он отшатнулся от перил: его глаза встретились с глазами Старкингтона!

Шеф чикагского отделения Бюро радостно улыбался и махал рукой. Взгляд Холла скользнул по поднятым кверху лицам и задержался еще на одном. Гановер тоже был здесь, ближе ко входу. Остальные, как был уверен Холл, занимали другие стратегически важные позиции.

Поставили сходни, сняли барьеры. И по сходням в обе стороны ринулись пассажиры и встречающие, толкая тяжело нагруженных носильщиков. Последние, неуклюже покачиваясь под своим грузом, медленно протискивались вниз. Вверх по сходням прокладывал себе путь Стراкингтон. Холл пошел ему навстречу.

Старкингтон широко улыбался.

— Привет, Холл! Рад вас видеть. Как дела?

— Старкингтон! Не вздумайте это сделать!

Старкингтон удивленно поднял брови:

— Что не делать? Ах, не держать своего честного слова? Не быть верным данному обещанию и поручению?

Он по-прежнему улыбался, но глаза его были совершенно серьезны. Они смотрели мимо Холла, ощупывая лица пассажиров, идущих по сходням.

— На этот раз, Холл, он не убежит. Луковиль прибыл на борт на лоцманском катере, теперь он уже внизу. ГанOVER караулит в порту. Шеф допустил роковую ошибку, сам себе поставил западню.

Холл скрипнул зубами:

— Я не допущу этого. Я обращаюсь к властям.

— Ни к кому вы не станете обращаться,— подчеркнуто холодно сказал Старкингтон. Он напоминал профессора, втолковывающего нерадивому студенту общеизвестные истины.— Вы дали свое честное слово. Не только самому шефу, но и всем нам. Вы не сообщили властям до сих пор, не сообщите и теперь.

Он вынужден был прервать свою речь, так как на него, рассыпаясь в извинениях, наткнулся китаец-носильщик, буквально погребенный под горой чемоданов. Рядом появился Луковиль. При виде Холла он радостно заулыбался.

— Холл! Очень приятно. Как прошло путешествие? Вам оно понравилось? Скажите,— продолжал он, понизив голос,— как обстояло дело с овощами на этом судне? На обратном пути мне бы хотелось иметь кухню более по вкусу. Кухня на «Ориентал стар» бедна и овощами, и фруктами. Там все мясо да мясо. Они, видимо, думают, что этим доставляют пассажирам удовольствие...

Казалось, наконец заметив нетерпение Старкингтона, он обратился к нему:

— Драгомилов внизу. Он занял 31-ю каюту под чужим именем. Чтобы он не ушел, я повесил на нее замок. Правда, есть еще иллюминатор... За ним наблюдает ГанOVER.

Он обратился к стоявшему рядом бледному, как смерть, Холлу.— Не лучше ли вам сойти на берег? Поверьте, это предотвратить не в ваших силах.

— Я останусь,— воскликнул Холл и круто повернулся, почувствовав, что кто-то нервно сжал его руку.— Груня! Груня, милая!

— Винтер!— крикнула она и посмотрела на Старкингтона

ненавидящими глазами.— Что вы здесь делаете? Не трогайте моего отца!

— Этот вопрос нами уже обсуждался,— спокойно возразил Старкингтон.— Вам известно о взятых нами обязательствах и об указаниях вашего отца. Я бы рекомендовал вам, мисс Драгомилова, сойти на берег. Все равно вы ничего не сможете сделать.

— Сойти на берег?— она вдруг гордо подняла голову.— Да, я сойду на берег! И возвращусь с полицией. Мне безразлично какие указания дал мой отец, вы не убьете его!— Она сверкнула на Холла презрительным взглядом.— А вы! Что ж вы тут стоите? Что вы за человек? Вы хуже этих сумасшедших, потому что они верят в свою правоту, а вы-то знаете, что они ошибаются. И все же вы ничего не предпринимаете!

Она вырвала свою руку из руки Холла и бросилась к сходням, проталкиваясь сквозь поредевшую толпу. Старкингтон посмотрел ей вслед, одобрительно покачивая головой.

— Вы, Холл, сделали очень хороший выбор. Эта девушка — с характером. А теперь нам придется несколько форсировать наш план. Я думал подождать, пока судно опустеет. Однако, похожему, большая часть пассажиров уже сошла. Вы пойдете с нами?

Последняя фраза была произнесена таким вежливым тоном, что Холл с трудом поверил, что приглашается стать свидетелем исполнения смертного приговора над человеком, который является отцом Груни. Старкингтон, сочувственно улыбаясь, взял его за руку.

Холл последовал за ним, как во сне. Этому нельзя было поверить! Со стороны, вероятно, можно было подумать, что он идет к друзьям сыграть партию в вист. Пока они спускались по широкой, устланной коврами лестнице, шедший рядом Старкингтон вел непринужденную беседу.

— Путешествие на судне очень приятно, не правда ли? Для всех нас это было настоящим наслаждением. Правда, Луковиль всю дорогу жаловался на пищу, но... А вот мы и пришли.

Он прижался ухом к двери и прислушался. Изнутри донсились какие-то неясные звуки. Он снял повешенный Луковилем замок и обратился к остальным:

— Луковиль, встаньте по эту сторону. Вам бы, Холл, я посоветовал уйти из тупика. Шеф, конечно, будет защищаться, и мне не хотелось бы, чтобы вас ранили.

— А вас могут убить!— воскликнул Холл.

— Разумсется. Однако один из нас — Луковиль или я — сможет выполнить задание. А это все, что нам нужно.

Он извлек из кармана револьвер и привел его в боевую готовность. Луковиль в свою очередь сделал то же самое. Холл с ужасом смотрел на этих двух людей, не выказывавших ни малейшего страха. Вынув из кармана ключ, Старкингтон вставил его в замочную скважину, даже не стараясь делать это тихо.

— Назад, Холл,— скомандовал он и в этот же миг распахнул дверь и проник внутрь. При виде того, что открылось перед ними, Старкингтон от удивления раскрыл рот, а Холл расхохотался.

На койке, извиваясь и дергаясь, лежал китаец носильщик, раздетый до нижнего белья и крепко привязанный к кровати. Рот его был заткнут, а глаза сверкали от ярости. Как только он повернул голову, в отчаянии умоляя обнаруживших его людей об освобождении, они увидели обрезанные концы его косичек.

— Драгомиллов!— выдохнул Луковиль.— Он, должно быть, проскользнул мимо нас под видом носильщика!— Он бросился к двери, но руки Старкингтона преградила ему путь.

— Слишком поздно,— сказал он спокойно.— Наши поиски придется начать сначала.

В коридоре послышался какой-то шум, и на пороге появилась Груня в сопровождении нескольких местных полицейских, вооруженных дубинками. При виде корчившегося от смеха Холла, Груня остановилась в нерешительности. Перед лицом такой веселости ее решимость стала улетучиваться. Старкингтон вежливо дал дорогу полицейским, которые быстро овладели каютой и развязали несчастного китайца, немедленно застрекотавшего о своих злоключениях. Он показывал на обрезанные косички, потом на свое почти голое тело и торопливо демонстрировал руками, как его повалили и связали. Все это он, захлебываясь, сопроводил рассказом на непонятном им языке. Сержант прерывал его несколько раз, чтобы задать вопрос, а затем строго обратился к Старкингтону.

— Где человек, совершивший это насилие?— спросил он по-английски.

— Не знаю,— признался Старкингтон. Но тут его чувство собственника пришло к нему на помощь. Он полез в карман и извлек пачку банкнотов. Отсчитав несколько, он сочувственно обратился к расстроенному китайцу.

— Вот. Вы пострадали, как и мы. Это вам частичная компенсация. Что же касается нас,— в его голосе неприкрыто звучало сожаление,— не знаю, как это будет компенсировано.

ГЛАВА XVII

Прошло две недели, прежде чем Груня и Холл получили дальнейшие инструкции,— итак, скоро они встретятся с Драгомиловым. Воспользовавшись тем, что у них была машина с шофером, они объездили вдоль и поперек прелестный тропический город и его окрестности. Шофер появился в гостинице Куинн Эни на следующее утро после их приезда и вручил им письмо следующего содержания: «Дети мои, рекомендую вам Чана, старого и верного служащего фирмы «С. Константин и К°». Он будет возить вас в любое время и куда угодно, за исключением тех немногих случаев, когда он будет выполнять мои поручения. Не задавайте ему никаких вопросов, потому что он все равно не станет на них отвечать. Я жив и здоров и, как только придет время, свяжусь с вами. Целую мою дорогую Груню. Крепко жму руку моему другу Холлу».

Под письмом не было подписи, да она и не была нужна. Убедившись, что Драгомилов вне опасности, они успокоились. Они вели обычный для туристов образ жизни: купались и загорали на пляже Вайкики, смотрели, как любители острых ощущений бесстрашно мчались на досках, на гребне пенящихся океанских валов к поросшему пальмами берегу. Они гуляли по красочным улицам Гонолулу и наслаждались необычными картинами, встававшими на каждом шагу. Они с удовольствием бродили по рыбному рынку на Кинг-стрит, где торговцы расхваливали свой товар на восьми языках или наблюдали, как причаливают в Кеволо Бэсин японские сампаны, до краев наполненные уловом. Невозмутимый Чан никогда ничего не предлагал и не давал никаких объяснений; он вел машину туда, куда ему говорили, и только.

Вечера они часто провѣдили вместе со Старкингтоном, Гановсером и Луковилем. Груня помимо своей воли стала испытывать к ним симпатию. Их взгляды и образ мыслей сильно напоминали ей отца. Ей втайне было стыдно за ту сцену, которую она устроила на борту парохода и которая говорила, что она недостаточно верит в отца. Ей почему-то казалось, что терпешняя близость с этой тройцей в какой-то степени искупает ее вину. К тому же с каждым днем приближалось окончание срока договора и уменьшались шансы Бюро на успех.

Однажды вечером вопрос о сроках возник в застольной беседе.

— Остается менее двух месяцев,— сказал Холл и рассмеялся.— Поверьте, я ничего не имею против того, чтобы вы так мило развлекались. Мне даже приятно смотреть как вы растрчиваете средства Бюро. Но мне непонятно, почему вы не ищите Драгомилова!

— Мы его ищем, но по-своему,— мягко поправил его Старкингтон,— и наши розыски увенчаются успехом. Не раскрывая наших планов, я могу сказать следующее: он провел два дня в Накакули и последующие три дня в Ваянаэ. Луковиль выследил его в первом случае, а Гановер — во втором. Но в обоих случаях он успел оттуда уехать.

Холл насмешливо поднял брови:

— А вы не вели розысков?

— Нет.— В голосе Старкингтона не было смущения.— Я наблюдал за вами и за мисс Драгомиловой, хотя и уверен, что вы знаете о его местонахождении не больше нас.

Он поднял рюмку.

— Предлагаю поднять тост за окончание дела.

— Я буду рад за это выпить,— спокойно заметил Холл.— Хотя мы имеем в виду разные вещи.

— В этом и состоит сложность словесного общения,— с улыбкой заметил Старкингтон.

— В неточности определений,— возразил Гановер.— Определение составляет самую сущность общения. Это своего рода скелет, на котором зиждятся звуковые формы, составляющие любой язык.

— Вы говорите о каком-то одном языке,— серьезно вставил Луковиль, хотя в глазах его прятались смешинки.— А Старкингтон и Холл говорят о разных языках — или по меньшей мере на разных языках.

— Я полагал, что говорю не о языке, а о тосте,— мягко поправил Старкингтон. Он поднял рюмку.— Если меня больше не будут прерывать...

Но его прервали еще раз.

— По-моему,— лукаво заметила Груня, с интересом слушающая реплики спорящих,— важно, чтоб каждый оставался вечно своему определению.

— Согласен,— воскликнул Луковиль.

— Я тоже — добавил Гановер.

— А я...— Старкингтон, который поставил было рюмку, снова ее поднял.— А я хочу выпить.

С этими словами он опрокинул рюмку. Засмеявшись, другие последовали его примеру.

Они возвращались домой по дороге, обсаженной гигантскими кетмиями, и вдыхали ароматный ночной воздух. Холл взял руку Груни в свою и почувствовал, как напряглись ее пальцы.

— Откуда они узнали, где был отец? — обеспокоенно спросила она. — Ведь эти острова слишком велики и слишком многочисленны, чтобы они могли случайно напасть на его след.

— Они знают свое дело, — задумчиво ответил Холл. — Но и твой отец тоже. Я думаю, тебе не стоит беспокоиться.

Они подошли к главному входу в отель.

В соседнем саду, поросшем бугенвиллией, был слышен нежный перезвон гитары. Увидев их, дежурный гостиницы отошел от двери, откуда он наблюдал за весельем, и вручил Холлу вместе с ключами запечатанное письмо. Холл тут же вскрыл и прочитал его.

«Дорогой Холл, мое убежище наконец готово; убежище и вместе с тем западня. На все это ушло время, но оно потрачено не зря. Ступайте к себе в номер, а затем спуститесь по черной лестнице во двор. Чан будет ожидать вас в машине. Багаж можно будет забрать позже, хотя там, где мы будем, нам почти не будут нужны атрибуты так называемой цивилизации».

В конце письма была странная приписка, подчеркнутая жирной линией: «Перед выходом обязательно проверьте часы». Холл вежливо поблагодарил дежурного и небрежно сунул письмо в карман. Кивком головы он дал понять Груне, что следует воздержаться от расспросов. И лишь когда они оказались на верхнем этаже, вдали от любопытных взглядов, он показал ей письмо.

— Что это значит — убежище и западня? — тревожно спросила Груня. — И зачем проверять часы?

Холл знал не больше, чем она. Они быстро упаковали чемоданы и оставили их в номерах. Телефонный звонок в обсерваторию острова подтвердил точность карманных часов Холла. Через несколько секунд, спустившись по задней лестнице, они уже вглядывались в темноту безлунной ночи.

Машина была едва видна во мраке ночи. Они быстро скользнули на заднее сиденье, и машина тронулась. С выключенными фарами они пробрались по темной улочке. У перекрестка Чан включил передние фары и свернул на пустынную улицу. Примерно на расстоянии одной мили от берега он, не сбавляя скорости, снова свернул — на этот раз на широкое шоссе.

Хранивший до сих пор молчание Холл, наклонился к самому уху шофера и шепотом спросил его:

— Где нам предстоит встретиться с мистером Константином?

Китаец пожал плечами:

— Мне приказано доставить вас до перевала Нууану Пали, сказал он как всегда лаконично, на совершенно правильном английском языке.— Там вас встретят. Это все, что я могу вам сказать.

Холл откинулся назад, Груня сжала его руку, глаза ее сияли при мысли, что скоро она снова увидится с отцом. Машина неслась по пустынной улице, разрезая светом фар мгlistую тьму ночи. Они поднимались все выше в горы. Огни города внизу тускнели и, наконец, совсем исчезли. Воздух похолодал. Чан резко увеличил скорость, и их прижало к спинкам сидений. Ветер резко бил в лицо.

— Что слу...?— начал Холл.

— Сзади машина,— спокойно объяснил Чан.— Она следует за нами всю дорогу. Теперь, пожалуй, пора увеличивать разрыв.

Холл оглянулся. По свету фар можно было проследить путь следующей за ними по извилистой дороге машины. Вдруг их машину затрясло — они съехали с шоссе; поднявшаяся сзади пыль закрыла преследователей.

— Они заметят, что мы свернули!— воскликнул Холл.

— Конечно,— спокойно ответил Чан.— Мне велено не дать им потерять нас из виду.

Он искусно вел машину по извилистой грунтовой дороге. Вокруг них поднимались клубы пыли, Холл пожалел, что нет боковых занавесок. Они проехали перевал и начали спускаться вниз. Всякий раз, когда машина резко поворачивала, Холл, оглядываясь, видел два луча света преследовавшей их машины.

Вдруг Чан резко нажал на тормоза: Груню и Холла бросило вперед. Машина остановилась. Кто-то распахнул дверцу, и в машину вскочил человек небольшого роста. Машина тут же тронулась снова, набирая скорость в темноте.

— Кто это?

Послышался тихий смех.

— Кто, по-вашему?— спросил Драгомилов. Он наклонился и зажег лампочку в спинке заднего сиденья. Груня ахнула. На Драгомилове были когда-то, видимо, белые, но теперь грязные и рваные фуфайка и брюки, на ногах — замызганные тапочки.

Он нежно поцеловал дочь и пожал руку Холла. Затем, выключив свет, откинулся назад, улыбаясь в темноте.

— Как вам нравится мой наряд?— спросил он.— Вдали от городов отпадает необходимость в галстуке и прочих условностях. Когда мы обоснуемся на новом месте, то мы с Холлом, перейдем на туземное моло, а ты, Груня, можешь выбирать между муумуу или па-у.

— Отец!— воскликнула Груня.— Если бы ты только мог на себя взглянуть! У тебя вид бродяги! А где мой дорогой солидный дядя Сергей, которого я когда-то щекотала и забрасывала подушками?

— Он умер, дорогая,— ответил Драгомилов, усмехнувшись.— Твой мистер Холл убил его неопровержимой логикой. Это второе по смертоносности оружие, которое я знаю.

— А какое первое?— спросил Холл.

— Увидите.— Драгомилов повернулся к дочери:— Груня, детка, тебе лучше бы поспать. Объяснения подождут. У нас есть еще несколько часов.

Машина продолжала спускаться по извилистой дороге, ведущей к восточному побережью острова. Облака уже рассеялись, небо на востоке начало светлеть. Холл наклонился к Драгомилову.

— Вы знаете, что нас преследуют?

— Конечно. Мы позволим им не терять нас из виду до деревни Хайкулоа. Дальше нет поворотов, и им будет ясно, куда мы едем. После Хайкулоа мы от них избавимся.

— Мне непонятно, что вы задумали,— сказал Холл, хмуро взглядываясь в Драгомилова.— Какова ваша роль в этой странной охоте,— зайца или гончей?

— Я и то и другое. Каждый человек всю жизнь бывает и тем и другим. Охота идет непрерывно: то, насколько человек может ею руководить, решает, будет ли он зайцем или гончей.

— И вы считаете, что вы руководите этой охотой?

— Конечно.

— И все же,— сказал Холл,— им известно, что вы были в Нанакули и в Вайонаэ.

— Я и хотел, чтобы это было им известно. Я оставил следы, которые туда их привели. Я отвлек их на запад, в то время как вы с Груней направились на восток.

Он засмеялся, увидев изумление на лице Холла.

— Друг мой, логика бывает разной. Если я держу камень в одной руке и вы угадали в какой, то в следующий раз я могу поменять руки. Или же я могу оставить его в той же руке, рас-

считывая, что вы подумаете, что я переложу его в другую. Или же я поменяю руки, исходя из того, что вы рассчитываете, что я буду рассуждать так же, как и вы. Или...

— Знаю,— сказал Холл.— Это старая теория об уровнях мышления. Но я не понимаю, каким образом она применима к этому случаю.

— Вот каким. Во-первых, как я заставил Старкингтона поверить, что держу путь на запад. Я просто заказал книги на русском языке в самом крупном книжном магазине Гонолулу с указанием доставить их мне в деревушки, расположенные вдоль западного побережья. Старкингтон и другие знают, что я ни при каких обстоятельствах, не откажусь от книг. Если бы я оставил более грубый след, то они, возможно, не попались бы на удочку, но я знал, что они расценят заказ книг как естественное действие с моей стороны.

— Но он утверждал, что вы на самом деле побывали в тех местах!

— Да, я был там. Пустой крючок — незавидная приманка. Но, когда он уверился, что я еду на запад, я проложил для него след на восток. Вы с Груней сделали это великолепно. Я уверен, что вы весьма эффективно прокрались через черный ход. И я также уверен, что Старкингтон за вами следил.

Холл изумленно глядел на Драгомилова.

— Вы удивительный человек!

— Благодарю вас.— В тоне Драгомилова не было ложной скромности. После этого он замолчал.

Машина проехала Хайкулоа. Теперь Чану нужно было скрыться от преследователей. Машина неслась по узкой грунтовой дороге. Внезапно внизу открылся океан, простиравшийся до горизонта и восходящего солнца. Чан резко повернул машину в кусты, проехал несколько сотен ярдов и затормозил. Их окружила тишина раннего утра.

— И еще одно...— начал Холл.

— Тише! Сейчас они проедут мимо нас!

Они замерли в молчании. Вскоре до их слуха донесся гул мощного мотора. Машина пронеслась на огромной скорости и исчезла на дороге, ведущей к берегу. Драгомилов вышел из машины с Холлом и направился к краю крутого берега, где они остановились. Внизу вдоль берега раскинулась деревушка. Драгомилов показал вдалеке.

— Вот там. Видите тот островок? Это и есть наше убежище.

Холл взгляделся. От берега остров отделяла довольно узкая полоска воды. Остров был совсем маленький, менее мили в

длину и примерно полмили в ширину. Пальмы окаймляли отлогий песчаный берег; на невысоком холме в центре острова стоял большой дом с крышей из пальмовых листьев. Людей не было видно.

— Пролив между нами и островом называется Хугукай — Сердитое море, — сказал Драгомилов.

— Я никогда не видел более спокойного моря, — сказал Холл. — Это название, видимо, дано в шутку.

— Не скажите. Дно океана между берегом и островом имеет очень странную конфигурацию. — Драгомилов переменял тему. — Вы не забыли проверить часы?

— Нет, не забыл. Но зачем?..

— Хорошо! Сколько сейчас на ваших?

Холл посмотрел на часы:

— Шесть часов сорок три минуты.

Драгомилов прикинул в уме и сказал:

— У нас еще примерно час времени. Можно немного отдохнуть.

Но он, видимо, не мог отдыхать. Он беспокойно походил взад и вперед и наконец остановился рядом с Холлом, разглядывая раскинувшуюся под ним деревушку.

— Им потребуется некоторое время, чтобы спуститься к берегу в машине; дорога извилиста и местами опасна. — А потом, без всякой видимой связи с предшествовавшим разговором, он негромко проговорил: — Справедливость. Нравственность и справедливость. Это все, что у нас есть, но этого достаточно. Вы знаете девиз этих островов, Холл? Уа май ке эа о ка айна и ка поно. Это означает: жизнь на земле сохраняется благодаря справедливости.

— Вы бывали здесь раньше?

— О да, много раз. Фирма «С. Константин и К^о» вот уже много лет занимается импортом с Гавайских островов. Я надеялся... — Он не закончил мысли и резко повернулся к Холлу. Казалось, им внезапно овладело какое-то волнение. — Сколько времени?

— Семь часов три минуты.

— Пора двигаться. Груню мы оставим здесь с Чаном: так будет лучше. Пиджак снимите — будет тепло и без него. Идем. Спустимся к берегу.

Холл в последний раз взглянул на спящую девушку, прикорнувшую в углу машины. Чан невозмутимо сидел за рулем, устремив взгляд вперед. Холл со вздохом повернулся и пошел вслед за Драгомиловым узкой тропинкой меж деревьями.

Они молча пробирались сквозь высокую траву к пальмам, окаймлявшим белый песок. Вода за песком была гладкой, как шелк; крохотные волны разбивались о берег, превращаясь в мелкую рябь. В прозрачном утреннем воздухе островок резко выделялся своей белизной на зеленом фоне моря. Солнце, поднявшееся уже довольно высоко над горизонтом, висело на востоке, как огромный оранжевый шар.

Холл тяжело дышал — спуск был нелегкий, Драгомилов не высказывал никаких признаков усталости. Он повернулся к своему спутнику: его глаза возбужденно блестели.

— Который час?— спросил он.

Холл удивленно поглядел на него, тяжело дыша:

— Почему вас так интересует время?

— Который час?— В голосе Драгомилова звучало нетерпение.

Холл пожал плечами:

— Семь тридцать две.

Драгомилов удовлетворенно кивнул головой и внимательно посмотрел в сторону берега. Перед ними тянулся ряд хижин. На песчаном берегу виднелось несколько лодок, выдолбленных из дерева. Начинался прилив, и вода уже заливала лодки. Из одной хижины вышел туземец, он вытащил лодки подальше на берег и снова скрылся в хижине.

Машина, которая гналась за ними, стояла перед самой большой хижинкой, колеса ее почти наполовину утонули в песке. Их преследователей не было видно. Драгомилов с сосредоточенным видом оглядывал местность.

— Сколько времени?

— Семь тридцать четыре.

Драгомилов кивнул.

— Мы выйдем отсюда ровно через три минуты. Когда я побегу к воде, следуйте за мной. Мы возьмем вон ту лодку, которая к нам ближе всех. Я сяду в нее, а вы ее оттолкнете. Мы поплывем к острову.— Он задумчиво молчал.— Я надеялся, что они нас увидят, но это не важно. Придется крикнуть...

— Крикнуть?— Холл удивленно посмотрел на Драгомилова.— Вы хотите, чтобы вас поймали?

— Я хочу, чтобы за мной погнались. Подождите — все идет хорошо.

Из большой хижины вышел Старкингтон, за ним ГанOVER и Луковиль. Они стояли, переминаясь с ноги на ногу, и разгова-

ривали с высоким великолепно сложенным туземцем, остановившимся на пороге хижины.

— Превосходно!— Глаза Драгомилова были прикованы к тройке.— Который час?

— Точно — семь тридцать семь.

— Пора!

Драгомилов выбежал из укрытия, легко передвигаясь по сверкающему белизной песку. Холл, торопливо выбежавший за ним, чуть не упал, но, сбалансировав, удержался на ногах. Драгомилов толкнул маленькое каноэ в воду и быстро в него вскочил. Холл оттолкнул его на глубину, а затем перевалился через борт. С его намокших брюк стекала вода. Драгомилов уже взял весло, и лодка быстро понеслась по спокойной глади воды. Холл взял со дна лодки другое весло и тоже стал грести.

С берега послышался громкий крик. Трое преследователей поспешно бросились к воде. Мгновение спустя они уже спустились на воду большое каноэ и принялись бешено грести. Туземец выбежал вслед за ними, что-то кричал и размахивал руками, показывая на море, но они не обращали на него никакого внимания.

Драгомилов и Холл удвоили усилия: их легкая лодочка рванулась вперед.

— Это безумие!— Холл тяжело дышал, лицо его обливалось потом.— Их трое! Они настигнут нас задолго до того, как мы доберемся до острова! А если и нет, где можно спрятаться на этой голой скале?

Драгомилов не спорил и продолжал размеренно грести. Большая лодка начала их догонять; расстояние между ними сокращалось. Внезапно Драгомилов перестал грести и зловеще улыбнулся.

— Сколько времени?— спокойно спросил он. Холл не ответил: он с ожесточенным греб, разрезая веслом спокойную гладь моря.

— Сколько времени?— спокойно повторил Драгомилов.

Вполголоса выругавшись, Холл бросил весло.

— Пусть догоняют!— Сказал он раздраженно и вынул из кармана часы.— Мне надоело ваше «сколько времени»! Семь сорок одна!

И в это мгновение их лодка слегка вздрогнула. Казалось, какая-то гигантская рука слегка ее подтолкнула. Холл удивленно поднял глаза, толчок повторился. Драгомилов напряженно наклонился вперед, положив руки на колени и устремив взгляд в сторону берега. Холл повернулся и с удивлением заме-

тил, что преследовавшая их лодка перестала двигаться. Несмотря на энергичные усилия гребцов, она оставалась неподвижной, словно нарисованная на холсте океана. Затем она стала медленно описывать широкий круг, оставляя после себя еле заметный след. Три человека в лодке изо всех сил работали веслами, но их усилия были безрезультатны. Холл изумленно тарачил глаза, Драгомилов с серьезным лицом наблюдал необыкновенное явление.

Вокруг участка, на котором разыгрывалась эта драма, море оставалось совершенно спокойным. Но в центре круга, менее чем в четырех ярдах от того места, где их легко покачивало на волнах, пришли в действие могучие силы природы. Вода с нарастающей скоростью неслась по гигантскому кольцу, отмеченному рябью на поверхности. Лодка преследователей мчалась по самому краю круга. Сокрушительная сила сводила на нет жалкие потуги гребцов.

Движение воды все ускорялось. Холл с ужасом заметил, что ровная поверхность начала медленно прогибаться к центру, постепенно образуя гигантскую плоскую воронку с гладкими сверкающими стенками. Лодка неслась по стенке, слегка наклонившись к центру, но удерживаемая гигантскими центробежными силами. Люди, находившиеся в лодке, перестали грести и, цепившись в ее борта, наблюдали за приближением верной смерти. Одно весло выпало из лодки, но оставалось с ней рядом, двигаясь с той же головокружительной скоростью на поверхности воды,

Холл в ярости повернулся к Драгомилову.

— Бы дьявол!— закричал он.

Но тот продолжал невозмутимо наблюдать жуткую картину.

— Прилив,— как бы про себя прошептал он.— Это — прилив. Какая сила может сравниться с силами природы!

Сжав зубы, Холл опять повернулся к ужасному зрелищу. Воронка все углублялась, все быстрее кружилась вода, а вместе с ней и лодка, прикованная к сверкающей водной стене. Глаза Холла на мгновение остановились на крутом обрыве, возвышавшемся над деревней. Лучи солнца, отраженные от какой-то географической точки, освещали часть их машины. «Видит ли все это Груня?»— мимолетно подумал он и снова стал смотреть на страшное зрелище. Лица трех обреченных были отчетливо видны. На них не было страха, криков тоже не было слышно. Троица, казалось, что-то оживленно обсуждает: тайны смерти, с короткой им так скоро предстояло встретиться или совершенство западни, в которую они плыли.

Воронка углублялась. Из ее глубин доносился рев — рев бешено несущейся воды. Лодка кружилась с невероятной быстротой. Вдруг она соскользнула вниз по сверкающему водному склону, словно по своей собственной воле ища забвения в глубинах океана. Холл вскрикнул. Но лодка продолжала бешено кружиться, лишь спустившись ниже к центру воронки. Скорость ее вращения все нарастала. Холлу казалось, что открывающаяся пропасть засасывает. Руки, которыми он держался за борт качающегося каноэ, побелели.

Старкингтон храбро поднял руку, посылая им прощальное приветствие, и с улыбкой посмотрел в их сторону. Его тут же выбросило из лодки. Секунду его тело, распростертое на плотной поверхности воды, несло рядом с лодкой. Затем его затянуло в центр воронки, и оно исчезло в водовороте.

Холл резко повернулся к Драгомилову.

— Дьявол,— прошептал он.

Драгомилов не обратил на его реплику никакого внимания. Его глаза были задумчиво устремлены на водоворот. Холл повернулся назад, не в силах оторвать свой взор от жуткого зрелища.

Лодка соскальзывала по стенке воронки все ближе к пучине водоворота. У Луковилы был открыт рот, казалось, он выкрикивал какое-то торжественное приветствие судьбе, которая протягивала к ним свое смертоносное объятие, Гаповер сидел, не шевелясь.

Лодка соскользнула еще на несколько футов, ее нос дошел уже до центра водоворота. Раздался треск ломаемого дерева, каноэ вскинуло в воздух корму и затем исчезло в маслянистой бездне, сокрушенное давившими на него огромными силами. Два человека бесстрашно оставались в нем до последней минуты; затем их словно вихрем подбросило в воздух, и тела их поглотило жадное море.

Рычание бурлящей воды начало утихать, словно океан насытился принесенной ему жертвой. Огромная воронка медленно разглаживалась, и ее бурлящий центр равномерно поднимался, по мере того как стенки становились все более пологими. От почти успокоившейся поверхности к ним пришла небольшая волна и тихо покачнула лодку, напоминая им об их спасении. Холл содрогнулся.

Позади него послышалось движение.

— Пожалуй, пора возвращаться,— спокойным голосом сказал Драгомилов.

Холл с ненавистью посмотрел на своего спутника.

— Вы их убили! Это все равно, как если бы их ударили ножом или застрелили из ружья!

— Убил? Да, убил. Но ведь вы же хотели, чтобы их убили, разве нет? Вы хотели, чтобы Бюро убийств было уничтожено.

— Я хотел, чтобы его распустили. Я хотел, чтобы они прекратили свою деятельность!

— Нельзя распустить идеи, убеждения.— Голос Драгомилова звучал холодно. Он обвел взглядом пустынное море, которое навсегда поглотило большую лодку. В голосе послышались печальные нотки.

— Это были мои друзья. Друзья!

— Да.— Драгомилов взял весло и опустил его в воду.— Нам лучше вернуться.

Холл вздохнул и начал грести. Лодка двигалась сначала медленно, потом быстрее. Они плыли над тем местом, где нашли свою смерть Старкингтон и его товарищи. Драгомилов на мгновение перестал грести, словно чья память погибших членов Бюро.

— Надо послать телеграмму Хаасу,— неторопливо заметил он и снова стал работать веслом.

ГЛАВА XIX

В Сан-Франциско Хаас нетерпеливо ждал известий от трех членов Бюро, которые отплыли в погоню за их бывшим шефом. Время шло быстро, каждый день приближался срок окончания договора. Наконец с пароходом прибыло письмо.

«Дорогой Хаас!

Представляю себе, как вы ходите взад и вперед по комнате, бормоча про себя проклятия на греческом и древнееврейском языках: уж не подпали ли мы под расслабляющие чары этого прекрасного острова? Или стали жертвой Д.? Вы можете успокоиться. Ничего подобного с нами не произошло.

Но задача была не из легких. Д. искусно проложил ложный след в сторону запада; теперь мы убеждены, что на самом деле он намерен бежать на восток. Мы тщательно следим за его дочерью и Холлом. Первый их шаг в этом направлении наведет нас на след.

Мы понимаем, что время подходит к концу, но не беспокойтесь. Бюро никогда не терпело неудач, не потерпит неудачи и теперь. В ближайшие дни ждите шифрованную телеграмму.

Между прочим, мы случайно узнали, что Д. путешествует также и под фамилией Константин. Мы обнаружили это, когда

выследили его на борту парохода «Истерн Клиппер». Да, он ускользнул от нас. Когда мы встретимся после окончания этого дела, мы расскажем вам все подробно.

Старкингтон.

P. S. Луковиль влюбился в пои, омерзительное блюдо, приготовленное из корня таро. Нам предстоит новые мучения с ним и его гастрономическими вкусами, когда мы вернемся».

Хаас, нахмурившись, положил письмо на стол. Пароход, с которым пришла почта, отплыл из Гонолулу девять дней назад. За это время он должен был уже получить телеграмму от Старкингтона. Он с товарищами находился на Гавайских островах уже почти месяц; до истечения срока оставалось менее шести недель. Он снова взял письмо и внимательно его перечитал.

Константин? Где-то он слышал это имя. Да, есть такая фирма по экспорту и импорту. Он знал, что у этой фирмы были отделения в Нью-Йорке, возможно, в Гонолулу тоже. Он сидел в тишине комнаты с письмом в руках, перебирая в уме всевозможные варианты. Затем решительно поднялся. Если еще два дня не будет телеграммы, он сядет на первый пароход, уходящий на острова, а тем временем надо сделать необходимые приготовления, так как у него будет очень мало времени. Сложив письмо, он положил его в карман и вышел из комнаты.

Первую остановку он сделал в публичной библиотеке. Библиотекарь охотно выдал ему большую карту Гавайских островов. Он развернул ее на столе и склонился над ней, тщательно изучая Оаху. Он провел пальцем линию, которая шла вдоль берега от Гонолулу через Наакули и Вайанаэ до мыса под названием Каэна Пойнт и кивнул головой. То был ложный след; Старкингтон в таких случаях не ошибается.

Дело обстояло сложнее с дорогами на восток. Некоторые шли через перевал Нууа-ну Пали и терялись в джунглях или спускались к безымянным берегам. Одна тонкая линия обозначала дорогу, поднимавшуюся в горы и проходившую неподалеку от Даймонд Хэд, а затем приближавшуюся к побережью у длинной кривой косы, именуемой Мокапу Пойнт. Он отодвинул карту, откинулся назад и задумался.

Он старался поставить себя на место Драгомилова. Зачем оставаться в Оаху? Почему не уехать на Ниихау или Кауаи, или какой-нибудь другой из многочисленных островов, которые тянутся на запад? Некоторые из них совсем необитаемы, другие населены столь редко, что разыскать его за тот небольшой срок, который оставался у Бюро, будет фактически невозможно.

Зачем оставаться на единственном острове, где у них больше всего шансов его найти?

Объяснение может быть только одно — он хочет, чтобы его нашли. Хаас выпрямился, его мозг напряженно работал. А зачем ему это нужно? Только для того, чтобы устроить ловушку! Его взгляд снова устремился на лежавшую перед ним карту, но она не могла ответить на его вопросы. Он слишком плохо знал местность. Он снова откинулся назад и начал усиленно думать.

Поймать наверняка в западню трех человек не так-то легко. Несчастный случай? Слишком велик риск; один из них всегда может уцелеть. Засада? Почти невозможно против таких знатоков своего дела, как Старкингтон, ГанOVER или Луковиль. Будь он Драгомиловым, которому предстоит решить эту задачу, каким образом попытался бы он это сделать?

Не на земле. Здесь всегда можно найти укрытие, никогда нельзя все точно рассчитать. Для одного человека — да, но не для трех. Будь он Драгомиловым, он устроил бы западню на море, где невозможно укрыться и откуда нельзя бежать. Он снова склонился над картой, Сердце его билось все чаще.

Восточное побережье было слабо изрезано небольшими бухточками или лежащими вдоль берега островками. Может быть, остров? Возможно. Тут легко найти укрытие, хотя трудно убежать. Нет, он выбрал бы море. Но каким образом заманить в ловушку трех человек в пустынном море? Трех человек, одаренных быстрым умом, каждый из которых обучен искусству убивать, а также защищаться?

Он вздохнул и сложил карту: придется собирать дополнительные сведения. Он возвратил карту библиотекарю, поблагодарил его и вышел из прохладного помещения. Ему пришел в голову еще один вариант, и он зашагал в направлении Корт Хауза.

Служащий земельного управления любезно кивнул головой.

— Да,— сказал он,— мы располагаем копиями документов о земельных сделках на Гавайских островах. При условии, что они не менее шестимесячной давности. Раньше мы не успеваем их зарегистрировать и завести на них дело. Как фамилия интересующего вас лица?

— Константин,— ответил Хаас.— «С. Константин и К°».

— Импортёры? Минуточку...

Хаас глядел в запыленное окно, выходящее на залив, который то и дело пересекали малые и большие суда, но он ничего не замечал. «В его воображении был отлогий берег и лодка —

нет, две лодки, покачивающиеся на волнах. В одной лодке спокойно сидел Драгомилов, в другой — Старкингтон и его товарищи». Картина стояла у него перед глазами, а он напряженно доискивался, где же западня, зачем их туда заманил Драгомилов.

Служащий вернулся.

— Пожалуйста, сэр. В 1906 году «С. Константин и К^о» купили здание на Кинг-стрит под свою контору. Пять лет тому назад. Здесь вы найдете все подробности, если они вас интересуют.

Хаас покачал головой.

— Нет. Я имею в виду другую земельную купчую. Недавнюю. На восточном побережье...— Он запнулся, затем ему вдруг все стало ясно. Внезапно в нем возникла уверенность. Драгомилов наверняка планировал этот ход с самого первого дня. Он выпрямился и сказал более уверенным тоном.— Земля была приобретена десять или одиннадцать месяцев назад.

Служащий снова вышел. Когда он возвратился, Хаас не смог подавить торжествующую улыбку, так как тот нес еще одно досье.

— Кажется, это то, что вы ищите, сэр. Но покупка сделана не на имя Компании, а на имя Сергиуса Константина. Это небольшой остров у восточного побережья Оаху.

Хаас быстро пробежал документы. Его великолепная память отчетливо воссоздала в воображении карту береговой линии, и он сразу вспомнил, где находится этот островок. Поблагодарив служащего, он вышел, ускорив шаг, т. к. в его уме возникали многочисленные варианты спасения друзей.

Не могло быть никакого сомнения, что это была западня, задуманная за много месяцев вперед. Сейчас близилось осуществление замысла. Сначала жертвы не были известны, их назначила судьба. Он должен немедленно послать телеграмму и предупредить Старкингтона.

Он возвращался в гостиницу, мысленно составляя текст телеграммы. В гостинице вместе с ключом ему передали телеграмму.

Он вскрыл ее, пока шел к лестнице, затем остановился как вкопанный. Телеграмма была краткой и ясной:

«Хаас, с сожалением сообщая вам, что Старкингтон, Гановер и Луковиль погибли в результате несчастного случая с лодкой. Счел своим долгом вас об этом известить. Холл».

Мгновение Хаас стоял неподвижно, сжав в руке телеграмму и пытаясь осознать происшедшее. Он опоздал! Он не успел их

предупредить, он вообще может уже ничего не успеть! Нужно садиться на первый же пароход. Первым пароходом был «Эмберли», отплывающий вечером. Надо спешить в агенство за билетом. Оно всего в нескольких кварталах от гостиницы.

Он бросился на улицу и стал торопливо проталкиваться сквозь толпу. Бедняга Старкингтон, какой это был замечательный человек! А Гановер — такой мягкий и такой эрудит — и как он всегда радовался возможности пойти наперекор законам этого несправедливого мира! А Луковиль: никогда уже он больше не будет ворчать на еду!

Пароходное агенство находилось на другой стороне улицы. Он высочил на мостовую, не замечая несшегося на него огромного пивного фургона. На тротуаре кто-то закричал: испуганный возница с проклятием изо всех сил натянул вожжи, но напрасно. Лошади, напуганные внезапным появлением человеческой фигуры и взбешенные натяжением удил, встали на дыбы и отчаянно забили копытами. Хаас, упал, ощущая нестерпимую боль и сожалея, что умирает так далеко от окаймленного пальмами берега, не успев осуществить своей миссии.

Драгомилов, Груня и Холл решили провести на острове последние дни этого рокового года. Они вели простую, непривлекательную жизнь — сами готовили пищу, носили воду, добывали пропитание в море, как это веками делали до них туземцы. Против ожидания, эта жизнь им нравилась: они отдыхали от суеты большой земли. Но каждый знал, что это временное бегство от стоящих перед ними проблем, которое не может продолжаться долго.

К своему удивлению, Холл чувствовал, что его расположение к Драгомилову возвращается с каждым днем, несмотря на ужасные воспоминания о гибели Старкингтона. Они начали бледнеть, отходить на задний план, пока наконец не стали казаться оставшейся в памяти сценой из давно прочитанной книги или картиной, виденной в какой-то галерее.

Драгомилов выполнял хозяйственные дела наравне с молодежью и не пытался использовать свой возраст и положение, чтобы командовать или давать указания. Он всегда был готов принять участие в рыбной ловле или приготовлении пищи. Уравновешенность его характера часто заставляла Холла спрашивать себя, были ли вообще те ужасные события с водоворотом. Тем не менее с каждым днем Драгомилов все больше и больше замыкался в себе. За едой он молчал и мысли его, видимо, были далеко. Он все чаще выбирал себе работу, чтобы уединиться. И с каждым днем он проводил все больше времени

на берегу, вглядываясь через пролив в большую землю и как бы ожидая чего-то.

К концу предпоследнего дня, оставшегося до срока, он пошел к Холлу, который ловил на отмели крабов. Его лицо было взволнованным, хотя голос оставался ровным.

— Холл, вы уверены, что послали телеграмму Хаасу?

Холл посмотрел на него с удивлением:

— Конечно. Почему вы меня об этом спрашиваете?

— Не могу себе представить, почему он не едет.

— Какие-нибудь обстоятельства, видимо, ему помешали.—

Холл изумленно смотрел на Драгомилова.— Вы же знаете, что он последний из Бюро убийств.

Драгомилов безо всякого выражения встретил взгляд Холла.

— Кроме меня, конечно,— спокойно заметил он и, повернувшись, пошел в сторону дома.

Холл секунду смотрел вслед Драгомилову, потом, пожав в недоумении плечами, снова принялся за ловлю крабов. Когда в небольшой плетеной корзине их набралось достаточно для ужина, он выпрямился, растирая затекшую поясницу. «Мы все извелись, но остается всего один день»,— с облегчением подумал он, а затем нахмурился, вдруг подумал, что он наверняка будет скучать по острову.

Когда он пришел в дом, солнце опускалось на зеленые холмы большой земли. Он оставил корзину с крабами в маленькой кухне и неслышно прошел в гостиную. Груня о чем-то разговаривала с отцом. Как только он вошел, они оба сразу замолчали. Было ясно, что он им помешал. Немного обидевшись, Холл резко повернулся и вышел. Он направился к берегу. «Тайны?— думал он с горечью, шагая по влажному песку.— Тайны сейчас, в последние дни?»

Когда он вернулся, было уже темно. Драгомилов сидел у себя в комнате за письменным столом. На стене четко вырисовывался его профиль. Груня сидела в гостиной подле лампы и плела циновку из пальмовых листьев. Холл опустился в кресло напротив и некоторое время молча наблюдал за движением ее сильных рук. Против обыкновения, она не улыбнулась ему.

— Груня!

Она вопросительно на него посмотрела. Ее лицо словно застыло.

— Да, Винтер?

— Груня,— сказал он вполголоса.— Мы здесь последние дни. Скоро мы вернемся к цивилизации.— Он заколебался, напуган-

ный серьезностью ее лица.— Ты не раздумала выйти за меня замуж?

— Конечно, нет.— Она опять опустила глаза на работу, лежащую у нее на коленях, ее пальцы возобновили свои уверенные движения.— Я ничего так не хочу, как выйти за тебя замуж.

— А твой отец?

Она подняла на него глаза: на ее лице не двигался ни один мускул. Холл уже не в первый раз замечал в тонких четких линиях ее лица большое сходство с отцом.

— Мой отец?

— Чем он теперь займется? Бюро убийств больше не существует. Оно составляло большую часть его жизни.

— Всю жизнь.

Он ничего не мог прочесть в ее глазах. Ее взгляд остановился где-то за спиной Холла. Холл оглянулся. Драгомилов молча стоял позади него. Груня снова перевела взгляд на Холла. Она попыталась улыбнуться:

— Винтер, у нас... у нас нет воды. Не мог бы ты?..

— Конечно!

Он поднялся, взял ведро и направился в сторону небольшого источника в северной части острова. Большая белая луна освещала тропинку, на которой шевелились тени колыхаемых ветром цветов. У Холла было тяжело на сердце: непонятная строгость — почти холодность Груни расстроила его. Но потом пришла утешительная мысль. «Всем нам было нелегко эти дни,— подумал он,— я ведь тоже был не в себе. Еще несколько дней, и мы будем на борту парохода, и тогда капитан сможет нас обвенчать. Муж и жена!»— Он наполнил ведро водой и, тихо насвистывая, направился обратно.

Бочка для воды находилась на кухне. Он наклонил ведро и начал выливать воду. Вода выплеснулась через край, намочив ему босые ноги. Бочка была полна. Внезапно, чего-то испугавшись, он бросил ведро и кинулся в гостиную, Груня все еще молча работала, но по щекам ее текли слезы. Перед ней на столе лежали несколько листиков бумаги, прижатые лампой.

— Груня, дорогая! Что?..

Она пыталась продолжать работу, но слезы заливали ее лицо, и, наконец, отбросив цинковку, она упала в его объятия.

— О, Винтер!..

— Что такое? Что с тобой, дорогая?

Вдруг его осенило. Он повернулся и бросил взгляд в открытую дверь комнаты Драгомилова. В комнате было темно, но

лившийся в окно лунный свет падал на пустую кровать. Он бросился к двери, но Груня удержала его за руку.

— Нет! Не надо! Прочитай вот это!

Он остановился в нерешительности, но она настойчиво его удерживала. Устремленные на него глаза были полны слез, но в них также была решимость. Он подчинился и взял листки бумаги. Пока он читал, Груня рассматривала его широкий лоб, решительную челюсть, изучая лицо человека, который оставался ее единственным защитником.

«Дорогие дети!

Я не могу больше ждать. Хаас не приехал, а время на исходе. Попробуйте понять меня и — как сказал бы Холл — мое безумие. Я говорю о действии, которое мне предстоит совершить. Как руководитель Бюро убийств я принял на себя известные обязательства, и эти обязательства будут выполнены. Бюро никогда не терпело неудач, и оно не потерпит неудачи и теперь. Отказ от выполнения своего обязательства означал бы отрицание всего того, за что мы боролись. Я уверен, что только смерть могла помешать Хаасу выполнить свою миссию, но в нашей организации в таком случае обязательство переходит к другому. Как последний ее член я должен принять его на себя.

Я это делаю без сожаления. Бюро было моей жизнью, и так как ему пришел конец, должен прийти конец и Ивану Драгомилову. Не чувствую я и стыда: шаг, который я сделаю сегодня вечером, я сделаю с гордостью. Возможно, мы были неправы — вы, Холл, однажды убедили меня в этом. Но даже в нашей неправоте была правда.

Мы не отрицаем того, что убивали, и убивали много раз. Но в убийстве страшно не количество жертв, а качество. Смерть одного Сократа — значительно большее преступление против человечества, чем убийство орд дикарей, которые вел за собой Чингис Хан в истребительное завоевание Азии, но кто в это верит? Народ — если бы он о нас узнал — осыпал бы наше Бюро проклятиями, хотя он всегда готов превозносить до небес бессмысленные и ненужные массовые убийства.

Вы мне не верите? Пройдитесь по паркам наших городов, по нашим скверам и площадям. Найдете ли вы памятник Аристотелю или Пейну? Или Спинозе? Нет! Вместо них вы увидите полубогов с мечом в руке, которые вели нас в кровопролитные походы как только мы превратились из обезьян в людей. Последняя война с Испанией, без сомнения, заполнит как в Америке, так и в Испании немногие пустовавшие места героями на конях, поднявшими руку в знак кровавого приветствия и увеко-

вечивающими в бронзе победу насилия в битве за умы людей.

Все же я позволил убедить себя, что мы были неправы. Почему? Потому что по сути дела мы действительно были неправы. Мир должен научиться сознавать общую ответственность за справедливость, она не должна быть прерогативой горстки избранных — тех, которые сами себя зачислили в избранные. Вот и сейчас отголоски грома, который доносится из Европы, предвещает самую гигантскую в истории человечества катастрофу, но спасение нужно искать в чувстве общей моральной ответственности — более всеобъемлющем, чем даже то, которое могли предложить мы. Оно должно явиться следствием растущего сознания и нравственной твердости самого мира.

Тут возникает одно сомнение, один вопрос. А что если эта нравственная твердость не выработается? Тогда в каком-нибудь далеком будущем Бюро убийств может возродиться снова. Ибо о смертях, за которые мы ответственны, можно сказать следующее: ни один человек не умер, который этого не заслужил. Ни один человек не умер, смерть которого не принесла бы пользы человечеству. Сомневаюсь, чтобы то же самое можно было сказать о тех, чьи статуи будут воздвигнуты на площадях после того, как закончится очередная «последняя» война.

Но время истекает. Прошу Вас, Холл, берегите Груню. Она — это жизнь, которую я завещаю этой земле, доказательство того, что ни один человек, хороший или плохой, не может пройти по земле, не оставив следа.

В последний раз целую мою Груню. В последний раз жму руку Вам, мой друг».

Д.»

Холл поднял глаза от письма и посмотрел на прекрасное лицо своей любимой.

— И ты не пыталась его удержать?

— Нет.— В ее взгляде была мужественная твердость.— Всю мою жизнь он ни в чем мне не отказывал. Он удовлетворял мое малейшее желание.— Ее глаза заволокли слезы, рот вздрагивал от усилий сдержаться.— Я так люблю его! Мне больше нечем отплатить ему за все.

Холл обнял ее, удивляясь ее великой силе. Внезапно ее напряжение прорвалось потоком слез.

— О, Винтер, может быть, я была права?— спрашивала она, судорожно к нему прильнув.— Неужели права? Может быть, мне надо было умолять его сохранить свою жизнь?

Он крепко прижимал ее к себе, стараясь успокоить. Через открытую дверь он смотрел на гладкое море, поблескивающее в ярком лунном свете. Он увидел, как вдали промелькнула тень — чья-то легкая фигура неторопливо выгребала лодку на середину пролива в ожидании Хуху Каи. Он не мог точно сказать, действительно ли видел это или представлял в воображении, но вдруг ему показалось, что человек в едва различимой лодке поднял руку, посылая им прощальное светлое приветствие.

— Нет,— воскликнул он, сжимая ее еще крепче.— Нет, родная. Ты поступила правильно.

I. ПЛАН ЗАВЕРШЕНИЯ КНИГИ, НАМЕЧЕННЫЙ ДЖЕККОМ ЛОНДОНОМ

Взрыв должен произойти до истечения срока перемирия. Драгомилов узнает об этом.

Брин встревожен, т. к. понимает смысл происшедшего.

— Я не могу предотвратить взрыв, любая попытка приостановить действие механизма, вызовет мгновенный взрыв.

Драгомилов:

— Я вам помогу. Брин признателен. Брину доказывают, что он включил механизм в условиях перемирия.

— Вы правы. Я, пожалуй, был неправ. Но выключить его я не могу. Я говорил вам об этом механизме. Эта машина замечательна тем, что она напоминает приказ Бюро. Если она пущена в ход, ее не может остановить никакая сила на свете. Она автоматически запирается. Даже мастер не мог бы теперь извлечь часовой механизм.

— Снимите его и выбросьте в залив.

— Друзья, безумцы,— неужели вы разрешите это сделать?

— Они не могут его остановить,— с усмешкой сказал Гановер,— Неоспоримая логика стихии!

— Вы что, собираетесь остаться здесь и взлететь на воздух?— со злостью спросил Холл.

— Конечно нет. Но Брин говорит, что у нас еще много времени. За десять минут мы успеем оказаться за пределами района поражения. Тем временем подумайте, как это замечательно придумано.

Холла больше заботит, что станет с окружающими людьми.

Брин:— Я ошибся в своих рассуждениях. Это доказывает несовершенство человеческого разума. Но, Гановер, стихия не ошибается. Не может ошибаться.

Увлечшись спором, все забыли о том, что время уходит. Драгомилов встает и ласково кладет руку на плечо Луковиля,— ближе к шее. Говорит мягким тоном,— рука делает быстрое—

незаметное движение. Японский прием. Хватает шляпу и пальто. Выбегает.— Хаас бросается вслед — сталкивается со служгой — посуда летит на пол. Дорогой друг, Луковиль,— говорит ГанOVER, глядя на него сквозь очки.— Ты уже никогда не ответишь.

За шефом-таки осталось последнее слово.

* * *

*

Газеты на следующий день — «Сан-Франциско Экзаминер» — Таинственный взрыв в Заливе. Оглушена рыба. Виновник неизвестен.

Телеграмма Драгомилова: «Еду в Лос-Анжелес. Буду там некоторое время. Приезжайте меня ловить».

За обедом, когда Драгомилов восхвалял жизнь, полную приключений,— его обвинили в сентиментальности, эпикурействе (насмешка).

* * *

*

Господа! — отчетливо воскликнул Холл. — Я обращаюсь к вам как к математикам. Этику можно свести до цифр. Зачем вам отдавать все ваши жизни за одну его? Господа, собратья-безумцы, подумайте. Выразите это положение в виде уразнения. Это ненаучно, нерационально. Более того, это безнравственно. С точки зрения высокой этики это будет бессмысленным актом и т. д.

Они спорят. Они уступают.

Драгомилов: — Умно сделали. А теперь перемирие. Мы, наверно, единственная группа людей в Соединенных Штатах или во всем мире, которая так доверяет друг другу. — Вытаскивает часы — Сейчас 9 часов 30 минут. Пойдемте ужинать. Перемирие на два часа. После этого, если ничего не будет решено и ничто не изменится, пусть продолжается.

* * *

*

Холл теряет Груню, которая спасает Драгомилова и убегает вместе с ним. Холл шлет телеграммы, нападает на их след в Мексике, Вест-Индии, Панаме, Эквадоре — переводит телеграфом (пять раз) большую сумму Драгомилову и отправляется следом.

Прибывает; узнает об их отъезде. Встречает Хааса и следует за ним. Отплывает на одном с ним парусном судне в Австралию. Там теряет Хааса.

Шлет телеграммы, узнает, что они направляются на Таити. Встречается с ними на Таити. Женится на Груне. Появление Хааса.

Трое — Драгомилов, Груня и Холл (муж и жена) живут на Таити до тех пор, пока не приезжают убийцы. Тогда Драгомилов ускользает на катере в Таиохаэ.

Драгомилов уверяет других, что он в здравом уме; они даже не сумасшедшие, они глупцы. Они не могут понять переоценки ценностей, которую он осуществил.

На песчаном островке Драгомилов ухитряется взорвать всю группу, кроме Хааса, который слишком умен. Под дом подводится мина.

Драгомилов на острове Нукухика, деревня Таиохаэ, Маркизские острова. На берег выброшен потерпевший аварию катер и убийца (Хаас). Здесь же почти столетием раньше нашел убежище Мелвилл. В то время как Драгомилов обследует на острове долину Тайии, Холл и Груня пытаются обмануть Хааса и думают, что от него отделались.

Драгомилов умирает победителем: убийца — Хаас — обнаруживает его на Маркизских островах только случайно — сам потерпев кораблекрушение. Чисто случайно. «Фактически я перехитрил организацию». Убийца и жертва обсуждают, как он должен умереть. Драгомилову предлагают медленно и безболезненно действующий яд. Соглашается его принять. Принимает. Должен умереть через час.

Драгомилов: «Теперь давайте обсудим, почему наша организация должна быть распущена».

Приезжают Груня и Холл. Шхуна останавливается на некотором расстоянии от берега. Они высаживаются на вельбот и успевают застать его в живых.

После гибели всех, кроме Хааса, Холл завершает дела Бюро. Получает 117 тысяч долларов. Книги и мебель Драгомилова. Посылает глухонемого слугу поддерживать порядок в вилле Эдж Мур.

НАБРОСОК ОКОНЧАНИЯ РОМАНА, СДЕЛАННЫЙ ЧЕРМЕЙН ЛОНДОН

Плывет небольшая яхта, треугольный парус, в течение многих дней и ночей. Сатурналия убийства — великолепное описание бониты — сотни тысяч. Все на них охотятся. Полоса унич-

тожения — несколько миль в ширину — десятки тысяч птиц, всевозможные виды. Все охотятся на летающих рыб. Когда летающие рыбы попадают на борт, люди также устремляются на них. Сатурналия убийств их заражает. Птицы разбивают крылья о снасти, падают на борт, их разрывают на куски бониты; сверху нападают другие птицы. Туземные матросы ловят бониту, чтобы есть сырой — когда вытаскивают пойманных рыб, на них набрасываются их товарищи. Матросы вылавливают акулу — вскрывают, вытаскивают внутренности. Ее сердце бьется в руках человека — акулу швыряют за борт, она плавает, щелкает челюстями, когда рядом проплывают бониты. Груня потрясена зрелищем бьющегося сердца.

Наконец безумие тропического солнца заражает и ее, и Холла. Начинает стрелять птиц, рыбу и т. д. из винтовки Холл, и она смотрит и аплодирует. Все убитые или раненые немедленно пожираются своими товарищами.

Ирландский терьер оказывается за бортом, его сразу же разрывают на части бониты. Падает в воду ее красный платок и его тоже разрывают и т. д. Ничто не может избежать уничтожения.

Так наступает трагически предопределенный конец, когда они плывут в шлюпке к берегу, акулы хватаются за весла. Косак маленьких рыбешек выбрасывается на берег. Они идут вброд по этому серебряному прибою погибшей жизни и находят умирающего Драгомилова.

Главы XVII—XIX и наброски финала романа переведены В. Хабариным.

Литературно-художественное издание

ДЖЕК ЛОНДОН

БЮРО УБИЙСТВ

Печатается с журнала
«Дальний Восток» № 3-4, 1966 г.

Редактор перевода *М. С. Арутюнова*
Худ. редактор *Ж. Гурова*
Техн. редактор *С. Сабирова*
Корректор *С. Браславский*

Сдано в набор 12.05.91. Подписано в печать 09.12.91.
Формат 60×84^{1/16}. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 8,37. Уч.
изд. л. 8,50. Тираж 10000. Заказ № 139. Цена 11 руб.

Издательство «Узбекистон». 700129. Ташкент, Навои, 30.
Изд. № 120—91.

Отпечатано в типографии № 1 издательско-полиграфического объединения имени Гафура Гуляма Госкомитета по печати Республики Узбекистан. 700002, Ташкент, ул. Сагбан, туп. 1, д. 2.

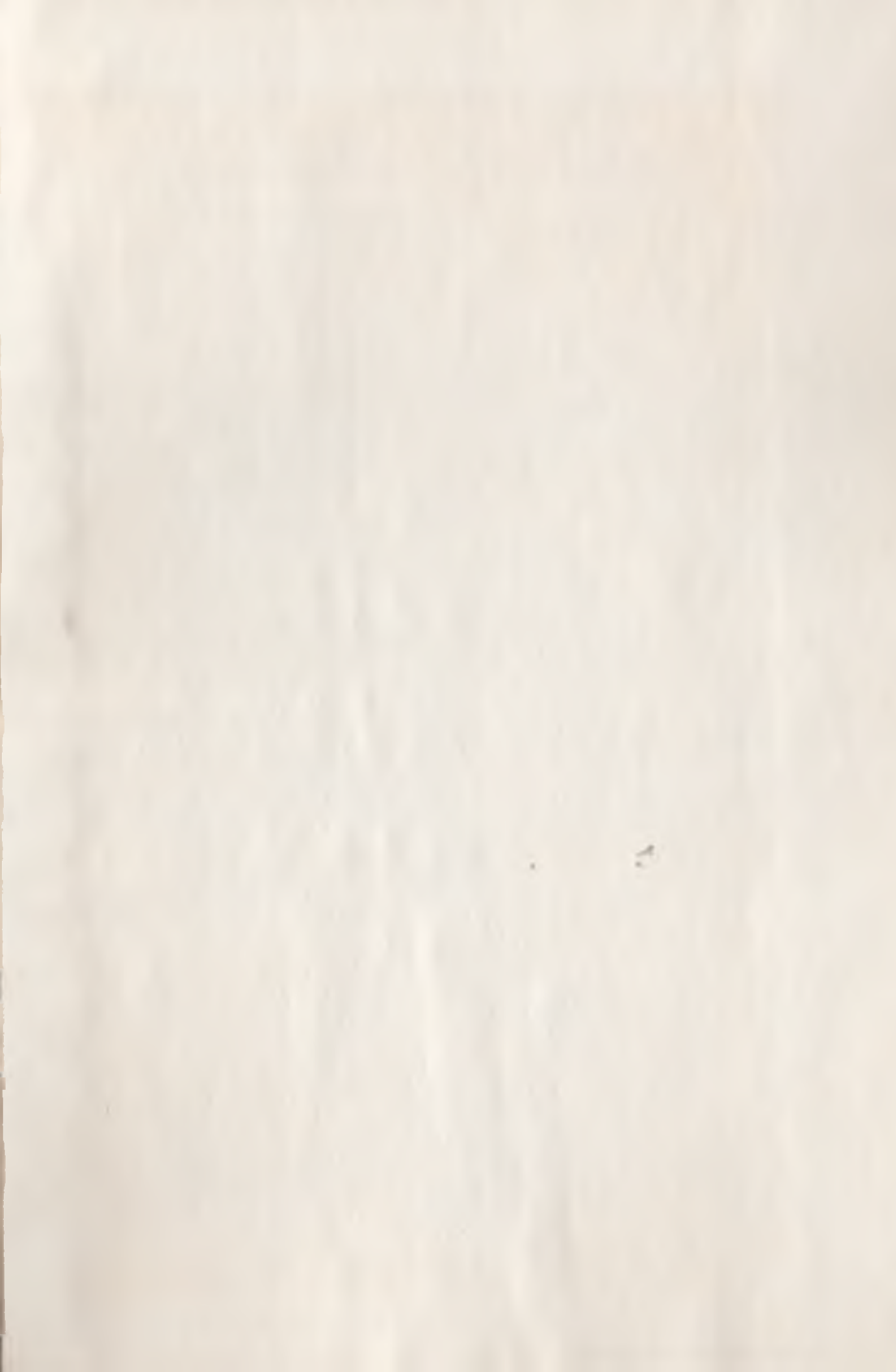
Л 76   Лондон, Джек.
            Бюро убийств. — Т.: Узбекистан, 1991. — 142 с.

И(Амер}

№ 919—91
Гос. б-ка Республики Узбекистан
им. А. Навои.

14